

ISSN 2542-1697

**ЭКОНОМИКА.
СОЦИОЛОГИЯ.
ПРАВО.**

**№3 (43)
2026**

ББК 65+60+67

Э-40

Экономика. Социология. Право. №3(43) (2026). Брянск: БГУ, 2026. - Точка доступа: <http://profit-brgu.ru>

Размещено на официальном сайте журнала: 30.09.2026 г.

Председатель Редакционного совета:

Антюхов Андрей Викторович - доктор филологических наук, профессор, ректор ФГБОУ ВО «Брянский государственный университет имени академика И.Г. Петровского» (БГУ).

Главный редактор:

Бабич Оксана Викторовна - доктор экономических наук, доцент, заместитель проректора по научной работе, международному сотрудничеству, инновационному развитию и цифровизации – начальник управления научной политики БГУ.

Редакционная коллегия:

Алексеев Андрей Алексеевич - доктор экономических наук, профессор кафедры экономики и управления предприятиями и производственными комплексами, директор центра инновационного развития ФГБОУ ВО «Санкт-Петербургский государственный экономический университет»;

Бабосов Евгений Михайлович - доктор философских наук, академик, главный научный сотрудник Института социологии Национальной Академии Наук Республики Беларусь;

Голенкова Зинаида Тихоновна - доктор философских наук, профессор, заместитель директора Института социологии РАН по науке, руководитель Центра исследования социальной структуры и социального расслоения Института социологии РАН;

Горбачёв Александр Николаевич - кандидат юридических наук, доцент кафедры государственно-правовых и гражданско-правовых дисциплин БГУ;

Горина Светлана Алексеевна - доктор экономических наук, профессор, генеральный директор ООО «Аудит и консультирование» (г. Москва);

Гостенина Валентина Ивановна - доктор социологических наук, профессор, профессор кафедры психологии, социологии и социальной работы БГУ;

Кара Игорь Степанович - кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры уголовно-правовых дисциплин, теории и истории государства и права БГУ;

Ковалева Наталья Николаевна - кандидат экономических наук, доцент, декан финансово-экономического факультета БГУ;

Ковальчук Юлия Александровна - доктор экономических наук, профессор, профессор кафедры управления активами факультета международных экономических отношений ФГАОУ ВО «Московский государственный институт международных отношений (университет) Министерства иностранных дел Российской Федерации»;

Крутиков Валерий Константинович - доктор экономических наук, профессор, профессор кафедры экономики и управления ФГБОУ ВО «Калужский государственный университет имени К.Э. Циолковского»;

Курбонов Абдулхайт Каримович - доктор экономических наук, профессор, заведующий кафедрой экономического анализа и аудита Таджикского национального университета (г. Душанбе, Республика Таджикистан);

Мамедов Агамали Куламович - доктор социологических наук, профессор, заведующий кафедрой социологии коммуникативных систем ФГБОУ ВО «Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова»;

Матюшкина Ирина Алексеевна - кандидат экономических наук, доцент, доцент кафедры экономики и управления БГУ (ответственный секретарь);

Омелин Виктор Николаевич - доктор юридических наук, профессор, главный научный сотрудник

Центра исследования проблем обеспечения безопасности в учреждениях уголовно-исполнительной системы ФКУ Научно-исследовательский институт ФСИН России (г. Москва);

Рогова Елена Моисеевна - доктор экономических наук, профессор, заведующий кафедрой финансов и учета, директор центра исследования рыночной эффективности и прикладных финансов Института высшей школы менеджмента ФГБОУ ВО «Санкт-Петербургский государственный университет»;

Шилина Светлана Александровна - доктор социологических наук, доцент, профессор кафедры психологии, социологии и социальной работы БГУ.

В данном выпуске сетевого издания - электронного научного журнала «Экономика. Социология. Право.» представлены материалы ученых по указанным направлениям научных исследований. Журнал предназначен для научных работников, преподавателей, аспирантов и студентов высших учебных заведений.

Ответственность за точность фактологического материала, используемого в статьях, несут авторы.

© БГУ, 2026

Журнал и его метаданные лицензированы в соответствии с CC BY-SA

**ECONOMICS.
SOCIOLOGY.
LAW.**

**№3 (43)
2026**

BBK 65+60+67

E-40

Economics. Sociology. Law. No.3(43) (2026). Bryansk: BSU, 2026. - Access point: <http://profit-brgu.ru>
Posted on the official website of the journal: 30.09.2026 г.

Editorial Board Chairman:

Antyukhov Andrey Viktorovich - doctor of philology, professor, rector of I. G. Petrovsky Bryansk State University (BSU).

Editor in chief:

Babich Oksana Viktorovna - doctor of economics, professor, deputy vice-rector for research, international cooperation, innovative development and digitalization - head of the scientific policy department, BSU.

Editorial Board:

Alekseev Andrey Alekseyevich - doctor of economics, professor of the chair of business economics and industrial management, director of the center for innovative development, St. Petersburg State University of Economics;

Babosov Evgeny Mikhailovich - doctor of philosophy, academician, head of the department, institute of sociology of the National Academy of Sciences of the Republic of Belarus;

Golenkova Zinaida Tikhonovna - doctor of philosophy, professor, deputy director for science of the institute of sociology of the Russian Academy of Science, head of the center for the study of social structure and social stratification, Institute of Sociology of the Russian Academy of Sciences;

Gorbachev Alexander Nikolayevich - candidate of juridical sciences, associate professor of the department of state law and civil law disciplines, BSU;

Gorina Svetlana Alekseyevna - doctor of economics, professor, director general of LLC «Audit and Consulting» (Moscow)

Gostenina Valentina Ivanovna - doctor of sociology, professor, professor of the department of psychology, sociology and social work, BSU;

Kara Igor Stepanovich - candidate of juridical sciences, associate professor, associate professor of the department of criminal law disciplines, theory and history of state and law, BSU;

Kovaleva Natalia Nikolayevna - candidate of economic sciences, associate professor, dean of the faculty of finance and economics, BSU;

Kovalchuk Yuliya Aleksandrovna - doctor of economics, professor, professor of the department of asset management, faculty of international economic relations, Moscow state institute of international relations (university) ministry of foreign affairs of the Russian Federation;

Krutikov Valery Konstantinovich - doctor of economics, professor, head of the department of state law, Kaluga State University named after K.E. Tsiolkovsky (Kaluga city);

Kurbonov Abdulhait Karimovich - doctor of economics, professor, head of the chair of economic analysis and audit of the Tajik national University (Dushanbe, Republic of Tajikistan);

Mammadov Agamali Kulamovich - doctor of sociology, professor, head of the department of sociology of communication systems of the Lomonosov Moscow State University;

Matyushkina Irina Alekseevna - candidate of economic sciences, associate professor, associate professor of the department of economics and management of BSU (Executive Secretary);

Omelin Viktor Nikolayevich - doctor of law, professor, chief researcher at the center for the study of security issues in institutions of the penal correction system of the Federal Penitentiary Institution Scientific Research Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia (Moscow);

Rogova Elena Moiseevna - doctor of economics, professor, head of the department of finance and accounting, director of the center for market efficiency and applied finance research at the Institute of higher

school of management, St. Petersburg State University;

Shilina Svetlana Aleksandrovna - doctor of sociology, associate professor, professor of the department of psychology, sociology and social work, BSU.

In this network edition - electronic scientific journal «Economics. Sociology. Law.» you can find materials of the scientists in these areas of research. The journal is intended to researchers, teachers, postgraduates and students of higher educational institutions.

The authors are responsible for the accuracy of the factual material used in the articles.

© BSU, 2026

The Journal and its metadata are licensed under CC BY-SA

СОДЕРЖАНИЕ

ЭКОНОМИЧЕСКИЕ НАУКИ

Будилова Т.С., Гончарук Д.С.

Система социального страхования: генезис, принципы и функции 9

*Матюшкина И.А., Бондарчук В.В.*Стратегические направления развития дошкольного образования на
национальном уровне..... 16

СОЦИОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

*Епремян Т.В., Биркун И.Е., Епремян Д.О., Ерохов М.В.*Исследование общественного мнения социологическими методами: контент и
формат..... 23*Жданова А.Э.*Уличное искусство как фактор социального оптимизма и трансформации городской
среды (на примере г. Вологды)..... 36*Мельников С.Л., Лапоникина Е.А., Назарян А.К., Чавгун Д.Л.*Социальная сфера Брянского региона: исследование проблем молодежи методом
нарративного интервью 45*Середнев В.А.*Искусственный интеллект как фактор трансформации антропоцентризма: через
лингвистический аспект к перспективам постгуманизма 61*Сычева Е.Ю., Подъячева О.С., Старченко М.А.*Трансформация института брака и эволюция стратегий выбора партнеров в
молодежной аудитории 69*Шилина С.А., Дмитриева М.А., Шилин А.М.*Оптимизация механизмов социальной инклюзии с уязвимыми категориями
граждан 82

ЮРИДИЧЕСКИЕ НАУКИ

*Демиева А.Г., Миронова Д.И.*Недействительность сделок при наличии пороков воли: эволюция правовых
позиций Верховного Суда Российской Федерации 95*Маевский С.С., Герасенков В.М.*

Противодействие насилию в семье: вопросы законодательного регулирования 103

CONTENTS

ECONOMICS

Budilova T.S., Goncharuk D.S.

Social insurance system: genesis, principles and functions 9

Matyushkina I.A., Bondarchuk V.V.

Strategic directions for the development of preschool education at the national level ... 16

SOCIOLOGY

Yepremyan T.V., Birkun I.E., Yepremyan D.O., Erokhov M.V.

Research of public opinion by sociological methods: content and format 23

*Zhdanova A.E.*Street art as a factor of social optimism and transformation of the urban environment
(using the city of Vologda as an example)..... 36*Melnikov S.L., Laponikova E.A., Nazaryan A.K., Chavgun D.L.*The social sphere of the Bryan region: studying youth problems through narrative
interviews 45*Serednev V.A.*Artificial intelligence as a factor in the transformation of anthropocentrism: through
the linguistic aspect to the prospects of posthumanism 61*Sycheva E. Yu., Podyacheva O.S., Starchenko M.A.*Transformation of the marriage institution and evolution of partner choice strategies
among youth 69*Shilina S.A., Dmitrieva M.A., Shilin A.M.*

Optimization of social inclusion mechanisms for vulnerable categories of citizens 82

LAW

*Demieva A.G., Mironova D.I.*Invalidity of transactions involving defects of will: evolution of the legal positions of
the supreme court of the Russian Federation..... 95*Mayevsky S.S., Gerasenkov V.M.*

Counteraction to domestic violence: issues of legislative regulation 103

ЭКОНОМИКА

УДК 368.01

СИСТЕМА СОЦИАЛЬНОГО СТРАХОВАНИЯ: ГЕНЕЗИС, ПРИНЦИПЫ И
ФУНКЦИИБудилова Т.С., Гончарук Д.С.¹

ФГБУН «Вологодский научный центр Российской академии наук», г. Вологда

Социальное страхование смягчает последствия утраты дохода и обеспечивает гражданам защиту при наступлении установленных законом социальных рисков. В статье рассматривается развитие представлений о социальном страховании и уточняется содержание его основных принципов и функций. На основе сопоставления научных публикаций и нормативных источников прослежены ключевые этапы становления страховых механизмов, систематизированы подходы к определению социального страхования и раскрыты защитная, стабилизирующая, перераспределительная, регулирующая и предупредительная функции. Проведенный анализ позволяет рассматривать социальное страхование как механизм распределения социальных рисков и поддержания доходов населения. Отдельно обозначено значение системы социального страхования для финансового потенциала региона, определяющееся через сохранение доходов домохозяйств, потребительского спроса и устойчивости социально-экономических отношений. Полученные результаты могут быть полезны студентам, преподавателям общественных дисциплин, а также всем другим лицам, заинтересованным вопросами уровня жизни населения.

Ключевые слова: социальное страхование, социальный Фонд, социально-экономическое развитие, доходы домохозяйств, финансовый потенциал региона

DOI 10.22281/2542-1697-2026-05-03-09-15

Введение. В последние годы Россия не перестает сталкиваться с различного вида экономическими шоками. Так, пять лет назад случился коронакризис, нарушивший логистику и ход привычной хозяйственной деятельности, далее – санкционный занавес, воздвигнутый большей частью развитых стран. Несмотря на то, что значительная часть ограничений сегодня накладывается на отечественные компании, отрасли или конкретных граждан, эффект от санкций проецируется на население и его доходы.

Для сглаживания вышеуказанного влияния государство применяет различные инструменты, одним из которых является система социального страхования. Аккумулируя и перераспределяя финансовые ресурсы, через эту нее оказывается поддержка наиболее уязвимым категориям граждан – пенсионерам, лицам с инвалидностью, женщинам в период материнства, работникам, временно утратившим трудоспособность или получившим производственные травмы и др. В Стратегии национальной безопасности Российской Федерации [11] в числе ключевых целей и задач государственного управления наряду с улучшением демографической ситуации обозначено аккумулирование и рациональное использование внутренних ресурсов. Учитывая, что финансовый сектор в настоящее время является не менее значимым для роста экономики, чем реальный, а межрегиональная дифференциация социально-экономического развития все еще остается актуальной народохозяйственной проблемой, необходимо четкое понимание составных элементов финансового потенциала страны и регионов, а также принципов и функций, на которых они строятся. Учитывая вышесказанное, целью настоящего исследования выступает систематизация теоретических представлений о социальном страховании в части его генезиса, подходов к определению, принципов и функций.

Материалы и методы. Основными источниками информации послужили труды отечественных и зарубежных ученых в области финансов, права и региональной экономики,

¹ Статья подготовлена в соответствии с государственным заданием ФГБУН ВолНЦ РАН по теме НИР № FMGZ-2025-0011 «Обеспечение устойчивости экономики регионов в контексте укрепления технологического суверенитета и национальной безопасности».

а также нормативные правовые акты Российской Федерации, регулирующие систему обязательного социального страхования. Методологическая база включает общенаучные методы анализа и синтеза, дедукции и индукции. Ведущими методами выступают семантический анализ научной литературы и историко-сравнительный метод.

Результаты. Первые формы страхования появились в XIX в., когда Германия переживала период масштабного реформирования социального законодательства (табл. 1).

Таблица 1 – Этапы развития социального страхования

Страна	Описание
1. Происхождение и первые формы социального страхования (XIX век)	
Германия (Отто фон Бисмарк)	В 1880-е гг. – серия реформ, направленных на обеспечение социального страхования для рабочих; политический шаг, призванный снизить социальную напряженность и нейтрализовать социалистические движения. В 1883 году введено страхование на случай болезни. В 1884 году – страхование от несчастных случаев на производстве. В 1889 году – пенсионное страхование по старости и инвалидности.
2. Распространение и развитие системы социального страхования в XX веке	
Великобритания	В 1911 году принят Национальный страховой закон (National Insurance Act), который ввел страхование по болезни и страхование от безработицы для наемных работников.
США (Франклин Рузвельт)	В 1935 году принят Закон о социальном обеспечении (Social Security Act), предусматривавший пенсионные выплаты по старости, страхование от безработицы и помощь семьям с детьми.
СССР	В 1918 году введены социальные выплаты. В 1930-е годы сформировалась универсальная система социальной защиты, включающая пенсии, страхование на случай болезни и инвалидности.
3. Послевоенные изменения и расширение социального страхования (середина XX века)	
Великобритания (Беверидж)	В 1942 году опубликован доклад сэра Уильяма Бевериджа, ставший основой реформы социального обеспечения. Согласно его концепции, система должна была покрывать все население страны и предусматривать государственные выплаты в случае болезни, безработицы, старости и других социальных рисков.
Страны Европы	В 1950–1970-х годах приняты законы, расширяющие доступ к социальному страхованию; увеличены размеры пособий и упрощены условия получения выплат.
Япония и страны Азии	В 1960-е годы введены системы общественного здравоохранения и пенсионного обеспечения.
4. Современные тенденции и вызовы социального страхования (конец XX в. – настоящее время)	
Латинская Америка и Восточная Европа	В 1980–1990-х годах проведены неолиберальные реформы в области социального страхования, ориентированные на приватизацию социальных фондов и сокращение роли государства.
Мир	Пандемия COVID-19 продемонстрировала значимость социальной защиты в условиях глобального кризиса. Многие страны внедрили меры поддержки безработных, больничные выплаты и временные социальные пособия.

* составлено авторами по [1, 3, 5, 8, 17]

Так, в 1880-е годы прошла серия реформ, ставящая акцент на снижении влияния социалистических движений посредством формирования социальных гарантий у рабочих. В некоторых других странах ключевым фактором в этом направлении стали мировые войны, ставшие ключевыми кризисами всего XX века. Параллельно с этим отдельными государствами, например СССР, формирование системы социального страхования осуществлялось в том числе и по политическим соображениям: в СССР социальные выплаты были введены уже в следующем году после Октябрьской революции. Данные табл. 1 показывают, что страны, первыми формировавшие или расширявшие социальное страхование, обладали более высоким уровнем экономического развития. Так, страны Азии, включая Японию, которые до второй половины XX в. не входили в число экономических лидеров, могли вовсе не иметь систем пенсионного или медицинского обеспечения. В государствах Латинской Америки развитие системы страхования произошло лишь в конце прошлого столетия. Пандемийный кризис, произошедший пять лет назад, в очередной раз обострил проблему поддержки наиболее уязвимого населения. Вследствие него появились

новые формы занятости и правила обеспечения безопасной трудовой деятельности, что запустило процессы модернизации системы социального страхования. Изменения, с которыми столкнулись страховые компании, коснулись прежде всего цифровизации процессов и резко возросшего спроса на их услуги.

Рассматривая подходы к определению социального страхования в современной научной литературе, мы установили, что интерпретации различных авторов существенно расходятся. Чаще всего различия связаны с концептуальными и (или) методологическими основаниями, которых придерживается автор, однако встречаются разногласия и в определении роли социального страхования в социально-экономическом развитии. Исследуемые трактовки мы разделили на пять подходов (табл. 2).

Таблица 2 – Подходы к определению социального страхования

Подходы к определению социального страхования	Суть определения	Авторы
Экономический подход	Социальное страхование представляет собой систему, перераспределяющую финансовые ресурсы между субъектами в кризисные периоды.	Беверидж, Бобков, Роик
Социологический подход	Социальное страхование представляет собой институт, обеспечивающий социальную инклюзию граждан посредством стимулирования их социальной защищенности.	Парсонс, Миллс
Правовой подход	Социальное страхование представляет собой систему правовых отношений, обеспечивающую социальные гарантии в случае страховых ситуаций.	Захаров, Фёдорова
Сравнительный (системный) подход	Социальное страхование представляет собой систему, определяющую характеристики предоставляемых гарантий с опорой на историко-культурный контекст территории.	Эспинг-Андерсен, Титмусс, Антропов
Институциональный подход	Социальное страхование представляет собой институт, предназначенный для стабилизации доходов населения в кризисные периоды.	Роик, Никишина

* составлено авторами по [2, 4, 7, 9, 10, 13, 14, 16, 18–20]

Данные таблицы 2 показывают, что социальное страхование в различных подходах рассматривается через призму системного анализа (как система) или ему придается институциональная характеристика – определяется форма и роль социального страхования в контексте общественных отношений.

С практической точки зрения страхование физических лиц реализуется через конкретные формы страхования, носящие как обязательный, так и добровольный характер. Обязательное страхование в России представлено четырьмя основными видами, администрирование которых с 2023 года сосредоточено в Социальном и Мединском фондах [12, 15]. Во-первых, это пенсионное страхование, ориентированное на социальную защиту старшего поколения, лиц с ограниченными возможностями, а также тех, кто утратил кормильца. Во-вторых, обязательное медицинское страхование, гарантирующее оказание бесплатной медицинской помощи гражданам и резидентам страны; при этом спектр предоставляемых бесплатно услуг ограничен, и остальные необходимо получать на возмездной основе. В-третьих, действующая система предусматривает защиту граждан в периоды временной утраты трудоспособности – в связи с материнством, болезнью и т.д. В-четвертых, государство поддерживает работников, пострадавших от несчастных случаев на производстве или получивших профессиональные заболевания в результате трудовой деятельности.

Обращаясь к добровольному страхованию, отметим, что взносы по нему индивидуальны и, следовательно, выплаты зависят от общего объема вложенных средств. Пользоваться накопленными средствами при этом могут и неработающие члены семьи. Виды добровольного страхования менее ограничены и могут затрагивать страхование жизни и имущества, иметь накопительный и инвестиционный характер включают в себя следующие виды деятельности: добровольное страхование жизни; добровольное личное

страхование, за исключением добровольного страхования жизни; добровольное имущественное страхование; перестрахование; виды страхования, предусмотренные федеральным законодательством о конкретном виде обязательного страхования.

Первым отметим страхование жизни, которое может иметь формы рискового, накопительного и инвестиционного страхования жизни. Рисковое страхование покрывает риск смерти гражданина, а в отдельных случаях и риски, связанные с возникновением у него различных заболеваний или получения травм. В случае наступления указанных в договоре ситуаций, пострадавший (или указанные в страховом договоре лица) получает определенную часть накопленных денежных средств со страхового полиса. Накопительное страхование жизни, которое осуществляется путем регулярных платежей на протяжении срока страхового договора. Если страховой случай наступает, то гражданин получает страховые выплаты. Если страховой случай не наступает, то гражданин получает назад накопления после окончания срока страхового договора. Инвестиционное страхование жизни в основу закладывает такой механизм, в рамках которого страховая компания выступает управляющим капиталом клиента.

К добровольному личному страхованию, помимо страхования жизни, относятся страхование от несчастных случаев и болезней, а также медицинское страхование. В первом случае договор предусматривает выплату при оговоренных последствиях несчастного случая или заболевания. Добровольное медицинское страхование позволяет получить медицинские услуги в пределах выбранной программы. Добровольное имущественное страхование охватывает, в частности, защиту имущества граждан и организаций, транспортных средств, а также страхование отдельных видов ответственности и финансовых рисков. Перестрахование представляет собой передачу части принятого риска страховой компанией другому страховщику.

Переходя к принципам обязательного социального страхования, прежде всего следует отметить его всеобщий обязательный характер. Он означает, что система распространяется на категории граждан, определенные законодательством, а застрахованным лицам гарантируется возможность реализовать свои права при наступлении страхового случая. Содержание предоставляемого обеспечения зависит от вида страхования и характера социального риска. При этом государство гарантирует соблюдение прав застрахованных лиц и исполнение обязательств по страхованию независимо от финансового положения страховщика.

Объем финансовых ресурсов, в последствии реализующийся в виде вышеназванных преференций, накапливается и аккумулируется внебюджетными фондами за счет поступающих взносов. Таким образом формируется пул финансовых ресурсов, в который закладывается их реализация на заранее определенные цели расходования. Следовательно, система страхования в этом аспекте отличается принципом целевой направленности средств.

Не менее важным является принцип доступности и простоты получения помощи, предполагающий получение социальных выплат и компенсаций в упрощенной форме, что гарантирует гражданам быстрое поступление положенных им пособий. Ярким примером здесь является портал Госуслуг, с помощью которого автоматизируется заполнение заявлений на получение преференций.

Названные принципы определяют содержание функций социального страхования. Его защитная функция проявляется в компенсации или смягчении последствий утраты заработка вследствие болезни, инвалидности, наступления старости, материнства и других предусмотренных законодательством обстоятельств. Страховое обеспечение помогает домохозяйствам удовлетворять текущие потребности в периоды, когда возможности получать трудовой доход сокращаются. С защитной функцией тесно связана стабилизирующая, поскольку своевременные страховые выплаты позволяют гражданам сохранять потребление при наступлении неблагоприятных обстоятельств и смягчают их последствия для экономики территории. Перераспределительная функция реализуется через формирование страховых фондов за счет взносов и направление аккумулированных средств

тем, у кого возникло право на страховое обеспечение. Такое перераспределение снижает зависимость материального положения человека исключительно от его текущего трудового дохода. В совокупности эти функции позволяют рассматривать социальное страхование как один из факторов, способных опосредованно влиять на финансовый потенциал территории [6]. Регулирующая функция выражается во влиянии страхового механизма на поведение работодателей, работников и других участников системы. Установленные правила уплаты взносов и предоставления страхового обеспечения формируют условия для соблюдения трудовых прав и поддержания занятости. Контроль за полнотой поступления взносов, обоснованностью назначения выплат и целевым использованием средств, в свою очередь, обеспечивает устойчивость системы и соблюдение прав застрахованных лиц. Дополняют указанные функции предупредительные меры, прежде всего направленные на снижение производственного травматизма, профессиональной заболеваемости и связанных с ними социальных и экономических потерь.

Подводя итог, система социального страхования является комплексным механизмом, который посредством экономических процессов напрямую влияет на социальную защищенность граждан, а также опосредованно – на финансовый потенциал территории. Рассмотренная хронология ее развития демонстрирует то, что страхование продолжает развиваться, охватывая новые случаи, ведущие к росту социальной и экономической уязвимости населения. Более того, появляются новые формы страхования, позволяющие гражданам в том числе реализовывать свои инвестиционные инициативы. Тем не менее оценка масштаба влияния системы страхования на финансовый потенциал конкретных регионов требует дальнейшего исследования с использованием соответствующих показателей.

Заключение. Проведенное исследование показывает, что функции социального страхования имеют значение не только для защиты отдельных категорий граждан, но и для социально-экономического развития территории. Компенсация утраченного заработка и обеспечение доступа к медицинской помощи поддерживают благосостояние населения, тогда как перераспределение финансовых страховых ресурсов смягчает последствия неравномерного распределения социальных рисков.

Влияние социального страхования на развитие территорий проявляется преимущественно через сохранение доходов и потребления домохозяйств, снижение последствий утраты трудоспособности и поддержание социальной устойчивости, а также через заложенную в сам механизм функцию перераспределения финансовых ресурсов. Тем не менее результативность этого механизма зависит от достаточности финансовых ресурсов системы, своевременности выплат и доступности страхового обеспечения для граждан, имеющих на него право.

Список использованных источников

1. Алпатова Г. М. У истоков социального государства: У. Беверидж / Г.М. Алпатова // Вестник Пермского университета. – 2009. – Вып. 1 (8). – С. 92–97.
2. Антропов В. В. Национальные системы социальной защиты в развитых странах / В.В. Антропов // Мировая экономика и международные отношения. – 2005. – № 11. – С. 70–77.
3. Беспалова Л. Н. Социальная политика Отто фон Бисмарка / Л.Н. Беспалов // Известия Алтайского государственного университета. – 2011. – № 4–2. – С. 229–233.
4. Бобков В. Н. Обязательное социальное страхование и социально-экономическая динамика / В. Н. Бобков // Уровень жизни населения регионов России. – 2001. – № 4. – С. 5–54.
5. Бурдыгина Е. А. Развитие социального страхования в России / Е.А. Бурдыгина // Вестник Оренбургского государственного университета. – 2006. – № 8. – С. 22–29.
6. Гончарук Д. С. Теоретические аспекты финансового потенциала территории в обеспечении национальной безопасности и технологического суверенитета / Д. С. Гончарук // Вопросы территориального развития. – 2025. – № 1. – С. 1–14.
7. Захаров М. Л. Социальное страхование в России: прошлое, настоящее и

перспективы развития. Трудовые пенсии, пособия, выплаты пострадавшим на производстве: монография. – Москва : Проспект, 2014. – 309 с.

8. Кошкина М. М. Становление системы социального законодательства в период администрации президента Ф. Д. Рузвельта / М.М. Кошкина // Власть. – 2010. – № 2. – С. 150–153.

9. Миллс Ч. Р. Социологическое воображение. – Москва : Стратегия, 1998. – 264 с.

10. Никишина О. В. Социальное страхование в современной России как основной институт социальной защиты населения / О.В. Никишина // Научная мысль Кавказа. – 2008. – № 2 (54). – С. 130–134.

11. О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации: Указ Президента РФ от 02.07.2021 № 400. – Справочная правовая система «КонсультантПлюс». – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_389271/

12. О Фонде пенсионного и социального страхования Российской Федерации: Федеральный закон от 14.07.2022 № 236-ФЗ. – Официальный сайт Президента России. – URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/48143>

13. Парсонс Т. Система современных обществ. – Москва: Аспект-Пресс, 1998. – С. 16.

14. Ройк В. Д. Основы социального страхования. – Москва: Анкил, 2005. – 254 с.

15. Справочная информация: Обязательное страхование. – Справочная система «КонсультантПлюс». – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_99388/ab

16. Фёдорова М. Ю. Понятие социального страхования / М.Ю. Федорова // Журнал российского права. – 2001. – № 1.

17. Чубинский В. В. Бисмарк: политическая биография. – Москва: Мысль, 1988. – 416 с.

18. Esping-Andersen G. The Three Worlds of Welfare Capitalism. – Princeton, 1990. – P. 23.

19. Social Insurance and Allied Services. Report by Sir William Beveridge. – London, 1942.

20. Titmuss R. M. Essays on the Welfare State. – London: Allen & Unwin, 1976. – P. 272.

Сведения об авторах

Будилова Татьяна Сергеевна – младший научный сотрудник Центра финансовых исследований, Вологодский научный центр Российской академии наук. E-mail: vasilievats@mail.ru

Гончарук Данила Сергеевич – младший научный сотрудник Центра финансовых исследований, Вологодский научный центр Российской академии наук. E-mail: danila_gon4aruk@mail.ru

UDC 368.01

SOCIAL INSURANCE SYSTEM: GENESIS, PRINCIPLES AND FUNCTIONS

Budilova T.S., Goncharuk D.S.²

Vologda Research Center of the Russian Academy of Sciences, Vologda

Social insurance mitigates the consequences of loss of income and provides citizens with protection in the event of legally established social risks. The article examines the development of ideas about social insurance and clarifies the content of its basic principles and functions. Based on a comparison of scientific publications and regulatory sources, the key stages of the formation of insurance mechanisms are traced, approaches to the definition of social insurance are systematized, and protective, stabilizing, redistributive, regulatory, and preventive functions are disclosed. The conducted analysis allows us to consider social insurance as a mechanism for distributing social risks and maintaining income of the population. The importance of the social insurance system for the financial potential of the region is highlighted separately, which is determined through the preservation of household incomes, consumer demand and the sustainability of socio-economic relations. The results obtained can be useful to students, teachers of social disciplines,

² The article was prepared in accordance with the state assignment of the Vologda Research Center of the Russian Academy of Sciences within the framework of Research Project No. FMGZ-2025-0011 “Ensuring the sustainability of regional economies in the context of strengthening technological sovereignty and national security”.

as well as to all other persons interested in the standard of living of the population.

Keywords: social insurance, Social Fund, socio-economic development, household income, financial potential of the region

References

1. Alpatova G. M. At the Origins of the Welfare State: W. Beveridge / G. M. Alpatova // Bulletin of Perm University. – 2009. – Issue 1 (8). – Pp. 92–97.
2. Antropov V. V. National Social Protection Systems in Developed Countries / V. V. Antropov // World Economy and International Relations. – 2005. – No. 11. – Pp. 70–77.
3. Beshpalova L. N. Social Policy of Otto von Bismarck / L. N. Beshpalova // Izvestiya of Altai State University. – 2011. – No. 4–2. – Pp. 229–233.
4. Bobkov V. N. Mandatory Social Insurance and Socio-Economic Dynamics / V. N. Bobkov // The Standard of Living of the Population in the Regions of Russia. – 2001. – No. 4. – Pp. 5–54.
5. Burdygina E. A. The Development of Social Insurance in Russia / E. A. Burdygina // Bulletin of the Orenburg State University. – 2006. – No. 8. – Pp. 22–29.
6. Goncharuk D. S. Theoretical Aspects of the Financial Potential of a Territory in Ensuring National Security and Technological Sovereignty / D. S. Goncharuk // Issues of Territorial Development. – 2025. – No. 1. – Pp. 1–14.
7. Zakharov M. L. Social Insurance in Russia: Past, Present, and Development Prospects. Labor Pensions, Benefits, and Payments to Workers Injured on the Job: a Monograph. – Moscow: Prospekt, 2014. – 309 p.
8. Koshkina M. M. The Formation of the Social Legislation System during the Presidency of F. D. Roosevelt / M. M. Koshkina // Vlast. – 2010. – No. 2. – Pp. 150–153.
9. Mills C. R. The Sociological Imagination. – Moscow: Strategy, 1998. – 264 p.
10. Nikishina O. V. Social Insurance in Modern Russia as the Main Institution of Social Protection of the Population // Scientific Thought of the Caucasus. – 2008. – No. 2 (54). – Pp. 130–134.
11. On the National Security Strategy of the Russian Federation: Decree of the President of the Russian Federation dated July 2, 2021, No. 400. – Reference and Legal System “ConsultantPlus”. – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_389271/
12. On the Pension and Social Insurance Fund of the Russian Federation: Federal Law No. 236-FZ dated July 14, 2022. – Official website of the President of Russia. – URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/48143>
13. Parsons T. The System of Modern Societies. – Moscow: Aspect-Press, 1998. – P. 16.
14. Roik V. D. Fundamentals of Social Insurance. – Moscow: Ankil, 2005. – 254 p.
15. Reference information: Compulsory Insurance. – Reference system “ConsultantPlus”. – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_99388/ab
16. Fedorova M. Yu. The Concept of Social Insurance / M. Yu. Fedorova // Journal of Russian Law. – 2001. – No. 1.
17. Chubinsky V. V. Bismarck: A Political Biography. – Moscow: Mysl, 1988. – 416 p.
18. Esping-Andersen G. The Three Worlds of Welfare Capitalism. – Princeton (New Jersey), 1990. – P. 23.
19. Social Insurance and Allied Services. Report of Sir William Beveridge. – London, 1942.
20. Titmuss R. M. Essays on the Welfare State. – London: Allen & Unwin, 1976. – P. 272.

Author's information

Budilova Tatyana Sergeevna – Junior Researcher at the Center for Financial Research, Vologda Research Center of the Russian Academy of Sciences. E-mail: vasilievats@mail.ru

Goncharuk Danila Sergeevich – Junior Researcher at the Center for Financial Research, Vologda Research Center of the Russian Academy of Sciences. E-mail: danila_gon4aruk@mail.ru

УДК 377.4

**СТРАТЕГИЧЕСКИЕ НАПРАВЛЕНИЯ РАЗВИТИЯ ДОШКОЛЬНОГО
ОБРАЗОВАНИЯ НА НАЦИОНАЛЬНОМ УРОВНЕ**

Матюшкина И.А., Бондарчук В.В.

Брянский государственный университет имени академика И.Г. Петровского, г. Брянск

Целью данного исследования является систематизация стратегических направлений развития дошкольного образования. Исследование выполнено на основе анализа действующих документов государственного стратегического планирования. Актуальность статьи обусловлена ролью дошкольного образования в достижении национальных целей развития, закреплённых Указом Президента РФ от 07.05.2024 № 309, а также в формировании человеческого капитала и повышении экономической активности населения. В исследовании рассматриваются нормативные акты, регулирующие сферу дошкольного образования, проводится сопоставление государственного и частного сегментов рынка дошкольных услуг. В заключении определены стратегические приоритеты развития дошкольного образования, в частности: расширение форматов услуг, государственно-частное партнёрство, цифровизация образовательных процессов и укрепление кадрового состава.

Ключевые слова: дошкольное образование, национальные цели развития, государственно-частное партнёрство, доступность образования, рынок образовательных услуг, цифровизация образования

DOI 10.22281/2542-1697-2026-05-03-16-22

Дошкольное образование в образовательной системе России занимает значимое место. На этом этапе происходит подготовка ребенка к школьной жизни и формируется качество человеческого капитала. Экономические и демографические процессы влияют на устойчивость и доступность дошкольного образования. Поэтому нужно выделить главные пути развития отрасли дошкольного образования. Именно через них государство реализует свою политику, что является предметом данного исследования. Таким образом, мы разобрали текущую ситуацию в сфере дошкольного образования и выделили главные направления, по которым её нужно развивать.

Указ Президента Российской Федерации №309 устанавливает приоритеты развития в том числе такие, связанные с дошкольным образованием как «сохранение населения, улучшение здоровья и благополучия людей, поддержка семьи» и «реализация потенциала каждого человека, развитие его талантов, воспитание патриота и социально ответственного человека». Достижение этих приоритетов не может происходить без обеспечения доступности качественного дошкольного образования и создания условий для гармоничного сочетания работы и воспитания детей родителями.

Национальный проект «Семья» заменил проект «Демография». Он подчеркивает важность развития инфраструктуры для детства и разработку мер поддержки семей с детьми. Стратегия развития образования до 2036 года определяет существенные и качественные принципы для всех уровней в том числе и дошкольного. Разнообразие форматов услуг и цифровизация уже не просто «рыночный слоган» а становятся реальными инструментами реализации политических решений, принятых государством. Отрасль состоит из государственного, муниципального и частного сегментов. Эти сегменты сильно различаются в зависимости от субъектов Федерации. Уже долгое время система находится под давлением из-за нехватки мест и неравномерного охвата территории [3]. В последние годы охват детей дошкольными программами увеличивается и вместе с ним увеличивается доля негосударственных организаций. Особенно это заметно в крупных мегаполисах, где не хватает бюджетных мест, и родители пытаются найти гибкие формы воспитания детей.

Теперь перейдем к количеству учащихся в организациях, реализующих программы дошкольного образования и ухода за детьми (табл. 1). Анализ динамики численности воспитанников в организациях, реализующих программы дошкольного образования и осуществляющих присмотр и уход за детьми, в 2022–2025 гг. свидетельствует об устойчивой

отрицательной тенденции. Общая численность воспитанников сократилась с 7008,1 тыс. человек в 2022 г. до 6091,7 тыс. человек в 2025 г., что соответствует снижению на 13,1%, при этом в 2025 г. по отношению к 2024 г. темпы сокращения составили 4,6%. Сокращение контингента наблюдалось как в городских, так и в сельских поселениях: численность воспитанников в городах и поселках городского типа уменьшилась на 13,2% (с 5657,8 тыс. человек до 4908,3 тыс. человек), в сельской местности — на 12,4% (с 1350,4 тыс. человек до 1183,4 тыс. человек). В 2025 г. в сельской местности снизилось количество воспитанников чуть быстрее (5,0% против 4,5% в городах). Вероятными причинами могут быть неравномерная демография, отток молодых семей из сельских территорий и оптимизация малокомплектных детских садов.

Таблица 1 – Численность воспитанников в организациях, реализующих программы дошкольного образования, а также занимающихся присмотром и уходом за детьми

Наименование показателя	2022 г.	2023 г.	2024 г.	2025 г.	2025 г. в % к 2022 г.	2025 г. в % к 2024 г.
Численность воспитанников – всего, тыс. человек	7008,1	6665,0	6385,3	6091,7	86,9	95,4
в том числе:						
в городах и поселках городского типа	5657,8	5371,4	5139,6	4908,3	86,8	95,5
в сельской местности	1350,4	1293,7	1245,6	1183,4	87,6	95,0
Из общей численности воспитанников – воспитанники-инвалиды, тыс. человек	86,9	89,3	88,0	88,6	102,0	100,7
в том числе:						
в городах и поселках городского типа	76,4	78,8	77,6	77,9	102,0	100,4
в сельской местности	10,4	10,5	10,4	10,6	101,9	101,9

Иная картина у воспитанников-инвалидов: их число выросло с 86,9 до 88,6 тыс. человек (+2,0%), причём рост отмечен и в городе, и в сельской местности. На фоне общего снижения контингента это говорит о лучшей доступности дошкольных услуг для детей с ОВЗ — через инклюзию, безбарьерную среду, коррекционные и комбинированные группы, а также более точный учёт таких детей. Доля воспитанников-инвалидов в общей численности поднялась с 1,24% до 1,45%. Структура контингента меняется и растёт удельный вес детей, которым нужны особые условия обучения и воспитания.

В итоге за 2022–2025 гг. в дошкольном образовании России сосуществуют два процесса, демографически обусловленное сокращение общей численности воспитанников и одновременный рост числа детей-инвалидов в организациях. Планировать сеть учреждений необходимо с учётом объёма и состава контингента.

Далее рассмотрим показатель заполняемости воспитанников на 100 мест в организациях, ведущих образовательную деятельность по программам дошкольного образования и осуществляющих присмотр и уход (табл. 2). В России этот показатель снизился с 94 человек в 2023 году до 91 в 2025 году, в городах с 98 до 95, а в сельских районах с 82 до 80. В Центральном федеральном округе ситуация не лучше. Он снизился с 95 до 93 в целом, с 98 до 96 в городах, с 81 до 77 в сельских районах. В Брянской области эта тенденция ещё более выражена. Снижение с 83 воспитанников до 75 в целом по области, в городах с 89 до 81, в сельских районах с 57 до 51. По мере снижения числа людей планируемая вместимость всё чаще превышает фактический спрос. Причиной этого явления является уменьшение числа детей дошкольного возраста при той же инфраструктуре. К другим факторам относятся различия в темпах снижения рождаемости, миграция, а также изменения в предпочтениях родителей, которые предпочитают доверять своих детей другим видам ухода и образования. Нагрузка в сельских районах традиционно ниже, чем в городах из-за меньшей плотности населения, а также из-за того, что там много небольших детских садов.

Таблица 2 – Численность воспитанников, приходящихся на 100 мест в организациях, осуществляющих образовательную деятельность по образовательным программам дошкольного образования, присмотр и уход за детьми, человек

Наименование показателя	2023 год			2024 год			2025 год		
	Всего	Из них:		Всего	Из них:		Всего	Из них:	
		Городская местность	Сельская местность		Городская местность	Сельская местность		Городская местность	Сельская местность
Российская Федерация	94	98	82	93	96	81	91	95	80
Центральный федеральный округ	95	98	81	95	97	82	93	96	77
Брянская область	83	89	57	79	85	54	75	81	51

Самое значительное снижение показателя отмечено в сельских районах Брянской области, что связано с региональной миграцией населения, консолидацией поселений и оптимизацией сети дошкольных образовательных учреждений. Хотя в городах нагрузка выше, но в некоторых городах формируется определённая резервная вместимость. Таким образом система переходит от модели постоянного дефицита мест к развитию резервной вместимости - в основном в сельских районах и некоторых регионах. Это меняет парадигму планирования и гибкие форматы ухода и образования становятся необходимыми, а в некоторых случаях помещения перепрофилируются для социальных задач.

Сравним государственные и частные сектора по ключевым показателям (табл. 3).

Таблица 3 – Основные показатели развития дошкольного образования по формам собственности

Показатель	Государственный сектор	Частный сектор
Доля в общей численности воспитанников, %	около 99	около 1
Численность воспитанников в возрасте до 3 лет (2024 г.), тыс. человек	10,3	0,2
Обеспеченность местами	Высокая в сельской местности, дефицит в крупных городах	Точечное присутствие, преимущественно в городах
Уровень оплаты труда персонала	Ниже среднерыночного	Выше среднерыночного
Гибкость режимов работы	Ограниченная	Высокая
Стоимость услуг для родителей	Низкая (субсидируемая)	Высокая
Доступ к бюджетному финансированию	Полный	Частичный или отсутствует

Из таблицы видна асимметрия развития государственного и частного секторов. Государственные и муниципальные организации составляют примерно 99% от общего числа организаций, а частные организации составляют всего 1%. Согласно таблице, в 2024 году в государственных организациях находится 10300 детей в возрасте до 3 лет, а в частных организациях всего 0,2000. Что касается территориального распределения то оно значительно отличается. Государственный сектор гарантирует высокую доступность вакансий в сельской местности, но в крупных городах существует проблема нехватки вакансий. Частные организации работают в основном в крупных городах и частично покрывают спрос, который не покрывается бюджетной сетью.

Условия работы также различаются. В государственных организациях оплата труда обычно ниже рыночного уровня что влияет на отсутствие интереса к этой профессии и приводит к нехватке персонала. В частных организациях зарплата обычно выше и позволяет

конкурировать за специалистов.

Одной из важных особенностей детских садов является гибкость рабочего графика и цены услуг для родителей. Бюджетные детские сады дешевле из-за субсидирования, но график работы регулируется нормами. Частные организации предлагают гибкий график и адаптацию к образу жизни занятых родителей, но при этом цены значительно выше. Другая разница касается доступа к бюджетному финансированию. Государственные организации имеют полный доступ к источникам бюджетного финансирования, а частные организации частично включены в систему бюджетного финансирования или вообще не имеют к ней доступа. Это ограничивает возможности развития частных организаций и снижает возможность снижения стоимости услуг для родителей.

Таким образом частный и государственный секторы детских садов имеют взаимодополняющие особенности. Государственный сектор обеспечивает массовую доступность услуг, а частный сектор гибкость услуг и их разнообразие. Эти особенности дают возможности для развития смешанных финансовых и организационных моделей включая государственно-частное партнерство.

Реализация стратегических ориентиров требует перехода от декларации целей к выстраиванию конкретных инструментов развития рынка услуг дошкольного образования. В современных условиях ключевыми направлениями такой работы выступают следующие направления.

1. Диверсификация форм услуг. Семейные группы, корпоративные детские сады, центры кратковременного пребывания помогают быстрее реагировать на демографические колебания и поддерживают задачи нацпроекта «Семья» по совмещению работы и воспитания детей.

2. Развитие государственно-частного партнёрства. Специфика государственно-частного партнёрства в сфере образования связана в первую очередь с созданием новой инфраструктуры, что сопряжено с высокими рисками и длительными сроками окупаемости [4]. Это обуславливает необходимость применения концессионных соглашений, льготных условий аренды помещений, налоговых преференций, включения частных организаций в систему подушевого финансирования на равных условиях и упрощения процедур лицензирования при сохранении требований к безопасности и качеству.

3. Цифровизация управления и образовательного процесса. Электронная запись, документооборот и мониторинг развития детей повышают прозрачность отрасли и работают на «цифровую зрелость» социальной сферы в логике национальных целей [1]. Другой запрос касается обучения учителей для их деятельности в цифровой среде дошкольного образования [2].

4. Повышение человеческого капитала за счёт конкурентоспособной оплаты труда, очевидной профессиональной траектории и наставничества, а также обновления программ обучения в соответствии со Стратегией развития образования до 2036 года.

5. Независимая оценка качества. Рейтинги, открытость, отчетность и обратная связь от родителей мотивируют как государственные, так и частные учреждения конкурировать по качеству предоставляемых услуг.

В этой части работы мы проанализируем наиболее важные документы стратегического планирования в области дошкольного образования, которые отражают перспективы и направления развития этой отрасли. Стратегическое направление развития дошкольного образования на национальном уровне сформулировано в Указе Президента Российской Федерации от 07.05.2024 №309 «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года и на перспективу до 2036 года»[1], а также в Стратегии развития образования в Российской Федерации до 2036 года и в национальном проекте «Семья», реализуемом с 2025 года.

Эти документы являются неотъемлемой частью государственной политики в которой развитие системы дошкольного образования не является целью в себе, а скорее инструментом для достижения поставленных целей страны -сохранение нации, защита

семьи, развитие личного потенциала и повышение качества образования. В этих условиях отрасль дошкольного образования активно трансформируется под давлением демографических изменений, растущих требований со стороны родителей в отношении индивидуализации образовательных путей и активного внедрения цифровых технологий [2].

Согласно этим документам, образование становится стратегическим национальным приоритетом. Стратегической целью этой политики является обеспечение качественного образования. Оно будет отвечать требованиям инновационной экономики, общества и каждого человека в отдельности. Инструментами достижения этой стратегической цели являются:

- возрастание роли человеческого капитала как основного фактора экономического развития;
- повышение качества общего и профессионального образования, развитие образовательной инфраструктуры в целях обеспечения экономической безопасности, повышения доступности услуг в социальной сфере с ориентацией их на эффективное удовлетворение запросов и потребностей людей;
- совершенствование системы общего и профессионального образования на основе современных научных и технологических достижений;
- развитие системы непрерывного образования, в том числе с использованием механизмов государственно-частного партнерства.

При формировании целей, задач и приоритетов государственной политики в сфере образования в соответствии с оптимальным сценарием долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации ключевым является соблюдение баланса целей, задач и интересов государства, бизнес-сообщества и гражданского общества при сбалансированном использовании материальных, природных ресурсов и человеческого капитала для обеспечения национальной безопасности и устойчивого социально-экономического развития.

Указом № 309 от 7 мая 2024 г. «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года и на перспективу до 2036 года» определены такие национальные цели как, сохранение населения, укрепление здоровья и повышение благополучия людей, поддержка семьи; реализация потенциала каждого человека, развитие его талантов, воспитание патриотичной и социально ответственной личности; комфортная и безопасная среда для жизни; экологическое благополучие, устойчивая и динамическая экономика, технологическое лидерство; цифровая трансформация государственного и муниципального управления, экономики и социальной сферы.

Важным документом, определяющим стратегические направления дошкольного образования является Концепция развития дополнительного образования детей до 2030 года, которая направлена на создание условий для самореализации и развития талантов детей, а также воспитание высоконравственной, гармонично развитой и социально ответственной личности; совершенствование системы организации и управления дополнительным образованием детей, направленной на выстраивание региональной политики в части развития региональных систем дополнительного образования детей с учетом задач социально-экономического развития субъектов Российской Федерации, в том числе потребностей соответствующих отраслей экономики; обновление инфраструктуры дополнительного образования; укрепление потенциала дополнительного образования детей в решении задач социокультурной реабилитации детей с ОВЗ и детей-инвалидов и др.

При соотнесении направления развития дошкольного образования с национальными целями, становится видно, какие из них дают наибольший практический эффект.

Диверсификация услуг - это главный способ дошкольного образования подстроиться под современную жизнь. Создаются альтернативные модели дошкольных учреждений. Такие как — семейные дошкольные группы, корпоративные детские сады, временные центры ухода и группы с гибким графиком. Эти модели позволяют реагировать на изменения демографической ситуации. Кроме того, они учитывают территориальные различия в спросе

на услуги. Также они отвечают на изменения потребностей семей. Это направление помогает выполнить задачи нацпроекта «Семья». Оно создаёт удобные условия, чтобы родители могли и работать, и заниматься детьми. И делает детские сады доступнее для разных людей.

Государственно-частное партнерство связано с инфраструктурой. Поэтому без специальных мер частные инвестиции будут недостаточными. В данные меры входит концессия, предпочтительная аренда, налоговые льготы, упрощение лицензирования.

Важным стратегическим направлением развития дошкольного образования является цифровизация отрасли. Цифровизация дошкольного образования рассматривается как способ достижения цифровой зрелости социальных секторов. Для этого реализуются следующие мероприятия: создаются цифровые платформы для регистрации, документы обмениваются в электронном виде, ведётся контроль за развитием детей с использованием цифровых инструментов. Всё это повышает прозрачность. Кроме того, снижается административная нагрузка на отрасль.

Однако, ключевым является реализация мероприятий, направленных на укрепление кадрового потенциала, как условие обеспечения качества дошкольного образования. Поэтому нужны меры, чтобы профессия воспитателя стала привлекательной. Особое внимание уделяют трём областям: инклюзивному образованию, цифровым технологиям и индивидуализации обучения дошкольников. Создание независимой системы оценки качества дошкольного образования направлена на активизацию механизмов стимулирования конкуренции и постоянного повышения качества услуг. Разработка рейтингов организаций, публикация информации о результатах деятельности, внедрение обратной связи от родительского сообщества способствует росту прозрачности отрасли и созданию условий для осознанного выбора родителями поставщика услуг. Такие меры направлены на повышение качества как в государственном, так и в частном секторе дошкольного образования.

Список использованных источников

1. О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года и на перспективу до 2036 года: Указ Президента Российской Федерации от 07.05.2024 № 309 // Официальный интернет-портал правовой информации. — URL: <http://pravo.gov.ru>.
2. Безуглая, Т.И. Содержание понятия «образование» / Т.И. Безуглая // Евразийский союз ученых. – 2023. – № 11(44). – С. 16-19.
3. Булаева, С.В. Система мирового образования: современные тенденции развития / С.В. Булаева, О.Н. Исаева. – Рязань, – 2022. – 128 с.
4. Воронкова, И.Е. Наука управления: основные школы и подходы / И.Е. Воронкова // Экономическая среда. – 2022. – № 4 (14). – С. 93- 97.
5. Джураева А. Состояние оказания услуг в системе управления образованием и её влияние на устойчивое развитие национальной экономики. / А. Джурабаева, О.Р. Таилов, З.Х. Ибодзода // Таджикистан: экономика и управление. - 2021. - № 1. - С. 6-15.
6. Наумова О.Н. Качество образования и конкурентоспособность образовательной организации: Аспекты взаимосвязи. / О.Н. Наумова // Вестник Московского университета. Серия 21. Управление (государство и общество). – 2024. - № 3. – С. 64-77.
7. Субанов Т.Т. Формирование концепции образовательного менеджмента как фактор повышения конкурентоспособности образовательных учреждений. / Т.Т. Субанов // Россия: тенденции и перспективы развития. – 2022. - № 200. – С. 562- 567.

Сведения об авторах

Матюшкина Ирина Алексеевна - кандидат экономических наук, доцент, доцент кафедры экономики и управления Брянского государственного университета имени академика И.Г. Петровского. E-mail: vuyakova@yandex.ru

Бондарчук Валерия Владимировна – магистр 3 курса направления подготовки 38.04.01 Экономика направленность (профиль) Цифровая экономика и региональное управление

Брянского государственного университета имени академика И.Г. Петровского. E-mail: wwwbond14@yandex.ru

UDC 377.4

STRATEGIC DIRECTIONS FOR THE DEVELOPMENT OF PRESCHOOL EDUCATION AT THE NATIONAL LEVEL

Matyushkina I.A., Bondarchuk V.V.

Bryansk State Academician I.G. Petrovski University, Bryansk

The aim of this study is to systematize the strategic directions for the development of preschool education. The study is based on an analysis of the current documents of state strategic planning. The relevance of the article is due to the role of preschool education in achieving the national development goals set out in the Decree of the President of the Russian Federation dated 07.05.2024 No. 009, as well as in shaping human capital and increasing the economic activity of the population. The study examines the regulatory acts governing the field of preschool education and compares the public and private segments of the preschool services market. The conclusion identifies strategic priorities for the development of preschool education, including: expanding service formats, public-private partnerships, digitalization of educational processes, and strengthening the workforce.

Keywords: preschool education, national development goals, public-private partnership, access to education, market for educational services, digitalization of education

References

1. On the national development goals of the Russian Federation for the period up to 2030 and for the long term up to 2036: Decree of the President of the Russian Federation dated 07.05.2024 No. 309 // Official Internet Portal of Legal Information. — URL: <http://pravo.gov.ru>.
2. Bezuglaya, T.I. The content of the concept of “education” / T.I. Bezuglaya // Eurasian Union of Scientists. – 2023. – No. 11(44). – Pp. 16–19.
3. Bulaeva, S.V. The Global Education System: Current Development Trends / S.V. Bulaeva, O.N. Isaeva. – Ryazan, 2022. – 128 p.
4. Voronkova, I.E. Management Science: Main Schools and Approaches / I.E. Voronkova // Economic Environment. – 2022. – No. 4 (14). – Pp. 93–97.
5. Dzhuraeva A. The state of service provision in the education management system and its impact on the sustainable development of the national economy. / A. Dzhurabaeva, O.R. Taibov, Z.Kh. Ibodzoda // Tajikistan: economics and management. - 2021. - No. 1. - Pp. 6–15.
6. Naumova O.N. The Quality of Education and the Competitiveness of an Educational Organization: Aspects of the Relationship. / O.N. Naumova // Bulletin of Moscow University. Series 21. Management (State and Society). – 2024. – No. 3. – pp. 64–77.
7. Subanov T.T. Formation of the concept of educational management as a factor in increasing the competitiveness of educational institutions. / T.T. Subanov – Text: direct // Russia: trends and development prospects. – 2022. – No. 200. – pp. 562–567.

Author's information

Matyushkina Irina Alekseevna - candidate of Economic Sciences, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Economics and Management of the Bryansk State University named after Academician I.G. Petrovsky. E-mail: vuyakova@yandex.ru

Bondarchuk Valeria Vladimirovna - is a 3rd-year master's student in the field of study 38.04.01 Economics, with a focus (profile) on Digital Economy and Regional Management at Bryansk State University named after Academician I. G. Petrovsky. E-mail: wwwbond14@yandex.ru

СОЦИОЛОГИЯ

УДК 316.334.4

ИССЛЕДОВАНИЕ ОБЩЕСТВЕННОГО МНЕНИЯ СОЦИОЛОГИЧЕСКИМИ
МЕТОДАМИ: КОНТЕНТ И ФОРМАТ

Епремян Т.В., Биркун И.Е., Епремян Д.О., Ерохов М.В.

Брянский государственный университет имени академика И.Г. Петровского, г. Брянск

В статье рассматриваются актуальные вопросы уровня доверия социума к социологическим методам изучения общественного мнения. Авторы рассматривают различные термины, в том числе «общественное мнение», «контент», «формат», «методы социологических исследований», и на основе этого анализируют отношение респондентов к данным понятиям с точки зрения того, каким образом в этих понятиях проявляются оценки, суждения, идеи населения, а также осуществляется реакция на животрепещущие проблемы современности. В статье приведены результаты социологического исследования уровня осведомленности о сути общественного мнения, уверенности в достоверности данных социологических исследований. На основе анализа ответов респондентов сделаны выводы и даны рекомендации для повышения уровня доверия к результатам социологических исследований общественного мнения.

Ключевые слова: общественное мнение, цифровизация, информатизация, цифровые платформы, контент, формат

DOI 10.22281/2542-1697-2026-05-03-23-35

Актуальность рассмотрения контента и формата общественного мнения обусловлена насущной потребностью в исследовании общественного мнения, которое в современных реалиях стало одним из важнейших факторов, оказывающих существенное влияние на управленческие процессы [2; 6; 7], на коммуникацию между государством и обществом [14], на планирование и взаимодействие между различными социальными институтами. Любая современная организация от государственных органов до коммерческой либо общественной структуры вынуждена учитывать настроения людей в своей деятельности. Игнорирование общественного мнения приводит к серьезным ошибкам, так как при планировании деятельности не происходит учета важных сигналов или неверно оценивается реакция аудитории.

К контенту общественного мнения относятся материалы, например, текстовые, видео и тому подобные, в которых отражаются, транслируются и зачастую под влиянием которых формируются взгляды, оценки и настроения людей по поводу всевозможных событий, явлений, идей. Контент общественного мнения оказывает на людей комплексное влияние, отражая и фиксируя то, что волнует нас в определенный момент, формируя повестку (что проявляется в алгоритмах рекомендаций в социальных сетях и посредством выбора тем в средствах массовой информации, акцентирующих внимание читателей и интернет-пользователей на определенных темах), стимулируя обсуждения и поляризацию (что проявляется в провокации бурной реакции на эмоционально насыщенный контент), выступая как инструмент влияния (контент может как транслировать уже сложившееся общественное мнение, так и активно формировать его посредством историй, аргументов или интерпретаций информации) [8].

Форматом общественного мнения является способ выражения и структурирования коллективных взглядов, суждений и оценок по актуальным событиям, проблемам в разных сферах жизнедеятельности общества, по явлениям (например, по явлениям межкультурной коммуникации [3]), причем это не статичный способ, а динамичный процесс, который принимает разные виды в зависимости от контекста, канала коммуникации и целей. Форматом общественного мнения по каналам выражения можно назвать публичные высказывания (как в средствах массовой информации, так и на митингах и в социальных

сетях), социологические опросы, референдумы и выборы (формализованные процедуры, в которых мнение граждан официально учитывается при принятии решений), массовые акции и протесты, слухи и неформальные обсуждения [9].

Следует отметить, что особенно актуальной является данная проблематика в эпоху цифровизации и информатизации, ведь общественное мнение на сегодняшний день формируется не только через традиционные каналы коммуникации (средства массовой информации, личные контакты), но и через цифровые платформы (социальные сети, мессенджеры, форумы). Всё это является основой появления новых вызовов для исследователей, заключающихся в росте объема данных, в ускорении динамики изменений, в появлении новых форм выражения мнений тех или иных социальных групп и индивидов. Эти условия диктуют особенность изучения массовых суждений, которая выражается в выборе подходящих методов исследований [10], в корректном их применении, в грамотной интерпретации результатов.

Целью социологического исследования является выяснение уровня доверия населения к социологическим методам изучения общественного мнения и определение факторов, влияющих на формирование этого доверия. Такая постановка цели позволяет не просто зафиксировать текущее состояние общественного восприятия, но и раскрыть внутренние основания, на которых строится доверие или недоверие к подобным практикам.

В соответствии с целеполаганием исследования важно решить следующие задачи: 1) определить, каков уровень осведомленности респондентов о сути общественного мнения, а также о механизмах его изучения, что позволит понять, в какой мере отношение к данным, полученным в ходе социологического исследования, имеет осознанный характер и соответствует их содержанию; 2) установить, как часто и в какой форме взаимодействуют респонденты с опросами, а также определить впечатления от опросов, ведь личный опыт напрямую влияет на степень доверия, как укрепляя уверенность в достоверности данных, так и порождая настороженное отношение; 3) выявить, каков уровень доверия к результатам социологических исследований, а также зафиксировать устойчивость оценок респондентов, а также выявить причины недоверия, что способствует тому, чтобы не ограничиваться констатацией факта наличия доверия, а также раскрыть структуру доверия; 4) выявить те факторы, которые влияют на восприятие респондентами достоверности (например, размер выборки, известность организации, проводящей исследование, прозрачность процедуры отбора респондентов), учет данных параметров способствует пониманию того, какие характеристики делают результаты более убедительными для аудитории; 5) выявить особенности восприятия разных форм проведения социологических исследований, когда респондентам предлагается оценить условия искренности ответов (при личном взаимодействии с интервьюером или в формате онлайн-опроса), что позволяет учитывать влияние коммуникативных аспектов на характер ответов интервьюируемых; 6) установление зависимостей между социально-демографическими характеристиками интервьюируемых и их отношением к социологическим методам исследований.

Для достижения цели исследования и решения поставленных задач в качестве метода исследования был выбран опрос в формате анкетирования, так как, по нашему мнению, этот метод обладает рядом преимуществ по сравнению с другими методами. К таким преимуществам относятся такие, как универсальность (опрос подходит для выявления массовых оценок), возможность охвата значительного числа респондентов, стандартизация полученных данных (полученные сведения легко обрабатывать и сопоставлять), анонимность (это повышает искренность респондентов, а значит, повышает уровень достоверности информации).

Объектом нашего исследования является общественное мнение, которое проявляется в современном социальном пространстве, а предметом выступает комплекс методов, применяемых для изучения общественного мнения и получения данных о его динамическом изменении. Эти предмет и объект способствуют тому, что появляется возможность сместить фокус с определенной социальной проблемы на отношение опрашиваемых к процедурам

изучения общественного мнения, а также тому, что при формулировании вопросов анкеты отсутствует оценочность, отношение к высказываниям носит нейтральный характер.

Нами проведено социологическое исследование методом онлайн-анкетирования, респондентами которого стали жители Советского и Бежицкого районов города Брянска старше 18 лет. После выбраковки осталось сто анкет, на основе которых и были проанализированы данные социологического исследования. Как представляется, при онлайн-формате достигается большая искренность респондентов, так как у опрашиваемых создается впечатление о полной анонимности их ответов.

Обратившись к первому, социально-демографическому, блоку анкеты, следует констатировать, что этот блок послужил основой для последующих интерпретаций данных, ведь зачастую именно от возраста и пола респондентов зависит их мнение по той или иной социальной проблеме современности. По полу респонденты распределились следующим образом: 59% составили лица мужского пола, а 41% от общего числа респондентов составили лица женского пола, и это стало одним из показателей, которые оказали влияние на результаты ответов на последующие вопросы анкеты. Как полагают многие исследователи, восприятие информации, уровень доверия и склонность к критическим оценкам могут иметь большой разброс в зависимости от гендерного соотношения опрашиваемых, и мы с учетом этого мнения учли данный параметр при интерпретации ответов респондентов нашего исследования.

Перейдем к другой составляющей социально-демографического блока, а именно к возрастному параметру. Большинство респондентов оказалось в возрасте от 18 до 24 лет, а именно 51%, и это, с нашей точки зрения, повлияло на результаты опроса, ведь большинство ответов дано представителями молодого поколения, которые активно вовлечены в цифровую среду и постоянно сталкиваются с информационными потоками в электронном и цифровом форматах. 19% респондентов оказалось в возрасте от 25 до 34-х лет, а 16% имеют возраст от 35 лет до 44-х; по 7% оказалось респондентов возраста от 45 до 59 лет и 60 лет и старше. Эти данные говорят о том, что при нашем опросе выявилась тенденция постепенного снижения доли респондентов от числа всех анкетироваемых в зависимости от увеличения возрастных показателей. Такая структура выборки может оказывать влияние на результаты анкетирования, потому что молодежь, как правило, более часто взаимодействует с онлайн-опросами, что отражает предпочтения данной социально-демографической группы в сфере коммуникации общаться в виртуальном пространстве.

Доминирование такой социальной группы, как молодежь, предполагает более высокий уровень информированности о современных формах изучения общественного мнения. В то же время для данной категории характерна и определённая критичность, сформированная под воздействием разнообразных источников информации. Это создает интересное сочетание, которое заключается, с одной стороны, в высокой вовлечённости, с другой – в склонности к сомнению и переоценке получаемых данных.

Так как в выборке, полученной в результате нашего исследования, есть и представители старших возрастных групп, хоть и в меньшем количестве, то это расширяет возможности анализа. Ответы представителей старших поколений позволяют увидеть альтернативные точки зрения и выявить различия в восприятии, обусловленные жизненным опытом и уровнем включенности в современные коммуникационные процессы. Даже при относительно небольшой доле такие респонденты вносят важный вклад в общую картину.

Рассмотрев блок с социально-демографическими характеристиками, мы выяснили, что полученная выборка отражает некую специфику, а именно преобладание молодежной аудитории, а также большее количество респондентов мужского пола, чем женского. Думается, что такая специфика не приводит к снижению ценности полученных данных, но всё же нуждается в учете этих особенностей при интерпретации результатов социологического исследования в целом. Следует подчеркнуть, что получившаяся у нас структура выборки помогает выявить с большой точностью, каким образом формируется отношение к социологическим методам и какие факторы оказывают на это отношение

наибольшее влияние.

Далее в нашем исследовании мы обратились к следующему тематическому блоку, в котором анализировался опыт участия респондентов в социологических опросах, так как данный показатель напрямую связан с уровнем включённости респондентов в практики изучения общественного мнения. Можно подчеркнуть, что личный опыт взаимодействия с анкетами и интервьюерами во многом определяет не только общее представление о подобных процедурах, но и степень доверия к их результатам.

Распределение вариантов ответов на данный вопрос показывает, что менее половины респондентов (а именно 47% от общего числа респондентов) имеет опыт участия в социологических опросах, выбрав вариант ответа «да». Из этого следует, что значимая часть участников либо вовсе не сталкивалась с подобным опытом, либо не придаёт своему участию в опросах особого значения и, как следствие, не помнит о таких случаях. Уже на этом этапе анкетирования становится заметно, что распространённость социологических методов не всегда соотносится с высокой степенью личной вовлечённости респондентов.

Рассмотрим такую группу респондентов, которые выбрали вариант «затрудняюсь с ответом». Этот выбор может свидетельствовать о том, что данные респонденты своё участие в социологических исследованиях не воспринимают как значимое для них событие, из чего проистекает вывод о том, что участие респондента в исследовании было формальным или у респондента был низкий уровень интереса к самой процедуре.

Та группа респондентов, которая заявила о своем знакомстве с механизмами опросов (то есть у этих людей наличествует опыт участия в социологических исследованиях, и респонденты воспринимают этот опыт значимым для себя), формирует осознанное отношение к результатам социологических исследований, так как у респондентов есть представление о том, каким образом формируются массивы данных.

Благодаря полученным результатам мы увидели важную особенность, а именно корреляцию между активным использованием социологических методов и реальным участием граждан в данных процессах, данная корреляция показывает разрыв, то есть многие регулярно видят результаты социологических исследований в новостях или социальных сетях, но сами не участвуют в подобных исследованиях. Из этого проистекает восприятие результатов, то есть если нет личного опыта, то часто формируются более абстрактные и порой критичные оценки, так как они основаны не на личном участии, а на представлениях о социологических исследованиях, которые сформированы опосредованно. Если же человек сталкивался с опросами на практике, участвовал в них, то может оценить социологическое исследование более предметно, акцентируя внимание на детали проведения опроса и на формулировки вопросов в анкете.

В следующем вопросе предлагалось определить частоту контакта респондента с результатами социологического исследования в информационном пространстве, так как анализ данного показателя отражает степень включенности респондента в восприятие данных социологических исследований. Причем речь идет не о непосредственном участии, а о том, в какой степени регулярно человек сталкивается с опубликованными в новостях, социальных сетях и тому подобных каналах распространения информации результатами социологических исследований.

Как показал анализ распределения вариантов ответов на данный вопрос, частота взаимодействия ниже, чем предполагалось перед проведением исследования. Большая часть респондентов (60%) выбрали варианты ответов, что редко сталкиваются с подобной информацией, и что вовсе не фиксирует её присутствие. Это свидетельствует о том, что большая часть не считает значимым элементом информационного поля результаты социологических исследований.

Очень интересно проследить, как результаты социологических исследований подаются в медийном пространстве. В новостях часто встречаются такие формулировки, как «большинство опрошенных считает», «каждый второй из опрошенных полагает», при этом ссылаются на данные чаще всего ВЦИОМ. Однако результаты нашего авторского

исследования показывают, что получатели информации не всегда воспринимают эту информацию как значимую и поэтому не запоминают, считая её далекой от достоверности.

Возможно, такое отношение связано с тем, что подача материала не очень корректна, а именно результаты социологических исследований зачастую включены в общий поток информации, поэтому воспринимаются как фон, а не значимый источник достоверных сведений. Внимание получателей информации в таком случае направлено на содержание новости, а не на количественные сведения, которые к тому же многими считаются не отражающими действительное положение дел.

Выбор варианта ответа о небольшой частоте взаимодействия с результатами социологических исследований, возможно, зависит и от такого фактора, как личный опыт участника опроса. Возникает интересная ситуация, которая заключается в том, что значительная часть респондентов и сама редко участвует в опросах, и не сталкивается регулярно с результатами социологических исследований. Из этого проистекает следующее положение дел: отношение к достоверности результатов социологических опросов основывается на косвенных представлениях, а на личном опыте участия в опросах или в результате наблюдений за социологическими исследованиями.

Всё вышеперечисленное может привести к возникновению стереотипных представлений, которые редко отражают действительное положение дел в процессе социологических исследований, что приводит зачастую к недоверию и искаженному восприятию результатов опросов.

При ответе на вышеприведенный вопрос есть часть респондентов, которая выбрала вариант ответа, что респондент «регулярно сталкивается» с подобной информацией. Значит, эти люди воспринимают результаты социологических исследований как значимый для них элемент информационного пространства, поэтому данные респонденты могут сыграть значимую роль в формировании осознанного отношения к результатам социологических исследований.

Далее рассмотрим варианты ответов на вопрос об уровне доверия к результатам социологических исследований, так как именно это помогает оценить, до какой степени процедуры сбора и интерпретации социологических данных воспринимаются как надежные и заслуживающие внимания, или наоборот. Распределение вариантов ответов представляет собой неоднозначную картину, что отражает, по нашему мнению, реальное отношение к результатам социологических исследований в обществе, а именно находящееся в состоянии нестабильности.

Результаты показывают, что 39% от общего числа респондентов склоняются к доверию, но не выражают его в полной мере, что показывает установку на осторожное принятие, но не на полную уверенность. Получается, что респонденты в целом не отвергают достоверность результатов социологических исследований, но и не воспринимают их как абсолютные, что отражает компромиссное отношение между сомнением и доверием со стороны респондентов к данному явлению.

Вариант ответа о полном доверии выбрали 13% от общего числа респондентов, что можно расценивать как низкий уровень доверия к результатам социологических исследований. Можно охарактеризовать данных респондентов как людей, которые либо имеют положительный опыт участия в социологических исследованиях, либо которые склонны воспринимать информацию без критического настроя.

25% респондентов выбрали варианты ответа «скорее нет» и «абсолютно не доверяю», что отражает скептическое отношение четверти респондентов к результатам социологических исследований. Возможно, при выборе данного варианта ответа респонденты руководствовались представлениями о возможной предвзятости, о манипуляциях результатами, о недостаточной прозрачности процедур.

23% от общего числа респондентов затруднились с ответом, что характеризует данных людей как не имеющих определенности в оценках явлений и не имеющих чётко сформированной позиции по данному вопросу. Причем, как представляется, речь идет не о

нейтральности, а о колебании между различными мнениями по данному вопросу.

Из вышесказанного проистекает, что доверие к результатам социологических исследований не носит устойчивый характер, а формируется под воздействием тех или иных факторов, а именно это отношение может меняться в зависимости от контекста, формы представления результатов социологических исследований, а также от источника информации.

Можно говорить о потенциале доверия, так как всё же выявлено умеренно положительное отношение, которое может расшириться, если будут созданы благоприятные условия, а именно будут повышены прозрачность процедур или информирование. Наличие же значительной части тех, кто настроен скептически, указывает на существование барьеров, которые препятствуют формированию доверия. Отсюда проистекает потребность в выявлении тех факторов, которые влияют на формирование доверия людей к результатам социологических исследований.

В следующем вопросе анкеты требовалось рассмотреть мотивацию организации социологических исследований, что, в свою очередь, влияет на отношение к полученным результатам. Восприятие целей можно рассматривать как своеобразный фильтр, то есть если процедуры оцениваются как источник объективной информации, то уровень доверия высокий, если же предполагается, что есть какие-то скрытые интересы, то проявляется скептическое отношение.

38% респондентов полагают, что социологические исследования являются инструментом выявления реальных общественных запросов и проблем. Значит, для данной группы респондентов исследования соотносятся с возможностью государства услышать мнение общества.

26% от общего числа респондентов выбрали вариант ответа о том, что социологические исследования являются средством влияния на общественное мнение, что предполагает, будто результаты социологических исследований могут использоваться не столько для констатации уже существующих установок, сколько для их корректировки или даже формирования. Это показатель восприятия социологических данных не как инструмент отражения общественного мнения, а как инструмент воздействия на него.

16% от общего числа респондентов выбрали вариант ответа о том, что проведение социологических исследований связано с получением результатов, выгодных заказчику, что говорит о недоверии к объективности данных и убежденности в предвзятости получаемых результатов.

Всё вышеперечисленное сказывается на уровне доверия к результатам социологических исследований, снижая его.

Обратимся к следующему вопросу, в котором нужно было выяснить частоту сомнений в достоверности публикуемых результатов социологических исследований. При ответе на данный вопрос внимание смещается с общего подхода на конкретику, а именно, насколько регулярно у получателей информации возникают сомнения при упоминании результатов социологических исследований.

32% от общего числа респондентов выбрали вариант ответа «иногда сомневаюсь», что говорит о том, что доверие не достигается автоматически, для его возникновения требуются определенные условия.

20% от общего числа респондентов выбрали вариант ответа, что они испытывают сомнения на постоянной основе, это отражение устойчивой критической установки, из-за которой любые результаты исследований воспринимаются настороженно. Значит, данные респонденты изначально недоверчивы, их мнение не зависит от условий предоставления информации.

48% от общего числа респондентов выбрали варианты ответа «редко сомневаюсь» и «не испытываю сомнений», что свидетельствует о наличии доверия к результатам социологических исследований у большого числа респондентов (почти у половины). Отметим, что среди тех, кто в целом склонен доверять результатам социологических

исследований, сохраняется готовность критически оценивать их при определенных условиях.

В следующем вопросе исследовалась искренность респондентов и причины неискренности, причем вбирать можно было несколько вариантов.

Проанализировав ответы респондентов, мы выяснили, что самое большое значение придается фактору формального участия. Половина респондентов считает, что интервьюируемые очень часто отвечают на вопросы без должного внимания, затрачивая как можно меньше времени на анкетирование. Это свидетельствует о наличии такой проблемы, как низкая вовлеченность участников интервью или опроса, что напрямую влияет на качество результатов.

31% от общего числа респондентов выбрали варианты ответа «стесняюсь сказать правду», что говорит о наличии внутренних психологических барьеров, которые мешают открытости при ответе на вопросы, затрагивающие личные темы.

Часть респондентов выбрали вариант ответа «ради шутки», что свидетельствует о несерьезном отношении к социологическим исследованиям.

Данные выборы говорят о том, что часто отношение к достоверности результатов социологических исследований связано не столько с внешними обстоятельствами, сколько с внутренней мотивацией респондента. Отсутствие заинтересованности и желание сократить время прохождения анкеты становятся ведущим фактором, отодвигая такие причины, как опасения или намеренное искажение информации.

В следующем вопросе анкеты нужно было указать причины, из-за которых респондент может отказаться от участия в социологическом исследовании.

Благодаря распределению вариантов ответов на данный вопрос были выявлены барьеры для участия человека в социологическом исследовании. Во-первых, есть принципиальная установка не участвовать ни в каких социологических исследованиях. Такой точки зрения придерживается треть респондентов, для которых характерно недоверие к социологическим исследованиям или которые устали от подобных форм взаимодействия с интервьюерами и анкетерами.

Почти четверть респондентов указали причину отказа в том, что вопросы некорректные или бестактные.

19% от общего числа респондентов выбрали варианты ответа «неясно, кто является организатором опроса». Значит, необходимо при проведении исследований нужно учитывать такой фактор, как открытость и информирование участников о заказчике.

12% от общего числа респондентов выбрали варианты ответа «готовы участвовать вне зависимости от условий», что свидетельствует о положительном отношении к социологическим исследованиям у части респондентов. Значит, участие в социологических исследованиях определяется совокупностью факторов, среди которых ведущими являются доверие к организатору, корректность содержания вопросов и общий уровень мотивации респондентов.

В следующем вопросе нужно было высказать свое мнение о точности различных форм проведения социологических опросов, чтобы понять, какие условия воспринимаются благоприятными для получения достоверной информации, а также способствуют открытости респондентов.

Большинство участников считает, что большая откровенность у респондентов возникает тогда, когда анкетирование проходит в онлайн-формате, так как в условиях отсутствия прямого контакта людям проще выражать своё истинное мнение. Так считает более трети респондентов.

Около пятой части респондентов считают, что именно личная беседа с интервьюером или анкетером способствует большей искренности ответов, так как люди доверяют непосредственному общению, а также можно уточнить формулировки вопросов, если что-то недопоняли.

Часто личное взаимодействие воспринимается как более серьезное и ответственное, способствуя более внимательному отношению респондентов к вопросам анкеты. 28% от

общего числа респондентов затруднились с ответом, и это может свидетельствовать об отсутствии сформированной позиции по вышеуказанному вопросу. Возможно, причина в том, что личный опыт участия в социологических исследованиях ограничен, то есть респондент не может сопоставить различные формы на основе личных наблюдений.

При ответе на следующий вопрос нужно было высказать мнение о том, как влияет количество опрашиваемых на достоверность результатов социологического исследования, то есть проверить, считают ли респонденты, что чем больше количество опрашиваемых, тем достовернее результаты. Выяснилось, что более трети респондентов полагает, будто увеличение количества респондентов повышает надежность результатов; четверть же респондентов отмечает, что не задумывались об этом, так как для них важен итог исследования, а не способ получения результатов, из чего можно сделать вывод о низкой способности этих респондентов к критическому восприятию сведений. Были среди респондентов и те, кто считает, что даже большое число респондентов не гарантия достоверности результатов социологических исследований, такое мнение высказал 21% от общего числа опрашиваемых.

Далее в нашем исследовании предлагалось указать факторы, которые, по мнению респондентов, оказывают наибольшее влияние на формирование доверия к результатам изучения общественного мнения, причем можно было выбрать несколько вариантов ответов. Как показывает анализ выбора вариантов ответов на данный вопрос, доверие к результатам социологического исследования зависит от совокупности факторов, в числе которых репутация организация, проводящей исследование, так как очень важен источник информации, а также количество участников и прозрачность выборки, анонимность.

От качества социологического инструментария также зависит степень доверия к результатам социологического исследования. Распределение вариантов ответов на вопрос свидетельствует о том, что большинство респондентов «хотя бы иногда» сталкивается с ситуацией, когда предложенные варианты не полностью отражают их позицию.

Большее количество респондентов выбрало вариант ответа «часто», что свидетельствует о недостаточной проработанности формулировок или ограниченность предложенных вариантов. Треть же респондентов выбрала вариант ответа, что не испытывает подобных трудностей. Есть и такие респонденты, которые не имеют опыта участия в опросах, поэтому их мнение не может быть объективным при ответе на данный вопрос.

На завершающем этапе анализа была произведена оценка того, насколько «результаты изучения общественного мнения», по мнению респондентов, «отражают реальную картину». Эта оценка обобщает влияние всех факторов, которые рассматривались ранее, а именно «личный опыт», «уровень информированности», «частота контактов с результатами», «представление о целях проведения опросов». Результаты показали, что преобладает умеренно положительная оценка, так как 36% респондентов выбрали вариант ответа, что результаты «скорее отражают» реальную ситуацию.

И хотя в процессе исследования были выявлены сомнения в достоверности данных и даже критическое отношение к ним, но этот результат в 36% свидетельствует всё же о наличии базового доверия к социологическим данным. К тому же 21% респондентов выбрали вариант ответа «полная уверенность» в том, что результаты опросов отражают реальность. Хотя такой результат не является преобладающим, но наличие такого варианта ответа у 21% респондентов указывает на существование группы респондентов, воспринимающих социологические данные как надёжный источник информации без существенных оговорок.

Существует и противоположная тенденция, которая заключается в том, что 8% респондентов выбрали вариант ответа «результаты скорее не отражают реальность» и 11% респондентов выбрали вариант ответа об искажении реальности в результатах социологических исследований. В целом это 19%, что является немалым количеством респондентов, которые критически воспринимают результаты социологических исследований, сомневаясь в корректности процедур или в объективности представленных

данных. Есть и такие респонденты, которые затруднились с ответом, их 24%, что свидетельствует о значительном количестве тех, кто не определился в своих оценках достоверности и/или не сформировал своего мнения по данному вопросу. Причинами выбора данного варианта ответа может быть недостаток информации о принципах проведения исследований или противоречивый опыт восприятия результатов.

Сопоставив результаты, можно сказать, что отношение к достоверности социологических данных неоднозначно, хотя и преобладают положительные оценки результатов исследований. Однако есть и те, кто либо скептически настроен, либо не готов дать определенный ответ.

Результаты нашего исследования показали, что необходима работа по повышению уровня доверия населения страны к результатам подобных исследований, что, в свою очередь, ставит перед социологами и обществом в целом новые вызовы. Также в ходе социологического исследования были проанализированы животрепещущие для двадцатых годов 21 века вопросы отношения совершеннолетних граждан разных поколений определенного региона (а именно Брянской области) к социальным проблемам (об актуальности свидетельствует множество современных публикаций, в том числе [4; 11; 13]), а также определен уровень доверия к достоверности результатов социологических опросов.

Мы провели анализ различных подходов к термину «общественное мнение», понимаемое большинством исследователей как многогранное явление, сложное и противоречивое, формирование которого происходит под влиянием множества разнообразных факторов. Общественное мнение отражает текущие оценки и настроения различных слоев населения, особенности социальной структуры общества, уровень информированности граждан о тех или иных событиях в стране и мире, характер информационного воздействия (средства массовой информации, социальные сети, межличностное общение, реклама [1; 5; 12]). Также рассмотрены понятия контента и формата общественного мнения, а также понятие социологических методов в качестве инструмента фиксации и анализа вышеприведенных оценок. Нами показано, что эффективность социологических методов зависит от следующих условий: доверие со стороны респондентов, с одной стороны, и с другой – от готовности граждан участвовать в опросах.

Ограниченная вовлеченность в изучение общественного мнения характеризуется тем, что значительная часть респондентов либо не имеет устойчивого опыта участия в опросах, либо сталкивается с ними эпизодически. Нами сделан вывод, что отношение к социологическим данным формируется не на основе систематического взаимодействия, а через отдельные фрагменты информации из медиа или непосредственного общения. Ещё одной особенностью является то, что выявлена низкая частота контакта с результатами опросов, то есть многие участники либо редко обращают внимание на подобные данные, либо не воспринимают их как значимый элемент информационной среды. Мы пришли к выводу, что общественное мнение существует в информационном поле, но не всегда становится предметом осознанного восприятия социумом.

Ещё одной особенностью является неоднородность уровня доверия, то есть доверие к результатам опросов носит противоречивый характер. В ходе социологического исследования было выявлено, что наиболее распространена умеренно положительная позиция (респонденты в целом склонны доверять результатам, но сохраняют сомнения), что полное доверие встречается реже, что заметная доля респондентов демонстрирует устойчивое недоверие, что значительная группа не может однозначно определить свое отношение.

Мы также представили ещё одну особенность, а именно влияние представлений о целях опросов, то есть было выявлено зависимость отношения к социологическим опросам от восприятия их целей респондентами. Результаты авторского социологического исследования выявили корреляции: если опрос видится в качестве инструмента выявления реальных общественных запросов, то это поддерживает доверие; если же предполагается влияние на общественное мнение или заинтересованность заказчика, то уровень доверия

снижается.

Анализ выявил также такую особенность, как роль информированности и личного опыта, которая проявляется в том, что при недостатке знаний и опыта респонденты предпочитают опираться на интуитивные представления без учета методологических особенностей, ориентируясь на внешние признаки достоверности (количество участников, в каком формате опрос) и игнорируя более глубокие аспекты (принципы выборки, формулировки вопросов).

Ещё одной особенностью является зависимость от формата опроса, то есть представления о точности результатов различаются в зависимости от способа проведения. Дело в том, что онлайн-анкеты ассоциируются с большим уровнем откровенности из-за ощущения полноты анонимности, а личное общение воспринимается как более надежное с точки зрения понимания вопросов.

Анализ ответов респондентов показал, что большинство из анкетированных считает результаты опросов отражающими реальную картину, но это восприятие не является безусловным. Выявленное при анкетировании наличие сомнений, критических оценок и неопределенности указывает на ограниченный характер доверия, требующий дополнительных условий для укрепления доверия к социологическим опросам.

Можно констатировать, что уровень доверия к результатам социологических исследований общественного мнения на самом деле носит преимущественно умеренный характер; доверие зависит от ключевых факторов (степени информированности респондентов, их личного опыта участия в опросах и представлений о целях проведения исследований); воздействие этих факторов комплексно (ни один из них не определяет отношение изолированно, итоговая позиция формируется благодаря их сочетанию).

Очень важно отметить, что результаты исследования имеют практическую ценность, а именно они позволяют совершенствовать социологические инструменты с учетом особенностей восприятия респондентов, способствуют повышению качества собираемых данных, делают более высоким уровень процесса изучения общественного мнения.

На основе полученных данных нами были сформулированы рекомендации для повышения доверия к социологическим исследованиям. Необходимо повышение прозрачности процедур, что предполагает разъяснение принципов проведения опросов, методов формирования выборки и обработки данных. Важен такой параметр, как доступность информации, то есть публикация методологических деталей в понятной форме. Необходимо также расширение практики участия, что подразумевает вовлечение граждан в обсуждение результатов и их интерпретацию. Важна адаптация форматов, то есть учет предпочтений разных групп респондентов (онлайн, офлайн, смешанные методы). Ещё одной рекомендацией является работа с медиа, которая заключается в популяризации культуры восприятия социологических данных, объяснение их роли в принятии решений.

Можно констатировать, что в ходе исследования достигнута его основная цель, а именно показано, как социологические методы помогают получать достоверные сведения о массовых суждениях и использовать их для осознания сути социальных процессов.

Согласно полученным результатам исследования проблема доверия к социологическим опросам выходит за рамки методологии, так как связана с особенностями восприятия, уровнем информированности и характером взаимодействия между исследователями и респондентами. Комплексный подход к этим аспектам может способствовать формированию более устойчивого доверия к социологическим методам исследований и повышению эффективности их проведения.

Итак, полученные результаты могут стать основой для дальнейшего анализа и развития подходов к изучению общественного мнения в условиях современного формирующегося информационного общества, а также его контента и формата.

Список использованных источников

1. Епремян, Т. В. Управленческие технологии дискурса социальной рекламы :

специальность 22.00.08 «Социология управления» : диссертация на соискание ученой степени кандидата социологических наук / Епремян Татьяна Владимировна. – Москва, 2024. – 187 с.

2. Киричек, П. Н. Дискурс масс-медиа в периметре социального управления / П. Н. Киричек // Современный дискурс-анализ. – 2018. – № 3-2(20). – С. 218-225.

3. Киричек, П. Н. Коллизии «визуальности – духовности» в межкультурной коммуникации / П. Н. Киричек // Знание. Понимание. Умение. – 2016. – № 1. – С. 167-177. – DOI 10.17805/zpu.2016.1.13.

4. Киричек, П. Н. Под знаком фигуры умолчания Информационный фактор административной реформы / П. Н. Киричек // Социология власти. – 2009. – № 4. – С. 16-27.

5. Киричек, П. Н. Социокультурный модус рекламной коммуникации / П. Н. Киричек // Реклама и связи с общественностью: традиции и инновации. Том Часть 1. – Ростов-на-Дону: Ростовский государственный университет путей сообщения, 2015. – С. 53-62.

6. Киселев, А. Г. Периметр государственного управления: проблема основного звена / А. Г. Киселев, П. Н. Киричек // Власть. – 2015. – № 12. – С. 5-11.

7. Киселев, А. Г. Реальные и номинальные коллизии в арсенале государственного управления / А. Г. Киселев, П. Н. Киричек // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Социология. – 2016. – Т. 16, № 3. – С. 510-518.

8. Контент и формат трендового социологического исследования управленческой деятельности в социальной сфере / О. В. Голенкова, Т. В. Епремян, А. М. Кирпиченко [и др.] // Russian Economic Bulletin. – 2025. – Т. 8, № 2. – С. 59-65.

9. Контент и формат управления комплексным центром социального обслуживания населения Брянской области / М. В. Стаканова, О. В. Голенкова, А. А. Кыштымова [и др.] // Russian Economic Bulletin. – 2025. – Т. 8, № 3. – С. 55-61.

10. Кравченко, А. И. Методология и методы социологических исследований / А. И. Кравченко. – Москва: Издательство Юрайт, 2025. – 659 с. – (Высшее образование). – ISBN 978-5-534-18257-6.

11. Мельников, С. Л. Специфика управленческих технологий в социальной сфере региона (на примере Брянской области) / С. Л. Мельников, А. К. Назарян, А. М. Шилин // Экономика. Социология. Право. – 2025. – № 4(40). – С. 47-58. – DOI 10.22281/2542-1697-2025-04-04-47-58.

12. Социология рекламы и связей с общественностью в социальной сфере: дискурсивные технологии : учебник для направлений подготовки «Социология», «Социальная работа» / П. Н. Киричек, Т. В. Епремян, Т. Е. Лифанова [и др.]. – Брянск : ИП Худовец Р.Г., 2025. – 264 с. – ISBN 978-5-605-40888-8.

13. Технологическая модернизация системы управления социальной сферой Брянского региона / С. А. Шилина, Т. В. Епремян, Д. Л. Чавгун, А. А. Кыштымова // Экономика. Социология. Право. – 2025. – № 4(40). – С. 78-87. – DOI 10.22281/2542-1697-2025-04-04-78-87.

14. Шилина, С. А. Коммуникативные технологии в системе отношений государства и общества / С. А. Шилина // Власть. – 2013. – № 2. – С. 043-046.

Сведения об авторах

Епремян Татьяна Владимировна – кандидат социологических наук, старший преподаватель кафедры психологии, социологии и социальной работы Брянского государственного университета имени академика И.Г. Петровского. E-mail: eremyan@yandex.ru. Рабочий телефон: +74832 580520 (1231)

Биркун Иван Евгеньевич – студент направления подготовки «Социология» факультета педагогики и психологии Брянского государственного университета имени академика И.Г. Петровского. E-mail: Ivanbirkun075@gmail.com

Епремян Диана Олеговна - студент направления подготовки 44.03.02 Психолого-педагогическое образование факультета педагогики и психологии Брянского

государственного университета имени академика И.Г. Петровского. E-mail: epremandiana668@gmail.com

Ерохов Михаил Васильевич – аспирант 2 курса научной специальности 5.4.7. «Социология управления» факультета педагогики и психологии Брянского государственного университета имени академика И.Г. Петровского. E-mail: erohov.mihail@yandex.ru.

UDC 316.334.4

RESEARCH OF PUBLIC OPINION BY SOCIOLOGICAL METHODS: CONTENT AND FORMAT

Yeprernyan T.V., Birkun I.E., Yeprernyan D.O., Erokhov M.V.

Bryansk State Academician I.G. Petrovski University, Bryansk

The article discusses the current issues of public trust in sociological methods of studying public opinion. The authors examine various terms, including «public opinion», «content», «format», and «methods of sociological research», and analyze the respondents' attitudes towards these concepts in terms of how they reflect the opinions, judgments, and ideas of the population, as well as their reactions to pressing issues of the day. The article presents the results of a sociological study on the level of awareness about public opinion and the confidence in the reliability of sociological research data. Based on the analysis of the respondents' answers, conclusions were drawn and recommendations were made to increase the level of trust in the results of sociological studies of public opinion.

Keywords: public opinion, digitalization, informatization, digital platforms, content, format

References

1. Yeprernyan, T. V. Management Technologies of Social Advertising Discourse : Speciality 22.00.08 «Sociology of Management» : Dissertation for the Degree of Candidate of Sociological Sciences / Yeprernyan Tatyana Vladimirovna. – Moscow, 2024. – 187 p.
2. Kirichek, P. N. Mass Media Discourse in the Perimeter of Social Management / P. N. Kirichek // Modern Discourse Analysis. – 2018. – No. 3-2(20). – Pp. 218-225.
3. Kirichek, P. N. Collisions of «Visuality – Spirituality» in Intercultural Communication / P. N. Kirichek // Knowledge. Understanding. Ability. – 2016. – No. 1. – Pp. 167-177. – DOI 10.17805/zpu.2016.1.13.
4. Kirichek, P. N. Under the Sign of the Figure of Silence: The Informational Factor of Administrative Reform / P. N. Kirichek // Sociology of Power. – 2009. – No. 4. – Pp. 16-27.
5. Kirichek, P. N. Sociocultural Mode of Advertising Communication / P. N. Kirichek // Advertising and Public Relations: Traditions and Innovations. Volume Part 1. – Rostov-on-Don: Rostov State Transport University, 2015. – P. 53-62.
6. Kiselev, A. G. The Perimeter of Public Administration: The Problem of the Main Link / A. G. Kiselev, P. N. Kirichek // Vlast. – 2015. – No. 12. – Pp. 5-11.
7. Kiselev, A. G. Real and nominal collisions in the arsenal of public administration / A. G. Kiselev, P. N. Kirichek // Bulletin of the Peoples' Friendship University of Russia. Series: Sociology. – 2016. – Vol. 16, No. 3. – Pp. 510-518.
8. Content and format of a trend sociological study of managerial activity in the social sphere / O. V. Golenkova, T. V. Yeprernyan, A. M. Kirpichenko [et al.] // Russian Economic Bulletin. – 2025. – Vol. 8, No. 2. – Pp. 59-65.
9. The content and management format of the integrated center for social services of the Bryansk region / M. V. Stakanova, O. V. Golenkova, A. A. Kyshtymova [et al.] // Russian Economic Bulletin. – 2025. – Vol. 8, No. 3. – pp. 55-61.
10. Kravchenko, A. I. Methodology and methods of sociological research. – Moscow: Yurayt Publishing House, 2025. – 659 p. – (Higher Education). – ISBN 978-5-534-18257-6.
11. Melnikov, S. L. The specifics of management technologies in the social sphere of the region (on the example of the Bryansk Region) / S. L. Melnikov, A. K. Nazaryan, A. M. Shilin // Economy. Sociology. Right. – 2025. – No. 4(40). – Pp. 47-58. – DOI 10.22281/2542-1697-2025-

04-04-47-58.

12. Sociology of advertising and public relations in the social sphere: discursive technologies : a textbook for the fields of study «Sociology», «Social work» / P. N. Kirichek, T. V. Yepremyan, T. E. Lifanova [et al.]. – Bryansk : IP Khudovets R.G., 2025. – 264 p. – ISBN 978-5-605-40888-8.

13. Technological Modernization of the Social Management System in the Bryansk Region / S. A. Shilina, T. V. Yepremyan, D. L. Chavgun, and A. A. Kyshtymova // Economy. Sociology. Right. – 2025. – No. 4(40). – Pp. 78-87. – DOI 10.22281/2542-1697-2025-04-04-78-87.

14. Shilina, S. A. Communicative Technologies in the System of Relations between the State and Society / S. A. Shilina // Vlast. – 2013. – No. 2. – Pp. 043-046.

Author`s information

Yepremyan Tatiana Vladimirovna – Candidate of Sociological Sciences, Senior Lecturer of the Department of Psychology, Sociology and Social Work of the Bryansk State University named after Academician I.G. Petrovsky. E-mail: epremyan@yandex.ru. Work phone: +74832 580520 (1231)

Birkun Ivan Evgenievich - a student of the Sociology department of the Faculty of Pedagogy and Psychology of the Bryansk State University named after Academician I.G. Petrovsky. E-mail: Ivanbirkun075@gmail.com.

Epremyan Diana Olegovna - student of the 44.03.02 Psychological and Pedagogical Education program at the Faculty of Pedagogy and Psychology of the Bryansk State University named after Academician I.G. Petrovsky. E-mail: epremandiana668@gmail.com.

Erokhov Mikhail Vasilyevich - 2nd year postgraduate student of scientific specialty 5.4.7. «Sociology of Management» of the Faculty of Pedagogy and Psychology of the Bryansk State University named after Academician I.G. Petrovsky. E-mail: erohov.mihail@yandex.ru.

УДК 316.334.56

**УЛИЧНОЕ ИСКУССТВО КАК ФАКТОР СОЦИАЛЬНОГО ОПТИМИЗМА
И ТРАНСФОРМАЦИИ ГОРОДСКОЙ СРЕДЫ (НА ПРИМЕРЕ Г. ВОЛОГДЫ)**

Жданова А.Э.

Вологодский научный центр Российской академии наук, г. Вологда

Уличное искусство – это важный инструмент развития и повышения привлекательности городского пространства, который выступает не только средством самовыражения художника, но и способом получения эмоций для жителей города, а также источником формирования комфортной городской среды. Эмпирическую базу исследования составили данные авторского онлайн-опроса 2025 г. Выборка стихийная (N=146 человек). Респонденты – жители г. Вологды в возрасте 14–55 лет. Выявлено, что вологжане положительно относятся к уличному искусству и считают, что оно оказывает позитивное влияние на настроение горожан.

Ключевые слова: город, граффити, местное сообщество, муралы, настроение, стрит-арт, уличное искусство

DOI 10.22281/2542-1697-2026-05-03-36-44

Введение. В настоящее время уличное искусство все чаще становится фактором, влияющим на положительное преобразование городского пространства, не выступая источником проявления вандализма. Такой вид искусства в урбанистике становится формой благоустройства и способом самовыражения своих ценностей города и его жителей. Создание подобного рода объектов может стать одной из визитных карточек города для привлечения туристов. Особое значение занимает изучение общественного мнения по отношению к уличному искусству: как оно влияет на восприятие городской среды? на настроение местных жителей? поддерживают ли жители такие практики искусства и благоустройства в своем городе? Процесс вовлечения горожан в решение вопросов городского развития является важным фактором в процессе создания комфортной, эстетически привлекательной городской среды. Это позволяет учитывать интересы и потребности жителей, эффективно использовать их ресурсы и формировать позитивный имидж города.

Стрит-арт представляет собой значимый инструмент, способствующий развитию или трансформации городского пространства. Он способен «оживить» унылые и непривлекательные стены, а также привлечь внимание к актуальным проблемам, таким как сохранение исторических памятников или экологические вопросы. Многие города являются относительно молодыми и имеют однородную застройку, в то время как работы граффитистов могут значительно разнообразить визуальный облик целых микрорайонов. Кроме того, граффити, стрит-арт и муралы могут превращать города в подобие музея под открытым небом. Это делает их привлекательными для туристов.

По данным ВЦИОМ более четверти россиян (27%) считают граффити видом современного искусства, тогда как большая часть (45%) говорит о нейтральном статусе граффити, что это не является искусством, но такие рисунки могут быть уместны в отдельных случаях [1]. В исследовании ВЦИОМ 2025 г. треть респондентов (27%) дали ответ о том, что хотели бы больше узнать про уличное искусство.

Теоретический обзор. В рамках отечественной гуманитарной социологии парадигма уличного искусства представляет собой относительно новый объект научного дискурса. Если ввести поисковой запрос, по ключевым словам, на сайте научной электронной библиотеки Elibrary.ru, то можно отметить, что большинство публикаций связаны с понятием «графффити» (табл. 1). Первые публикации начинаются с 1995 года. Основное внимание исследователей к данной теме сформировалось в период 2011–2013 гг. История уличного искусства восходит к древнейшим временам, включая наскальные рисунки, выполнявшие коммуникативные и ритуальные функции. В Древнем Риме и средневековой Европе также встречались элементы, характерные для уличного искусства, в виде надписей и изображений на стенах.

Таблица 1 - Количество научных публикаций, связанных с темой уличного искусства (данные с сайта Elibrary.ru на 20.07.2026 г.)

Ключевое слово	Количество публикаций	Год начала публикаций
граффити	1056	1995
стрит-арт	738	2011
уличное искусство	392	2013
паблик-арт	278	2011
муралы	64	2019
диджитал-арт	26	2019

Современное уличное искусство зародилось в 1960-х годах в США как форма граффити. Как подчеркивали в своем исследовании Г. Чалфент и Д. Пригофф: «Граффити как искусство начинает расцветать тогда, когда райтеры, захотевшие стать известными, спустились в подземку...» [2].

Изначально под уличным искусством понимали все, что относилось к современному искусству, реализованному в городском пространстве. В 80-е годы прошлого века стрит-арт и граффити являлись тождественными понятиями. Однако с течением времени они превратились в обособленные формы художественного самовыражения. Сегодня под стрит-артом понимается «стиль и разновидность современного изобразительного искусства, в котором фоном для размещения работ художников служит окружающее людей пространство городов» [3]. Основное отличие стрит-арта от граффити заключается в том, что уличное искусство ориентировано на публику, в нем заложен смысл, уникальный посыл, адресованный обществу. В граффити нет сюжета и изобразительного материала, это шрифт – написание тега или эмблемы райтера или его команды, понятное лишь узкому кругу лиц [4].

Уличное искусство имеет широкое распространение и различные виды. Оно может включать в себя муралы, стрит-арт инсталляции, стикер-арт, постер-арт, трафаретный стрит-арт и янбомбинг (вязаные украшения). Авторы могут использовать различные техники и материалы (краски, трафареты, наклейки, ткань, дерево, металл и др.). Цели стрит-арт могут быть различные: от самовыражения художника, до украшения городского пространства и диалогом с местным сообществом. В основном используют тематику исторических или культурных событий, природных мотивов, изображение известных личностей, однако также могут быть тематики для привлечения внимания общественности к экологическим, политическим и социальным проблемам.

В этом смысле понятие стрит-арта тесно переплетается с другими разновидностями искусства, сферой бытования которых является городское пространство – «паблик-арт» и «мурализм». Публичное искусство, в отличие от стрит-арта, инициируется сверху и санкционируется властью – его заказчиком, как правило, выступает государство или орган местного самоуправления. Такое искусство характеризуется масштабностью исполнения, мощным социальным посылом и часто реализуется в рамках официальных проектов и мероприятий [5]. Стрит-арт, напротив, инициируется снизу и чаще всего носит анонимный, несанкционированный и спонтанный характер.

Под муралами, в свою очередь, понимаются настенные произведения живописи большого размера. В своей работе В.А. Гріднева подчеркивает, что «мурал-арт является коммуникатором между художником и зрителем. Он может эффективно использоваться как для эстетического развития городской среды, так и для передачи, распространения сложных комплексов идей, систем ценностей, форм мировосприятия и настроений» [6].

Несмотря на родственность трех понятий, в научном дискурсе нет единого мнения об их соотношении. Некоторые ученые склонны рассматривать стрит-арт, паблик-арт и мурализм в качестве обособленных форм городского искусства [7]. Другие исследователи, напротив, называют публичное искусство и мурализм «классическим примером уличного искусства, созданного в институциональном контексте» [8]. В дальнейшей работе мы будем придерживаться именно этого подхода, применяя понятие «стрит-арт» ко всем формам искусства в городской среде.

Сегодня уличное искусство стало глобальным феноменом, инструментом городского развития, формирующим идентичность места и привлекающим туристов.

Во-первых, стрит-арт формирует новый художественный язык городской культуры, преобразая облик города и создавая точки притяжения для его жителей и гостей [9]. Оно укрепляет идентичность города, отражая его неповторимый дух и характер. Благодаря уличному искусству заброшенные пространства могут получить «вторую жизнь». Ветхие здания, бывшие символами городского упадка, становятся холстами для уличных художников и возрождаются в новом облике, улучшая визуальное восприятие города.

Во-вторых, уличное искусство может быть инструментом, стимулирующим экономическое развитие территории. Фестивали стрит-арта (например, фестиваль «Стенография» в г. Екатеринбург, фестиваль «ФормART» в Приволжском федеральном округе) становятся узнаваемыми символами городов и способствуют привлечению уличных художников и туристов со всего мира.

Наконец, ключевой особенностью стрит-арта является его способность поднимать важные общественные темы, выступать инструментам протеста и социальной активности. Уличное искусство взаимодействует с обществом, заставляет задуматься, воздействует на формирование социальных установок и убеждений. Например, муралы с изображением редких исчезающих животных повышают уровень осведомленности общества об экологических проблемах [10].

Несмотря на потенциал уличного искусства для улучшения городского пространства и формирования идентичности города, его популяризация может сталкиваться с рядом трудностей.

Основная проблема заключается в несанкционированной природе уличного искусства. Произведения уличных художников, не относящиеся к публичному искусству, могут расцениваться как вандализм. Такой стрит-арт провоцирует негативную реакцию среди жителей домов, собственников зданий и представителей публичной власти. Кроме того, протестный характер уличного искусства препятствует его экспонированию в городской среде. Некоторые художники охотно соглашаются на сотрудничество с официальными институтами, однако такое сотрудничество влечет за собой утрату протестной сущности стрит-арта [11].

Кроме того, восприятие стрит-арта сильно разнится среди экспертов в области уличного искусства и обычных горожан. То, что одним кажется острым социальным высказыванием, другими людьми может восприниматься как слишком агрессивное и отталкивающее произведение живописи. Рядовые городские жители могут быть не заинтересованы в содержательной составляющей стрит-арта – для них уличное искусство выступает инструментом декорирования городского пространства [12]. По этой причине для многих жителей особую важность имеет эстетическая сторона стрит-арта, образ которого часто не соотносится с их представлениями о красоте.

Наконец, несанкционированный характер стрит-арта делает его не таким долговечным, как произведения публичного искусства, на реставрацию которых чаще всего выделяются средства.

Тем не менее, уличное искусство остается ярким феноменом развития городского пространства. Цель настоящей статьи – исследовать отношение жителей г. Вологда к уличному искусству и оценить его потенциал для развития городской среды.

Методология исследования. Социологический онлайн-опрос «Уличное искусство как фактор влияния на комфортную городскую среду», был проведен в 2025 году среди жителей г. Вологды от 14 лет до 55 лет. Выборка стихийная (N=146 человек). Автор принимал непосредственное участие в разработке инструментария и апробации исследования. Для оценки силы связи применялся коэффициент Крамера (V). Для интерпретации полученных значений критерия V Крамера о силе связи между признаками использовалась принятая шкала (табл.2).

В таблице 3 представлено распределение респондентов по полу и возрасту. Всего

было опрошено 146 жителей г. Вологды.

Таблица 2 – Интерпретация значений критерия V Крамера

Значение критерия V Крамера	Сила взаимосвязи
$<0,1$	Несущественная
$0,1 - <0,2$	Слабая
$0,2 - <0,4$	Средняя
$0,4 - <0,6$	Относительно сильная
$0,6 - <0,8$	Сильная
$0,8 - 1,0$	Очень сильная

В таблице 3 представлено распределение респондентов по полу и возрасту. Всего было опрошено 146 жителей г. Вологды.

Результаты исследования. Если рассматривать вопрос информированности населения о существовании различных видов уличного искусства таких как граффити, муралы, стрит-арты и инсталляции, то можно отметить положительный тренд. Большая часть вологжан, которые участвовали в опросе, имеют представление об уличном искусстве. Так 79% респондентов дали ответ, что они «слышали некоторые новости» об этих видах искусства, 19% опрошенных интересуются новостями из данной сферы и регулярно получают информацию об уличном искусстве. Доля тех, кто не знаком с данным направлением мала, и составляет лишь 3%. Можно сделать вывод, что уличное искусство становится все более популярным и заметным в городе.

Таблица 3 – Распределение респондентов в г. Вологде по полу и возрасту, в %

Пол	
Мужской	26,7
Женский	73,3
Возраст	
14–17 лет	23,3
18–35 лет	37,7
36–55 лет	26,7
55 и старше	12,3

Исходя из полученных данных, можно говорить о наличии сильной связи между отношением горожан к уличному искусству и оценкой влияния данного вида искусства на настроение жителей. V Крамера = 0,570 ($p < 0,001$, табл. 4). Респонденты, которые положительно относятся к стрит-арту также отмечают и его позитивное влияние на настроение горожан (94%). Но в то же время 50% респондентов приписывают уличному искусству негативное влияние. Можно предположить, что данный вопрос носит выраженный субъективный характер эмоционального опыта респондентов от взаимодействия с уличным искусством.

Таблица 4 – Отношение респондентов к уличному искусству в зависимости от оценки его влияния на настроение жителей города, в %

Влияние уличного искусства на настроение жителей города	Отношение к уличному искусству (граффити, муралы, инсталляции, стрит-арты)	
	Положительно	Отрицательно
Позитивное и скорее позитивное	93,9	0,0
Негативное и скорее негативное	0,0	50,0
Затрудняюсь ответить	6,1	50,0
V Крамера	0,570 ($p < 0,001$)	

Один из тезисов уличного искусства – это создание привлекательного образа

городской среды. В этом утверждении вологжане солидарны, т.к. по данным опроса удельный вес тех, кто считает, что уличное искусство делает городскую среду более привлекательной составляет большую часть от числа всех респондентов, а именно 89% (53% – «скорее да, чем нет», 36% – «однозначно да»). Удельный вес отрицательных оценок не превышает 7%. Можно предположить, что уличное искусство в г. Вологде выполнено качественно, гармонично вписывается в архитектуру города и отражает его уникальность.

Если рассматривать эмоции, которые стрит-арт вызывает у вологжан, а также влияние на их настроение, то они имеют различный характер. Значение V Крамера для негативных эмоций равно 0,422 ($p < 0,001$, табл. 5), что говорит о наличии сильной связи между данными переменными. В данной группе 25% респондентов испытывают негативные эмоции от уличного искусства считают его влияние на настроение жителей также негативным. В то время как такие эмоции как интерес и любопытство демонстрируют умеренную связь (V Крамера = 0,262 ($p < 0,05$)) и чаще они проявляются у тех, кто видит позитивное влияние стрит-арт (92%). Также статистическая значимость выявлена среди позитивных эмоций и позитивного влияния данного искусства на настроение вологжан – 92% позитивных ответов, V Крамера = 0,345 ($p < 0,01$). В целом, чем позитивнее респондент оценивает эффект уличного искусства, тем более позитивной становится его эмоциональная лексика, что подтверждает гипотезу об эмоциональной валидности отношения.

Таблица 5 – Распределение респондентов по характеру называемых эмоций в зависимости от оценки влияния уличного искусства на настроение жителей, в %

Влияние уличного искусства на настроение жителей города	Эмоции горожан от уличного искусства		
	негативные эмоции	интерес, любопытство	позитивные эмоции
Позитивное и скорее позитивное	62,5	91,8	92,0
Негативное и скорее негативное	25,0	0,0	0,0
Затрудняюсь ответить	12,5	8,2	8,0
V Крамера	0,422 ($p < 0,001$) относительно сильная	0,262 ($p < 0,05$) средняя	0,345 ($p < 0,01$) средняя

Интересно отметить, что между оценкой условий проживания и оценкой городской среды, после появления в ней объектов стрит-арт искусства статистической связи обнаружено не было (табл. 6). Как среди респондентов, оценивающих условия проживания как хорошие и положительно настроенных к данному виду искусства (92%), так и среди тех, кто считает их плохими и отрицательно к нему относящихся (85%). Отрицательное отношение находится на уровне 4–8%. Можно сделать вывод, что даже те горожане, которые недовольны условиями проживания, в значительной мере склонны позитивно воспринимать художественные преобразования в городской среде. Следовательно, оценка жителями подобных проектов базируется на культурно-эстетических критериях, а не на их функциональной пользе для улучшения условий проживания.

Таблица 6 – Связь между общим отношением к уличному искусству и оценкой условий проживания в городе, в %

Отношение горожан к уличному искусству	Оценка условий проживания в городе	
	хорошие и скорее хорошие	плохие и скорее плохие
Положительное	92,0	84,6
Отрицательное	4,0	7,7
Затрудняюсь ответить	4,0	7,7
V Крамера	нет взаимосвязи	

Также статистическая значимость выявлена в отношении готовности респондентов

поддержать дальнейшее развитие уличного искусства и оценки условий проживания (табл. 7). Коэффициент V Крамера равен 0,305 ($p < 0,001$), что говорит о наличии умеренной связи. В группе с хорошей оценкой среды проживания 92% респондентов высказались «за», при плохой – 85%. Данная связь фиксирует, что все же запрос на дальнейшее развитие стрит-арта чувствителен к восприятию городской среды.

Таблица 7 – Запрос населения на увеличение числа муралов и граффити в зависимости от оценки условий проживания, в %

Запрос населения на увеличение муралов и граффити на стенах многоквартирных домов и общественных пространствах	Оценка условий проживания в городе	
	хорошие и скорее хорошие	плохие и скорее плохие
Да	92,0	84,6
Нет	4,0	7,7
Затрудняюсь ответить	4,0	7,7
V Крамера	0,305 ($p < 0,001$)	

Анализ динамики оценки городской среды под влиянием появления муралов не выявил статистически значимых различий между группами респондентов с различной оценкой условий проживания (табл. 8). Парадоксально, но в обеих группах преобладает мнение, что городская среда в г. Вологде с появлением муралов изменилась в худшую сторону. Хотя вышеописанные ответы респонденты говорят об однозначно позитивном отношении к стрит-арт. Возможно респонденты связывают такое творческое проявление с актами вандализма или нелегальными рисунками и надписями. Отсутствие связи с оценкой условий проживания указывает на то, что данная динамика имеет общий для всех групп характер и, вероятно, обусловлена более глубинными установками относительно допустимых форм уличной эстетики. Данный вопрос следует более детально рассмотреть в дальнейших исследованиях.

Таблица 8 – Динамика оценки городской среды в зависимости от влияния уличного искусства в группах с разной оценкой условий проживания (в %)

Оценка городской среды с появлением на улицах города стрит-артов, муралов и граффити	Оценка условий проживания в городе	
	хорошие и скорее хорошие	плохие и скорее плохие
Изменилась в лучшую сторону	34,9	23,1
Изменилась в худшую сторону	57,1	61,5
Не изменилась, осталась нейтральной	2,4	0,0
Затрудняюсь ответить	1,6	7,7
V Крамера	нет взаимосвязи	

Несмотря на то, что уличное искусство это свобода и творчество самого художника вологжане сходятся во мнении, что такой вид искусства должен быть согласован с местной администрацией и получено официальное разрешение, например, на создание мурала на стене жилого многоквартирного дома. Исходя из данных опросов видно, что 56% респондентов говорят о том, что официальные разрешения должны быть получены всегда и во всех случаях, 40% – разрешение должно быть получено в определенных случаях (табл. 9).

На рисунке 1 представлен рейтинг наиболее привлекательных тем для уличного искусства в г. Вологде. Можно отметить, что в большинстве случаев вологжанам нравятся муралы, которые отражают историю города (69%) либо изображения природных мотивов и пейзажей (63%). Также для населения города привлекательными кажутся объекты, посвященные известным личностям (39%) или русскому фольклору (37%).

В целом, полученные данные свидетельствуют о высокой эмоциональной включенности жителей в восприятии уличного искусства на территории г. Вологды.

Таблица 9 – Мнение респондентов относительно получения официального разрешения художникам для создания своих работ, в %

Варианты ответов	%
Да, всегда	56,2
Да, в определенных случаях	39,7
Нет, не должны	2,7
Затрудняюсь ответить	1,4

Основной вывод заключается в наличии позитивных чувств и эмоций у горожан, вызываемых объектами стрит-арт. Несмотря на различные условия проживания, большая часть респондентов говорит о позитивном отношении к данным художественным практикам, формируя запрос на дальнейшее развитие данного направления в городе. Полученные паттерны рекомендуется учитывать при разработке муниципальных программ по курированию стрит-арта, с акцентом не на количественном увеличении, а на повышении художественного качества и контекстуальной интеграции муралов в архитектурную среду.

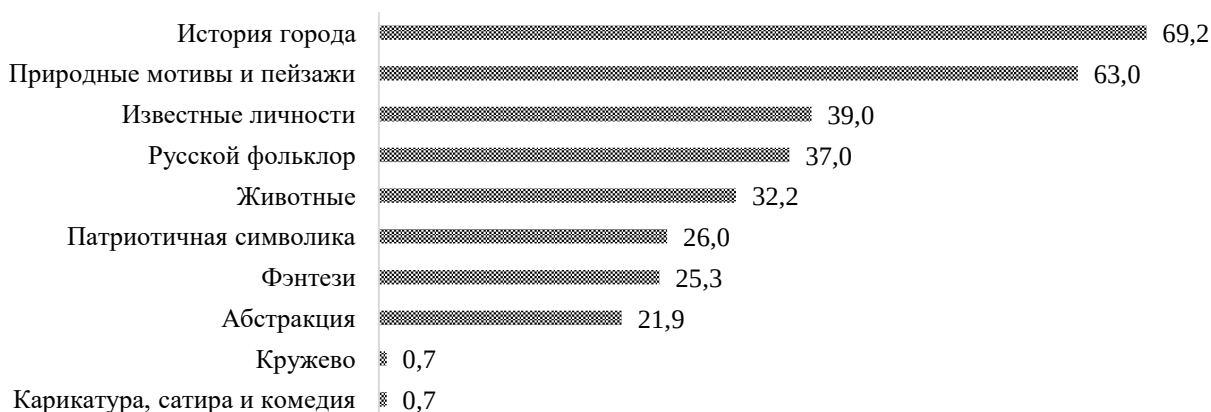

Рисунок 1 – Рейтинг наиболее привлекательных тем для уличного искусства в г. Вологде, в %

Правильная интеграция уличного искусства способна существенно улучшить городскую среду и повлиять на позитивное настроение горожан. Участие местных жителей в процессах благоустройства является важным фактором создания современных и комфортных городских пространств, поэтому также необходимо изучать мнение жителей относительно создания объектов уличного искусства.

Список использованных источников

1. Граффити: искусство или вандализм? // ВЦИОМ. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/graffiti-iskusstvo-ili-vandalizm>
2. Chalfant H., Prigoff J. Spraycan Art. London: Thames and Hudson Ltd, 1999. – 180 с.
3. Правдолюбова С.С., Егорова В.А., Зубкова А.О., Сидорова А.Д. Стрит-арт в пространстве городской среды Рязани / С.С. Правдолюбова, В.А. Егорова, А.О. Зубкова, А.Д. Сидорова // Вестник МГСУ. – 2024. – Т. 19, № 1. – С. 45–53. – DOI 10.22227/1997-0935.2024.1.45-53.
4. Константинова М.А. Граффити и стрит-арт: от художественной практики к социальному действию / М.А. Константинова // Философия и гуманитарные науки в информационном обществе. – 2021. – № 2(32). – С. 94-107.
5. Бинсянь У. Паблик - арт как социокультурный феномен городской художественной среды / У. Бинсянь // Культура и искусство. – 2023. – № 6. – С. 1-15. – DOI 10.7256/2454-0625.2023.6.40810.
6. Гриднев В.А. Мурал-арт как способ коммуникации в современной культуре / В.А.

Гриднев // *Философия и гуманитарные науки в информационном обществе*. – 2020. – № 2(28). – С. 56-66.

7. Гончарова Н.Г. Стрит-арт в актуальной городской среде: новая форма монументальной живописи / Н.Г. Гончарова // *Академический вестник УралНИИпроект РААСН*. – 2021. – № 1(48). – С. 64-69. – DOI 10.25628/UNIP.2021.48.1.011.

8. Вильчинская-Бутенко М.Э. Режимы визуализации урбанистического искусства: стрит-арт vs паблик-арт / М.Э. Вильчинская-Бутенко // *Вестник Томского государственного университета. Культурология и искусствоведение*. – 2022. – № 47. – С. 18-34. – DOI 10.17223/22220836/47/2.

9. Маевская М.Е. Уличное искусство как способ самоидентификации городского пространства / М.Е. Маевская // *Современная архитектура мира*. – 2024. – № 2(23). – С. 277-295. – DOI 10.25995/NIITAG.2024.23.2.014.

10. Языков Д.С. Изменения в городской среде: вклад стрит-арта в градостроительство / Д.С. Языков // *Актуальные исследования*. – 2024. – № 9-1(191). – С. 61–73. – DOI 10.5281/zenodo.10710274.

11. Шоломова Т.В., Андрейчик Е.О. Стрит-арт и проблема его институционализации / Т.В. Шоломова, Е.О. Андрейчик // *Университетский научный журнал*. – 2021. – № 61. – С. 33-39. – DOI 10.25807/22225064_2021_61_33.

12. Швиндт У.С. Эстетическая и проблемная ориентация стрит-арта в восприятии городского населения (на примере Екатеринбурга) / У.С. Швиндт // *Koinon*. – 2021. – Т. 2, № 1. – С. 100-115. – DOI 10.15826/koinon.2021.02.1.005.

Сведения об авторах

Жданова Ангелина Эдуардовна – младший научный сотрудник, Вологодский научный центр Российской академии наук. E-mail: angelinazhdanova99@mail.ru

UDC 316.334.56

STREET ART AS A FACTOR OF SOCIAL OPTIMISM AND TRANSFORMATION OF THE URBAN ENVIRONMENT (USING THE CITY OF VOLOGDA AS AN EXAMPLE)

Zhdanova A.E.

Vologda Scientific Center of the Russian Academy of Sciences, Vologda

Street art is an important tool for enhancing the appeal of urban space, serving not only as a means of an artist's self-expression but also as a source of emotions for ordinary city residents, as well as a source for shaping a comfortable urban environment. The empirical basis of the study consists of data from the author's online survey conducted in 2025. The sample is non-random (N=146 people). The respondents are residents of the city of Vologda aged 14–55. It has been revealed that residents of Vologda have a positive attitude towards street art and believe that it has a positive impact on the mood of the city's inhabitants.

Keywords: city, graffiti, local community, murals, mood, street art, street art

References

1. Graffiti: art or vandalism? // VTsIOM. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/graffiti-iskusstvo-ili-vandalizm>.
2. Chalfant H., Prigoff J. *Spraycan Art*. London: Thames and Hudson Ltd, 1999. 180 p.
3. Pravdolyubova S.S., Egorova V.A., Zubkova A.O., Sidorova A.D. Street art in the urban environment of Ryazan / S.S. Pravdolyubova, V.A. Egorova, A.O. Zubkova, A.D. Sidorova // *Vestnik MGSU*. – 2024. – Vol. 19, No. 1. – Pp. 45–53. – DOI 10.22227/1997-0935.2024.1.45-53.
4. Konstantinova M.A. Graffiti and Street Art: from Art Practice to Social Action / M.A. Konstantinova // *Philosophy and the Humanities in the Information Society*. – 2021. – № 2(32). – Pp. 94-107.
5. Bingxian, U. Public art as a socio-cultural phenomenon of the urban artistic environment /

W. Bingxian // Culture and Art. – 2023. – No. 6. – pp. 1-15. – DOI 10.7256/2454-0625.2023.6.40810.

6 Gridnev V.A. Mural art as a way of communication in modern culture / V.A. Gridnev // Philosophy and Humanities in the Information Society. – 2020. – No. 2(28). – Pp. 56–66.

7. Goncharova N.G. Street art in the contemporary urban environment: a new form of monumental painting / N.G. Goncharova // Academic Bulletin of UralNIIProekt RAASN. – 2021. – № 1(48). – Pp. 64-69. – DOI 10.25628/UNIIP.2021.48.1.011.

8. Vilchinskaya-Butenko M.E. Visualization modes of urban art: street art vs public art / M.E. Vilchinskaya-Butenko // Bulletin of Tomsk State University. Cultural Studies and Art History. – 2022. – No. 47. – Pp. 18-34. – DOI 10.17223/22220836/47/2.

9. Maevskaya M.E. Street Art as a Way of Self-Identification of Urban Space / M.E. Maevskaya // Modern Architecture of the World. – 2024. – No. 2(23). – Pp. 277–295. – DOI 10.25995/NIITIAG.2024.23.2.014.

10. Yazykov D.S. Changes in the urban environment: the contribution of street art to urban planning / D.S. Yazykov // Current Research. – 2024. – No. 9-1(191). – Pp. 61–73. – DOI 10.5281/zenodo.10710274.

11. Sholomova T.V., Andreychik E.O. Street art and the problem of its institutionalization / T.V. Sholomova, E.O. Andreychik // University Scientific Journal. – 2021. – No. 61. – pp. 33-39. – DOI 10.25807/22225064_2021_61_33.

12. Schwindt U.S. Aesthetic and problematic orientation of street art in Russia perception of the urban population (on the example of Yekaterinburg) / U.S. Schwindt // Koinon. – 2021. – Vol. 2, No. 1. – pp. 100-115. – DOI 10.15826/koinon.2021.02.1.005.

Author`s information

Zhdanova Angelina Eduardovna - Junior Researcher, Vologda Scientific Center of the Russian Academy of Sciences. E-mail: angelinazhdanova99@mail.ru

УДК 316.422

**СОЦИАЛЬНАЯ СФЕРА БРЯНСКОГО РЕГИОНА: ИССЛЕДОВАНИЕ ПРОБЛЕМ
МОЛОДЕЖИ МЕТОДОМ НАРРАТИВНОГО ИНТЕРВЬЮ**

Мельников С.Л., Лапоникова Е.А., Назарян А.К., Чавгун Д.Л.

Брянский государственный университет имени академика И.Г. Петровского, г. Брянск

Авторы в статье рассматривают актуальные проблемы, встающие перед молодыми людьми в период их взросления. В статье отражены результаты нарративных интервью с шестью респондентами, которые являются жителями Брянского региона и отражают те социально-демографические параметры, благодаря которым данные исследований можно распространить на всю генеральную совокупность, а именно на молодежь исследуемой административно-территориальной области. Выбор метода авторы статьи обосновывают тем, что это позволяет выйти за пределы формального описания социальных проблем, а также помогает изучить те уровни социальной действительности, которые не доступны при исследовании с помощью количественных методов. В статье приведены рекомендации по снижению негативного влияния социальных проблем на молодежь Брянского региона.

Ключевые слова: социальная сфера, социальные проблемы, молодежь, Брянский регион, нарративное интервью, субъективное восприятие реальности

DOI 10.22281/2542-1697-2026-05-03-45-60

Актуальность обращения к исследованию социальной сферы региона обусловлена тем, что от тех или иных социальных условий зависит качество жизни всех социально-демографических групп, которые проживают в определенной административно-территориальной области, в нашем случае в Брянском регионе. Особое внимание следует уделить, как представляется, проблемам молодежи, ведь за молодыми людьми будущее нашей страны, от того, насколько будут удовлетворены потребности этой социально-демографической группы, зависит, останутся ли представители молодого поколения в родном регионе или отправятся за его пределы в поисках более комфортных и благоприятных для жизнедеятельности условий. Поэтому так важно исследовать те проблемы, которые возникают у молодежи в период их вступления в самостоятельную жизнь, и находить пути их решения, а это связано, как представляется, с получением образования, с профессиональным самоопределением и, как следствие, с трудоустройством, а также с психологическим и материальным благополучием, с формированием идентичности и с социальной адаптацией. В условиях формирующегося цифрового общества, когда рынок труда крайне нестабилен, растет неопределенность и конкуренция, размываются социальные нормы, резко меняются формы коммуникации, перед молодыми людьми встают вызовы, которые требуют гибкости, способности быстро перестраиваться из-за стремительно меняющихся условий. Необходимо в связи с вышеперечисленным проанализировать, как сами молодые люди воспринимают появляющиеся перед ними трудности и как трактуют свой собственный опыт по их преодолению или по приспособлению к этим вызовам. Посредством личных историй раскрывается эмоциональное содержание, то, что чувствуют респонденты, когда находятся в трудной жизненной ситуации, раскрываются кризисные моменты и дается непосредственная оценка респондентом его жизненных проблем.

Чтобы более углубленно понять механизмы осмысления социальных проблем, мы обратились к такому качественному методу социологических исследований, как нарративное интервью. Так как количественные методы фиксируют главным образом объективные характеристики социальных аспектов, а нам нужно понять субъективное отношение к проблемам, то наиболее эффективным для этой задачи является именно нарратив, благодаря которому можно также исследовать индивидуальные стратегии реагирования на обстоятельства [6].

Обратившись к термину «нарратив», следует сказать, что происходит это слово из латинского языка, где обозначало «историю, рассказ» и относилось к фольклору, а затем и к

авторской литературе и подразумевало связное повествование, где события идут в определенном порядке [2, с. 90]. Позже ученые обратили внимание на то, что не только выдуманные истории, отраженные в художественных произведениях, востребованы людьми. Оказалось, что через жизненные истории можно объяснить мироустройство, поделиться опытом и показать своё отношение к окружающему, поэтому нарратив стал предметом исследований философов, социологов, психологов, а не только филологов.

В 60-е годы двадцатого века стало уделяться пристальное внимание структуре повествования, на основе чего и развилась такая наука, как нарратология. Изучение того, как строится повествование, привело к рассмотрению причин похожего строения многих произведений разных жанров. Ученые пытались понять, какие элементы повторяются почти в каждом сюжете и как они влияют на восприятие текста [23].

Со временем интерес сместился от анализа художественных произведений к изучению повседневного опыта. Исследователи стали рассматривать как люди рассказывают о себе, своих проблемах и событиях вокруг. Так возник «поворот к нарративу», который произошел в гуманитарных и социальных науках во второй половине XX века [3, с. 535]. Появилось понимание, что человек воспринимает реальность не только через факты. Большую роль играют личные истории, воспоминания и объяснения, которые люди дают своим поступкам и переживаниям.

В психологии нарративный подход позволил рассматривать рассказ, как механизм повествования людьми их жизненного опыта. Через такие истории человек объясняет собственные поступки, переживания и важные события. Это помогает ему лучше понимать себя и свое место в обществе [20].

В социологии и антропологии нарратив получил другое значение. Здесь он стал способом изучения общества и отношений между людьми. Через рассказы можно увидеть, как формируются представления о норме, справедливости или успехе. Истории людей показывают, какие ценности существуют в обществе и как они меняются со временем. Такой подход отличался от более строгих направлений в социологии, где основной упор делался на цифры и статистику. Нарративный метод сместил внимание к человеческому опыту, эмоциям и личным объяснениям происходящего [23].

Многие современные авторы считают, что нарратив помогает соединить социальные факты и личные переживания. Через отдельные истории можно понять более широкие социальные процессы. Именно поэтому рассказы людей часто используют для изучения коллективной памяти, идентичности и общих представлений о прошлом [16]. При этом у нарративного подхода есть и свои ограничения. Любая история зависит от контекста, времени, ситуации и культуры, в которой она появляется. Один и тот же опыт люди могут описывать по-разному. Из-за этого нарратив нельзя считать полностью универсальным инструментом.

Особенно часто этот подход используют при изучении молодежной среды. Молодые люди нередко говорят о неопределенности, поиске себя и трудностях адаптации [13]. В их историях отражаются страхи, ожидания и отношение к будущему. Для социологии такие рассказы важны, потому что через них можно увидеть изменения, которые происходят в обществе [18].

Развитие нарративной социологии связано с изменением взглядов на человека и язык в общественных науках. Раньше исследователи чаще изучали социальные структуры и общие закономерности. Позже внимание стало смещаться к тому, как сами люди объясняют окружающую реальность. Важную роль в развитии этого подхода сыграли Джером Брунер, Дональд Полкингхорн, Кеннет Герген и Энтони Гидденс. Каждый из них по-своему объяснял, какую роль рассказы играют в жизни общества и человека.

Джером Брунер одним из первых в 1980-х годах начал говорить о том, что человек воспринимает мир через рассказы. Он считал, что люди не просто запоминают события или реагируют на них автоматически, а осмысливают и объясняют их [3, с. 550]. Далее человек связывает отдельные факты в цельный рассказ, где есть причины, цели и переживания.

Подход Брунера отличался от более традиционных взглядов в психологии. Многие исследователи пытались найти общие законы мышления, одинаковые для всех. Джером Брунер смотрел на это иначе. Он подчеркивал, что мышление зависит от культуры, среды и общения с другими людьми. Его идеи позже начали активно использовать и в социологии.

Дональд Полкингхорн продолжил развивать эти взгляды. Он писал, что человек осознает своё бытие через тот или иной сюжет, связывая прошлое, настоящее и ожидание будущего в одну историю, а именно нарратив, из-за чего создается ощущение целостности своей жизни. Ученый полагал, что для понимания социальной сферы недостаточно одних статистических данных [7, с. 60], поэтому нужен рассказ, нарратив, в котором проявляются непосредственные эмоции (страхи, надежды), ценности личности. Этот подход подвергался критике, так как бывает затруднительным проверить достоверность этих историй.

Другой подход был у Кеннета Гergenа, который полагал, что личность формируется не сама по себе, а лишь в общении с себе подобными. По мнению ученого, индивид создает представление о себе через такую форму коммуникации, как общение, через рассказы о себе другим, через совместный опыт с окружающими [20], что способствует постоянному изменению идентичности. Подтверждение этой теории находим в современную цифровую эпоху, когда социальные сети, блоги и онлайн-коммуникация сделали рассказы (истории) о себе частью повседневности. Молодежь постоянно делится не только друг с другом, но и с неопределенной ширины аудиторией своими мыслями, переживаниями и событиями, что привело к размытию границ между личным и коллективным. Подход Кеннета Гергена имеет слабую сторону, так как все зависит от ситуации общения, ведь бывает трудно определить границу между реальным событием и его интерпретацией рассказчиком.

Социолог Энтони Гидденс полагал, что нарратив зависит от способа выстраивания человеком рассказа о его жизни, то есть люди пытаются объяснить себе, кто они такие и какое место занимают в социуме [5, с. 20]. В современную быстро изменяющуюся эпоху это особенно актуально, так как условия жизни стремительно трансформируются, и молодые люди всё чаще сталкиваются с неопределенностью в ситуации выбора и необходимостью поиска себя, по Э. Гидденсу. Из-за таких обстоятельств представления о собственной личности у молодых людей могут изменяться очень быстро.

Рассмотрев подходы к нарративу данных ученых, можно сказать, что, несмотря на различие, есть и общее в этих точках зрения: рассказ предстает в качестве способа объяснить окружающую реальность, когда в центре нарратива не только описываемое событие, но и то, как человек его интерпретирует и какой смысл в него вкладывает.

Такие исследователи, как Джеймс Холштейн и Джабер Губриум, в своих работах обращали внимание не только на сами истории, но и на условия, в которых эти нарративы появляются [1, с. 36], то есть каким образом на рассказы людей влияют социальные институты, нормы, коммуникация между обществом и государством, благодаря чему нарратив стал рассматриваться не просто как личный рассказ, а как компонент более широких общественных процессов, которые и влияют на данные нарративы с разных сторон.

Отечественная социология обратилась к изучению нарратива в 2010-е годы, изучая личные истории людей, чтобы понять процесс формирования представлений об успехе, о будущем, о социальной справедливости. Очень активно метод нарративного интервью стал использоваться при изучении социальных проблем молодежи. Через рассказы молодых людей социологи пытаются увидеть, как они воспринимают собственную жизнь и социальные проблемы. Чаще всего речь идет о трудностях с трудоустройством, переездом, зависимостью от цифровой среды или ощущением нестабильности. Нередко такие истории отличаются от официальных представлений о молодежи и показывают совсем другой взгляд на происходящее.

Нарративный метод позволяет увидеть проблемы глазами самих молодых людей, а не только через статистику или официальные отчеты. Через личные истории можно понять отношение молодежи к будущему, образованию, работе и государственным институтам. Кроме того, рассказы помогают исследовать эмоциональную сторону социальной жизни.

Молодые люди редко говорят о своих трудностях научными терминами. Но в их историях часто появляются темы тревоги, неуверенности, одиночества или поиска поддержки. Такие вещи сложно заметить в обычных анкетах [21, с. 108].

Через рассказы о семье, учебе или работе можно заметить изменения, которые происходят между поколениями. В историях молодежи отражаются новые ценности, отношение к стабильности, взгляды на карьеру и личную жизнь. Поэтому нарратив помогает увидеть общественные изменения на уровне повседневного опыта. При этом социолог в таком исследовании не остается полностью нейтральным наблюдателем. Он тоже участвует в интерпретации рассказов и влияет на то, как будет представлен смысл истории. Поэтому работа с нарративом требует внимательного отношения к контексту и понимания культурной среды, в которой живет человек.

В современной социологии нарративный подход занимает важное место среди качественных методов исследования. Данный метод делает акцент на личном опыте человека и позволяет рассматривать общество через реальные истории людей, а не только через статистику.

Социальную проблему можно рассматривать как общественно признанное несоответствие между ожиданиями людей и реальными условиями жизни, что зачастую зависит от управленческих решений [10; 15]. Она возникает не только из-за существования объективных противоречий, но и благодаря тому, что эти противоречия получают общественную оценку, из чего проистекает связь содержания социальной проблемы как с самой социальной ситуацией, так и с тем, как эту ситуацию воспринимают и объясняют люди.

Такая социально-демографическая группа, как молодежь, практически первой сталкивается с теми нововведениями, которые возникают в обществе с течением времени. Поэтому, как представляется, те трудности, которые возникают у молодых людей, зачастую отражают более широкие социальные процессы, чем просто проблемы именно молодежи. С точки зрения социологов, для молодежи проблемами являются препятствия, которые мешают человеку получить образование, найти своё место в обществе, реализоваться профессионально [4, с. 25]. Следует отметить, что подобные трудности зачастую связаны не столько с возрастом, сколько и с экономическими, политическими, технологическими и социальными трансформациями всего общества [12; 14].

Одной из важнейших проблем является безработица, так как после получения образования молодые люди находятся в безвыходной ситуации, когда работодатель требует опыт работы, которого невозможно было получить в силу того, что человек проходил обучение по будущей специальности, не имея возможности совмещать работу и учебу. Поиск первой работы порой затягивается на длительный период, что снижает уверенность в будущем и затрудняет самостоятельную жизнь, отдаляя сепарацию от родителей и удлиняя процесс адаптации к взрослой жизни.

Ещё одной проблемой, оказывающей существенное влияние на молодежь, является социальное неравенство, проявляющееся в том, что возможности только вступающего во взрослую жизнь человека зависят от материального положения родителей, от места проживания и круга общения. Одни без усилий получают доступ к качественному образованию, дополнительным курсам и полезным знакомствам, другие уже на старте оказываются в менее выгодных условиях. Впоследствии это неравенство только углубляется [8, с. 37], влияя на самоощущение молодого человека. Однако есть и другая сторона этой проблемы, а именно то, что стремление улучшить свое социальное положение может побудить молодого человека искать новые возможности для развития, например принимая участие в общественных проектах, добровольческих инициативах и молодежных объединениях. Такая активность способствует тому, что молодые люди приобретают бесценный опыт, расширяют круг своего общения и имеют возможность заявить о своей гражданской позиции.

Существует и такая проблема в молодежной среде, как девиантное поведение [17, с.

66)], которое может проявляться различными способами, а именно через вредные привычки, конфликтность, агрессию, нарушение социальных норм, что зачастую выступает как способ выразить протест или привлечь внимание к проблемам молодежи.

В силу стремительного развития цифровизации возникла и такая проблема, как информационная перегрузка, что связано с постоянным нахождением молодых людей в информационном потоке и получением огромного количества новостей, сообщений, визуального контента. Очень часто нет возможности вычленивать по-настоящему важную информацию, ведь быстрая смена тем и постоянное переключение внимания постепенно формируют привычку к поверхностному восприятию. Ещё одну опасность представляют собой социальные сети, которые заменяют живое непосредственное общение на виртуальное, что мешает выстраивать реальные взаимоотношения и поддерживать широкие эмоциональные связи. Существует и такой тревожный феномен, как постоянное сравнение себя с другими пользователями социальных сетей, зачастую не в свою пользу, что приводит к разочарованиям в себе и стрессам.

И, наконец, отметим такую проблему, как ощущение молодежью своей отчужденности от общественно-политической жизни, так как многие молодые люди убеждены, что не могут влиять на решения, принимаемые на разных уровнях государственного управления. Если мнения молодых людей не учитываются, то у молодежи снижается интерес к общественной деятельности, уменьшается готовность участвовать в политических процессах. Это расширяет дистанцию между молодым поколением и теми социальными институтами, которые должны представлять интересы молодежи [9, с. 30].

Все вышеперечисленные проблемы, выделенные и обоснованные различными авторами, конечно, редко находятся в изолированном виде, чаще они переплетаются, дополняются и усиливаются друг другом. Можно проследить, например, как трудности с поиском работы напрямую влияют на уровень дохода, а значит, и на качество жизни молодого человека, а ограниченность ресурсов мешает получить достойное образование и хорошо затем трудоустроиться. В связи с этим важно рассматривать молодежь как самостоятельную социальную группу, которая находится на стадии перехода ко взрослой жизни и испытывает социальные проблемы, которые необходимо разрешить тем или иным способом.

Для наглядности представим рассмотренные положения в виде таблицы (табл. 1). Важно учитывать, что многие вышеперечисленные трудности возникают в силу стремительных общественных трансформаций, когда молодым людям приходится очень быстро перестраиваться, приспосабливаться к меняющимся условиям, осваивать новые технологии и самостоятельно выстраивать необходимые жизненные стратегии. Вследствие этого проблемы, стоящие перед молодежью, отражают не только положение этой социально-демографической группы, но и те социальные процессы, которые протекают во всех сферах жизнедеятельности общества.

Следует сказать, что молодежь сегодня не только объект социальных изменений, но и сама активно участвует в тех трансформациях, которые развивают новые формы коммуникации и общественной активности, поэтому изучение молодежных проблем способствует пониманию существующих в обществе противоречий, а также тенденций развития социума.

Чтобы лучше понимать, как молодежь воспринимает происходящие в стране (и вне её) события, необходимо анализировать не только сами эти события, но и то, как о них рассказывают молодые люди, что и помогает сделать такой метод, как нарративное интервью [22, с. 48]. В современной реальности личные истории становятся одним из востребованных способов объяснения социальной действительности, благодаря чему молодые люди описывают личный опыт, выражают отношение к происходящему вокруг и формируют представления о значимых вопросах социума. Спецификой нарратива является то, что рассказывание помогает упорядочивать события личной жизни, связывать разрозненные факты в целостную картину мира. Это не просто перечисление событий, это выстраивание последовательного повествования с причинно-следственными связями между событиями и

поступками, с осознанием своей роли в прошедших событиях. Благодаря этому личный опыт приобретает общественно значимое наполнение, помогает самоопределению личности, осознанию своего места в мире [18].

Таблица 1 – Социальные проблемы молодежи и пути их решения

Проблема	Характеристика проблемы	Последствия	Возможность разрешения
Отсутствие работы	Трудности при поиске первого трудоустройства; мало вакансий для молодых специалистов	Отсутствие уверенности в будущем, отток в другие регионы, низкая социальная активность	- расширить программы стажировок; - поддерживать молодежное предпринимательство со стороны государства
Социальная несправедливость (неравенство)	Неравные возможности при получении образования и отсутствие доступа к различным ресурсам	Углубление социальной пропасти по мере взросления, ограничение социальных возможностей	- повысить доступность образования; - адресные меры поддержки молодых людей
Девииации	Агрессивность; наличие вредных привычек; нарушение общественных норм	Рост количества социальных конфликтов, трудности в социализации	- развивать молодежные программы; - создавать профилактические программы
Информационная перегрузка	Неумеренное потребление цифрового контента, постоянное нахождение в соцсетях	Резкое снижение концентрации внимания, повышение уровня эмоционального напряжения	- формировать навыки работы с информацией; - развивать цифровую культуру
Социальная эксклюзия (отчужденность)	Невысокий уровень участия молодежи в общественно-политической жизни	Апатия, отчуждение от социума	- создать условия для общественной активности молодежи

Рассказ молодых людей о сложностях, с которыми они сталкиваются во время учебы, работы или в повседневной жизни, не только о себе, но и обо всем поколении. Рассказ о конкретном поиске работы, о неудачной попытке поступления в престижный вуз или востребованную специальность, о поиске профессионального самоопределения в отдельно взятой ситуации делает проблему более понятной и близкой для сверстников.

Для ученых-социологов подобные материалы особенно ценны, так как помогают увидеть ту или иную ситуацию глазами непосредственных участников и способствуют пониманию того, как молодые люди объясняют происходящие события, причем одни связывают трудности с внешними обстоятельствами и находятся в поиске их преодоления, а другие пассивно воспринимают препятствия, подчиняясь обстоятельствам и ничего не предпринимая. Такие различия видны благодаря именно нарративным интервью.

Следует особо остановиться на цифровой среде, так как социальные сети значительно расширили возможности самовыражения, ведь молодые люди постоянно публикуют свои истории (нарративы) в соцсетях, ведут блоги, записывают видеоролики и делятся своим мнением с неограниченным количеством пользователей сети. Очень важным моментом при этом является обратная связь, что позволяет обсуждать ту или иную проблему, благодаря чему её обсуждение получает распространение в виртуальном пространстве, поэтому отдельные случаи начинают восприниматься как часть более широкой социальной ситуации.

Исследователи отмечают, что нарративное интервью «помогает понять, каким

образом в рассказах молодежи формируются представления о справедливости, неравенстве и возможностях изменения существующего положения» [21, с. 108]. В этих историях выражается не только оценка настоящего, но и представления молодых людей о будущем. Вследствие этого нарратив можно воспринимать не только как форму рассказа о личном опыте, но и как объяснение окружающей действительности, выработку собственных позиций по значимым вопросам и участие в формировании общественных представлений о социальных проблемах.

Ещё одним важным моментом является то, что нарратив помогает справиться с внутренним напряжением, так как когда молодые люди проговаривают свои сложности, то начинают воспринимать эти трудности намного спокойнее и последовательнее. То, что ранее казалось набором не связанных друг с другом проблем, при нарративе складывается в последовательную и цельную историю, и это приводит к более ясному пониманию происходящего. Это очень важно особенно в те моменты, когда происходят жизненные изменения, когда приходится принимать важные решения и сталкиваться с неопределенностью. При описании личного опыта индивид по-новому может взглянуть на прошедшие события, определить значимые моменты и определить дальнейшие ориентиры, что позволяет сформировать более устойчивое представление о себе и своем месте в мире.

Следует также во время проведения социологического исследования методом нарративного интервью обращать внимание на характер самих рассказов. Например, одни могут возникнуть под влиянием эмоций и отражают непосредственную реакцию на то или иное событие [11, с. 169]. Другие нарративы могут строиться более сдержанно, содержат попытку разобраться в причинах произошедшего, оценить последствия и сделать выводы. При сопоставлении таких нарративов можно лучше понять, каким представляют молодые люди общество и какие изменения считают необходимыми.

Нами проведено 6 нарративных интервью с респондентами в возрасте от 18 до 23 лет, проживающих в Брянском регионе, что позволило выявить типичные социальные проблемы молодежи Брянского региона, что, в свою очередь, трекал нам представляется, отражает проблемы социальной сферы данной административно-территориальной области. Были также рассмотрены особенности субъективного восприятия проблем через личный опыт респондентов, их эмоциональные оценки и индивидуальные стратегии адаптации. В центре большинства нарративов находятся такие социальные проблемы, как финансовая нестабильность, социальная адаптация, профессиональная неопределенность, эмоциональное напряжение, построение жизненных стратегий и трудности самоопределения. Причем каждый нарратив отражает не только конкретную жизненную ситуацию отдельного респондента, но и социальные процессы в целом, характерные для современного этапа взросления молодых людей. Во всех интервью отражено состояние переходности, которое заключается в том, что респондент находится между статусом зависимого студента и самостоятельного взрослого индивида, что сопровождается внутренним напряжением, высоким уровнем тревожности и необходимостью постоянного выбора.

Рассмотрим нарратив респондента № 1, которого назовем Дмитрием. Его повествование строится вокруг его личного опыта взросления, когда после школьной скамьи он оказался в студенческой среде, которая по сравнению с ученическим временем более свободная, требующая большей самостоятельности от индивида. Главной темой рассказа Дмитрия является адаптация к новой реальности, где совершенно другая система требований (по сравнению со школьной). Учеба оказалась намного сложнее, ведь многое нужно не запоминать (зубрить), а понимать, анализировать, сопоставлять, обобщать. Ещё одной проблемой для Дмитрия явилась социальная адаптация в новом для него коллективе и бытовая самостоятельность в общежитии. Конкретных ведущих проблем респондент не выделил в своем нарративе, а лишь показал факторы, которые привели Дмитрия к внутреннему напряжению и ощущению перегруженности.

Анализ данного повествования показывает, что зачастую ключевой молодежной проблемой является адаптация студента к учебному процессу, когда он сравнивает себя с

более подготовленными одноклассниками и переживает из-за своей некомпетентности, причиной которой является не только высокий уровень сложности учебного материала, но и необходимость соответствовать новым стандартам в образовании. Также выявлено, что ещё одной проблемой является отсутствие бытового комфорта при проживании в общежитии (отсутствие личного пространства, постоянный шум, из-за чего снижается качество учебы и сна, накапливается усталость, появляется стремление к отдельному проживанию). Самостоятельная жизнь без соседей в отдельном помещении является не только признаком комфорта в быту, но и новым этапом взросления индивида.

Еще одним важным моментом для Дмитрия является финансовая зависимость от родителей, что воспринимается респондентом как временная проблема. Желание найти подработку является стремлением респондента найти выход из данной ситуации, что рассматривается Дмитрием в качестве пути к самостоятельной жизни.

В интервью респондента отдельно прослеживается тема социальной адаптации. Смена привычного круга общения после переезда и завязывания новых дружеских отношений является для Дмитрия временной трудностью. Он описывает происходящее как естественный процесс взросления и контроля над собственной жизнью.

Анализ нарратива респондента №2 выявил, что в интервью Юлия раскрыла свои внутренние переживания, возникшие на начальном этапе обучения. Это социальная изоляция, эмоциональная нестабильность, внутренняя неуверенность. В отличие от многих респондентов, для нее оказались не главными проблемы в учебе и финансах. На первом плане одиночество в социальной среде. Поступление в университет Юлия воспринимала как пространство новых возможностей, а столкнулась с поверхностным общением в большом коллективе, отчуждением. Респондентка чувствовала себя лишней среди одноклассников. Это постепенно привело ее к снижению самооценки и замкнутости. Социальная изоляция повлияла не только на повседневное общение, но и на психологическое состояние.

Учебная нагрузка в рассказе Юлии также отразилась на ее эмоциональном состоянии. Университетская система образования отличается от школьной. Она дает студентам в учебе более высокую самостоятельность без достаточной поддержки. За свои ошибки каждый несет личную ответственность. Отсюда страх не справиться, не успеть, отстать, не сдать сессию. Все это усиливает тревожность и внутреннюю неуверенность в себе.

Финансовая зависимость от родителей также вызывает переживания. Просьба о деньгах вызывает чувство неловкости, ощущение несамостоятельности. Это напрямую влияет на самооценку. Хочется стать независимой, взрослой, но для этого нет ресурсов.

Дополнительно в интервью Юлии прослеживается проблема профессионального самоопределения. Есть сомнения в правильности выбора профессии, понимания ограниченности рынка труда в родном городе, отсутствие четкого представления о будущем. В рассказе респондентки ее путь к самостоятельности воспринимается как что-то неопределенное, так как внутренних и внешних опор для этого пока недостаточно.

Анализ нарратива респондента №3. Рассказ Анастасии строится вокруг ее уверенности в правильности выбранной профессии и тревоги за свое будущее, связанное с ее творческой реализацией. В отличие от многих респондентов, у нее отсутствует кризис выбора специальности. Профессиональный путь был выбран осознанно и соответствует личным интересам. И что немаловажно, ей нравится то, чем она занимается. Тревога за свое будущее возникает из-за сомнений в способности творческой профессии обеспечить ее финансовую стабильность.

Центральной социальной проблемой является противоречие между возможностью самореализации в творческой сфере и финансовой стабильностью. Анастасия уверена в правильности своего профессионального выбора, но ее тревожат сложившиеся стереотипы о не серьезности творческих специальностей. Многие люди считают, что с такой профессией невозможно построить надежный финансово стабильный фундамент для будущей взрослой жизни. Эта проблема тревожит девушку, создавая внутренний конфликт между своей убежденностью в правильности выбора и сложившимися стереотипами в обществе.

Финансовая зависимость от родителей в данный момент воспринимается студенткой как естественный процесс, но будущее вызывает тревогу. Анастасия осознает, что ожидания и реальность в ее финансовой независимости могут не совпадать. Творческая профессия возможно не принесет желаемый высокий доход. Поэтому придется искать дополнительные финансовые источники. Отсюда у респондента появляется желание заняться саморазвитием, чтобы расширить свои профессиональные возможности.

Еще одной проблемой для респондентки является страх профессионального выгорания. Для Анастасии творчество не только работа и источник заработка, а возможность для самовыражения. Любимое дело должно приносить радость и удовольствие. Эта проблема сохранения своего первоначального трепетного отношения к выбранной профессии и способностью не растерять это в течении жизни, не изменить своим принципам.

Также у девушки присутствует страх перед взрослой жизнью, так как придется проявлять больше ответственности и самостоятельности. Однако в отличии от других респондентов эта проблема не главная. Страх и тревогу вытесняет осознанность в правильном выборе своего жизненного пути. У Анастасии есть внутренний стержень, профессиональная опора, что делает ее уверенной в своем будущем.

Анализ нарратива респондента №4. Рассказ Никиты строится вокруг его резкого перехода к самостоятельной жизни, к финансовой независимости после переезда от родителей. Начав совместную жизнь со своей девушкой, молодой человек не так представлял себе взрослую жизнь. Реальность оказалась другой, более сложной. Никита столкнулся с финансовыми обязательствами, не хваткой свободного времени и эмоциональным истощением. Самостоятельность это не только свобода, но и большая ответственность и постоянное напряжение.

Основной проблемой является финансовая нестабильность. После переезда от родителей респондент впервые сталкивается с необходимостью самостоятельно оплачивать жилье, питание, транспорт, бытовые расходы. Нехватка денег становится причиной постоянной тревоги за свое будущее. Появляется страх потери работы. В рассказе Никиты особенно заметно, как финансовая нестабильность влияет не только на быт, но и на эмоциональное состояние. Формируется хроническое внутреннее напряжение.

На фоне одной проблемы возникает другая. Респонденту сложно совмещать работу и учебу. Ему постоянно необходимо выбирать, чем жертвовать. Можно сходить на пары, но не будет возможности заработать. Или пожертвовать подготовкой к сессии и выйти на смену. Из-за того, что Никите не удастся самореализоваться в работе и учебе, у него растет чувство неудовлетворенности собой.

На фоне эмоционального напряжения растет раздражительность, усталость, возникают бытовые конфликты. На общение со своей девушкой молодому человеку не хватает времени. И уже взрослая жизнь не кажется ему свободой – это постоянная тревога, напряжение и большая ответственность.

Но не смотря на все трудности самостоятельной жизни, респондент стремится к долгосрочным планам на будущее. Это мечты о стабильном доходе, семье, собственном жилье. Именно эти обстоятельства заставляют Никиту пройти все сложности взрослой жизни ради своего стабильного будущего.

Анализ нарратива респондента №5. Повествование Егора строится вокруг стремления к стабильности после периода поиска своего собственного месте на рынке труда. Студенчество уже позади. Реальность изменилась. Егор взрослый самостоятельный молодой человек, который уже решил вопрос трудоустройства. Но необходимо сохранить финансовую стабильность и строить дальше свое будущее. Это является основной темой его интервью.

После длительного периода поиска работы, респонденту удалось найти свое место на рынке труда. Желание совпало с реальностью. Егор нашел то, что искал. Это придало ему уверенности в себе, в своем будущем. Появилась внутренняя стабильность и опора. Но вместе с этим возникла и тревога. Ведь необходимо не только зарабатывать, но и сохранить

достигнутый уровень жизни, постоянно поднимая его. Финансовая стабильность воспринимается Егором как хрупкая конструкция. Она в любой момент может разрушиться внешними факторами. Это потеря работы, здоровья, экономический кризис.

В рассказе респондента тема собственного жилья занимает особое место. Живя со своей девушкой на съемной квартире, Егор ощущает себя самостоятельным человеком. Но понимает, что чужое жилье это все временно и нестабильно. Покупка квартиры добавит уверенности в своем будущем. Но ипотека, которая даст возможность решить вопрос жилья, является для Егора источником тревоги за его будущее. Поэтому желание создать семью напрямую связано с финансовой проблемой.

Не последнее место в интервью молодого человека занимает вопрос социальной гонки. Чтобы достичь благополучия и стать успешным, Егору необходимо соответствовать общепринятым стандартам общества, в котором он живет. Существуют возрастные этапы, в рамках которых необходимо достичь высот в карьере, обзавестись своим собственным жильем, создать полноценную семью. Эти обстоятельства давят на Егора, заставляя его предъявлять себе все новые и новые требования, ставить цели, выполнять поставленные перед ним задачи.

В интервью респондент также поднимает проблему баланса между работой и личной жизнью. Работа дает финансовую стабильность, но сокращает свободное время для отдыха и личных отношений. Происходит эмоциональное истощение, выгорание, стресс. Занятие спортом помогает Егору восстановиться и вернуть контроль над собственной жизнью.

Интервью молодого человека обнажает проблему тревоги за свою финансовую стабильность. Тревожность никуда не исчезла. Просто перешла из одного периода его жизни, когда он искал свое место на рынке труда, в другой период, где необходимо постоянно защищать и поддерживать свою финансовую стабильность на должном уровне.

Анализ нарратива респондента №6. Интервью Софии строится вокруг профессионального разочарования и переживания нестабильности после окончания университета. Центральным темой становится несоответствие ожиданий от высшего образования и реальностью рынка труда. Диплом не всегда гарантирует устройство по специальности и финансовую стабильность. Ее рассказ во многом отражает кризис вступления во взрослую жизнь. Когда статус взрослого человека это просто формальность. В реальности наблюдается отсутствие полной самостоятельности.

Одной из ключевых социальных проблем в рассказе Софии является профессиональная нестабильность. Поиск работы после окончания университета оказывается длительным и эмоционально изматывающим процессом. Реальность более суровая, чем казалось. Ожидание достойной работы сменяется завышенными требованиями работодателей, низкой зарплатой. Студенческий опыт не берется во внимание. Даже получив работу, девушка сталкивается с проблемой невозможности самореализации в профессии. Вместо этого она получает не интересную, рутинную работу и большую нагрузку. У респондентки постепенно растет недовольство местом работы и дальнейшее разочарование.

Финансовая уязвимость усиливает ощущение зависимости и ограниченности выбора. Сменить быстро неподходящую работу нет возможности, так как девушке необходимо самостоятельно оплачивать съемное жилье и свои расходы. Трудовая занятость оборачивается для Софии вопросом выживания, а не самореализацией. Даже увольнение с нелюбимой работы для девушки является не освобождением от проблемы, а переход к новым. Это страх безработицы и боязнь попасть вновь в токсичную рабочую среду.

Отдельно выражена проблема эмоционального выгорания. Работа постепенно приводит к хронической усталости, нарушению сна, раздражительности. Отсутствие времени на отдых, спорт, общение и собственные интересы усиливает чувство потери над собственной жизнью. Здесь трудовая нестабильность напрямую переходит в психологическую перегрузку и снижение общего качества жизни.

Сильное влияние на нее оказывает и социальная среда. Давление со стороны родителей, ожидания окружающих и демонстрация успешности сверстников в социальных

сетях формирует ощущение несоответствия собственным ожиданиям. Появляется убеждение, что к 22-23 годам уже должна быть стабильная работа, финансовая независимость и твое будущее должно быть более менее определенным, а в реальности всего этого еще нет.

В нарративе Софии жизнь воспринимается как постоянная адаптация к меняющимся обстоятельствам, когда отсутствует ощущение стабильности не только в работе, но и в личной жизни.

Обобщая полученные результаты, можно отметить, что хотя респонденты различаются возрастом, социальными статусами, обстоятельствами жизни, но их нарративы похожи темами и сюжетами, что свидетельствует о типичности социальных проблем, стоящих перед молодежью на современном этапе развития социума. В интервью прослеживаются как индивидуальные переживания трудностей, так и обобщенные смысловые структуры, которые формируются под воздействием современных социально-экономических условий (нестабильность рынка труда, рост стоимости жизни) и трансформации жизненных ожиданий.

Рассмотрим в обобщенном виде те социальные проблемы, которые были выявлены в ходе социологического исследования методом нарративного интервью. Стоит сразу сказать о проблеме профессиональной неопределенности, которая чаще всего появлялась у студентов старших курсов, так как вопрос о работе, карьере, собственных возможностях и уровне компетентности встает ребром именно у выпускников, когда они заканчивают вуз. Некоторые респонденты признавались, что разочаровались в выбранной специальности, хотя получают уже диплом, другие беспокоились, что по получаемой им профессии мало вакансий в Брянском регионе, третьи, хоть были удовлетворены полученной специальностью, но всё же беспокоились о будущем заработке и не были уверены в стабильности. Окончание вуза воспринималось не как решение той или иной проблемы, а как начало нового жизненного этапа, полного неопределенности и новых вызовов.

Второй по значимости оказалась проблема финансовой нестабильности, которая тревожит и студентов младших курсов, вынужденных пользоваться материальной поддержкой родителей, и студентов постарше, пытающихся совмещать учебу и работу, чтобы покрыть хотя бы часть своих расходов. Однако и поле окончания вуза финансовая проблема не исчезает, так как увеличиваются траты, например, нужно оплачивать съёмное жилье, обеспечивать себя и планировать дальнейшее материальное благосостояние, всё это вызывает беспокойство и свидетельствует о существовании данной проблемы в молодежной среде независимо от того, учится человек или работает.

Из нарративных интервью вычленилась и такая проблема молодежи, как социальная адаптация, что характерно для студентов первого курса. После поступления в вуз человек оказывается в совершенно незнакомой ему среде (это характерно в большей мере для тех, кто приехал учиться из другого населенного пункта), сравнение со сверстниками часто вселяет чувство неуверенности в уровне своих знаний и способностей, период адаптации к новым условиям бывает значительным, всё это вызывает негативные эмоции и является проблемой для молодого человека порой на долгое время.

Такая проблема, как эмоциональная перегруженность, вызвана многими причинами, но о ней заявили все респонденты. Одни тревожатся из-за учебы, другие переживают из-за работы, третьи беспокоятся из-за неопределенности своего будущего. Беспокойство вызывает боязнь совершить ошибку, сомнение в том, достаточно ли человек самостоятелен для своего возраста и социальной роли. Вследствие этого тревога становится постоянной спутницей молодых людей не только в кризисные периоды, но и тогда, когда причин для беспокойства нет.

Очень острой для молодежи является проблема достижения жилищной самостоятельности, ведь собственное жилье становится показателем стабильности, самостоятельности молодого человека. Респонденты, проживающие в студенческом общежитии, жаловались на отсутствие личного пространства и временный характер условий

проживания, арендующие жилье респонденты жаловались на высокую аренду, и все они говорили о покупке собственного жилья как о далекой перспективе, в связи с тем нет ощущения материальной независимости. Это отражает ситуацию с жильем в Брянском регионе, ведь вводится в эксплуатацию много новостроек, но цены очень высокие, а льготная ипотека распространяется на небольшое количество молодежи, так как много привходящих условий для её оформления.

Проблема давления социальных ожиданий также тревожит молодежь, ведь окружающие постоянно твердят молодым людям, каким должен быть успешный человек. Характеристика успеха связывается с хорошей престижной работой, стабильным высоким доходом, собственным жильем, наличием семьи. Когда этих целей молодой человек не достигает к определенному возрасту, то появляется переживания и недовольство собой, ведь у других, которые являются сверстниками, всё получилось. Усугубляют переживания социальные сети, в которых демонстрируется успех ровесников.

Помимо выявленных проблем, следует отметить, что способы адаптации у респондентов разные, например, кто-то стремится больше трудиться и получать практический опыт, а кто-то делает ставку на дополнительное обучение и приобретение новых навыков, кому-то оказывают помощь родители, а кто-то опирается на спортивные достижения, помощь друзей. Таким образом, молодые люди стремятся решать стоящие перед ними проблемы, причем следует сказать, что в основном приходится бороться не с отдельно взятой проблемой, а с их комплексом.

Например, в одно и то же время нужно получать образование, искать работу, решать финансовые проблемы, строить отношения с окружающими, задумываться о перспективах, причем всё это приходится делать в условиях социальной неопределенности и политической нестабильности.

Благодаря социологическому исследованию также выявлено, что даже похожие проблемы молодыми людьми воспринимаются по-разному. Ситуация может быть одна и та же, но у человека свой индивидуальный опыт, свои ценности и взгляды на окружающее. Для одних непростая ситуация становится источником тревог и переживаний, а для других стимулом роста и источником нового жизненного опыта, именно потому анализ личных историй помогает лучше понять молодых людей и их проблемы. Данный подход способствует тому, что исследователь видит не только сами трудности, но и то, какое значение имеют эти трудности для молодежи, которая через личные оценки и объяснения формирует представления о себе, своих возможностях и будущем месте в социуме.

В ходе исследования, как мы полагаем, была достигнута поставленная цель, заключающаяся в изучении содержания и структуры личных нарративов молодежи о социальных проблемах, а также выявлении доминирующих мотивов, ценностей и стратегий их преодоления

Рассмотрев результаты социологического исследования методом нарративного интервью, предлагаем ряд рекомендаций, которые направлены на снижение негативного влияния социальных проблем на молодежную аудиторию: во-первых, необходимо постоянно организовывать встречи студентов с выпускниками, которые реализовали себя в профессиональной деятельности, а также с работодателями; во-вторых, нужно расширить программы стажировок, практик и временной занятости для молодежи с возможностью дальнейшего трудоустройства; в-третьих, надо создавать университетские центры карьерного сопровождения, где студенты смогут получать помощь в составлении резюме, подготовке к собеседованиям и поиске первых вакансий; в-четвертых, необходимо увеличивать размеры академических и социальных стипендий, а также расширить меры материальной поддержки студентов и молодых специалистов; в-пятых, надо развивать бесплатные психологические службы и консультационные центры в образовательных учреждениях; в-шестых, нужно проводить тренинги по стрессоустойчивости, эмоциональной саморегуляции и преодолению тревожности; в-седьмых, важно создавать молодежные пространства и клубы по интересам, способствующие развитию социальных связей и

снижению чувства одиночества; в-восьмых, необходимо расширить доступность спортивных секций, творческих кружков и иных форм досуговой активности для молодежи; в-девятых, надо развивать программы льготной аренды жилья для студентов и молодых специалистов; в-десятых, нужно расширять программы молодежной ипотеки с пониженной процентной ставкой.

Проведенное исследование подтвердило, что нарративный анализ является эффективным инструментом изучения социальных проблем молодежи, поскольку позволяет выявить не только внешние проявления трудностей, но и внутренние механизмы их переживания и осмысления. Использование данного подхода позволило более глубоко раскрыть субъективное восприятие молодежью современной социальной реальности и показать, каким образом личный опыт, эмоциональные оценки и жизненные обстоятельства влияют на формирование представлений молодых людей о собственном будущем и своем месте в обществе.

Список использованных источников

1. Алексеева, Т. Ю. Применение нарративных методов исследования уклада педагогического университета / Т. Ю. Алексеева // Известия Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена. – 2024. – № 214. С. 34-43.
2. Балчюниене, И. Формирование нарратива: от порождения устного дискурса к пониманию письменного текста / И. Балчюниене, А. Н. Корнев // Ученые записки Казанского университета. Серия: Гуманитарные науки. – 2025. – Т. 167. – № 4. – С. 87-105. – DOI: 10.26907/2541-7738.2025.4.87-105.
3. Велиева, С. В. Нарративный подход как инструмент формирования профессиональной мотивации молодых педагогов: теоретико-эмпирический анализ / С. В. Велиева, С. А. Соловьева, П. И. Антонов // Russian Journal of Education and Psychology. – 2025. – Т. 16. – № 4. – С. 535-553. – DOI: 10.12731/2658-4034-2025-16-4-828.
4. Демидова, Т. Е. Социальные проблемы современной российской молодежи: причины и пути решения / Т. Е. Демидова // Социология. – 2019. – №5 – С. 21-28.
5. Дроботенко, Ю. Б. Возможности нарративного подхода в исследовании педагогических явлений / Ю. Б. Дроботенко // Вестник Оренбургского государственного университета. – 2021. – №. 4 (232). – С. 18-24.
6. Журавлев, В. Ф. Нарративное интервью в биографических исследованиях / В. Ф. Журавлев // Социология: методология, методы, математическое моделирование (Социология:4М). 1994. – № 3-4. – С. 34-43. [Электронный ресурс] // Режим доступа: <https://www.jour.fnisc.ru/upload/journals/6/articles/3852/submission/original/3852-7121-1-SM.pdf> (дата обращения: 19.06.2026)
7. Змиев, И. Д. Нарративная аналогия как метод нарративного анализа на примере книги пророка Исаии / И. Д. Змиев, С. А. Парахин // Труды Коломенской духовной семинарии. – 2025. – № 2 (29). – С. 56–71.
8. Ильичева, Л. Е. Экономические и социальные проблемы в представлениях российской молодежи / Л. Е. Ильичева, М. С. Рулев // Социально-политические науки. – 2021. – Т. 11. – №. 6. – С. 36-42.
9. Киритив, А. М. Социальные проблемы молодежи и роль молодежных организаций в их решении / А. М. Киритив, Т. Ю. Кирилина // Социально-гуманитарные знания. – 2025. – № 8. – С. 28-35.
10. Киричек, П. Н. Дискурс масс-медиа в периметре социального управления / П. Н. Киричек // Современный дискурс-анализ. – 2018. – № 3-2(20). – С. 218-225.
11. Киричек, П. Н. Коллизии «визуальности – духовности» в межкультурной коммуникации / П. Н. Киричек // Знание. Понимание. Умение. – 2016. – № 1. – С. 167-177. – DOI 10.17805/zpu.2016.1.13.
12. Киричек, П. Н. Под знаком фигуры умолчания Информационный фактор административной реформы / П. Н. Киричек // Социология власти. – 2009. – № 4. – С. 16-27.

13. Киричек, П. Н. Социокультурный модус рекламной коммуникации / П. Н. Киричек // Реклама и связи с общественностью: традиции и инновации. Том Часть 1. – Ростов-на-Дону: Ростовский государственный университет путей сообщения, 2015. – С. 53-62.
14. Киселев, А. Г. Периметр государственного управления: проблема основного звена / А. Г. Киселев, П. Н. Киричек // Власть. – 2015. – № 12. – С. 5-11.
15. Киселев, А. Г. Реальные и номинальные коллизии в арсенале государственного управления / А. Г. Киселев, П. Н. Киричек // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Социология. – 2016. – Т. 16, № 3. – С. 510-518.
16. Кравченко, А. И. Методология и методы социологических исследований / А. И. Кравченко. – Москва: Издательство Юрайт, 2025. – 659 с. – (Высшее образование). – ISBN 978-5-534-18257-6.
17. Крамчанинова, Н. В. Молодёжь в условиях социальных изменений / Н. В. Крамчанинова // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. – 2021. – № 3. – С. 65-68
18. Социология молодежи: учебник для вузов / под редакцией Р. В. Ленкова. 2-е изд., перераб. и доп. – Москва: Издательство Юрайт, 2025. – 329 с. – (Высшее образование).
19. Орлова, Э. А. Практикум «Социокультурные проблемы молодежи» / Э. А. Орлова, А. В. Каменец, И. А. Урмина. 2-е изд., испр. и доп. – Москва: Издательство Юрайт, 2026.
20. Рождественская, Е. Ю. ИНТЕР-энциклопедия: нарративное интервью / Е. Ю. Рождественская // Интеракция. Интервью. Интерпретация [Электронный ресурс] // Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/inter-entsiklopediya-narrativnoe-intervyu/viewer> (дата обращения: 08.06.2026)
21. Шилина, С. А., Лапонинова, Е. А., Емельянов, В. А., Шилин, А. М. Изучение социальных проблем молодежи методом нарративного интервью / С. А. Шилина, Е. А. Лапонинова, В. А. Емельянов, А. М. Шилин // Экономика. Социология. Право. – 2025. – № 2 (38). – С. 106-121.
22. Шилина, С. А. Социологический аспект молодежных студенческих проблем / С. А. Шилина, Е. А. Сапегина, О. О. Чивильдеева, А. М. Шилин // Экономика. Социология. Право. – 2024. – № 2 (34). – С. 42-54.
23. Ярская-Смирнова, Е. Р. Нарративный анализ в социологии // Нарративный анализ в социологии / Е. Р. Ярская-Смирнова // Социологический журнал. – 1997. – № 3. – С. 38-61.

Сведения об авторах

Мельников Сергей Леонидович – кандидат педагогических наук, профессор, проректор по комплексной безопасности, эксплуатации и развитию имущественного комплекса Брянского государственного университета имени академика И.Г. Петровского. E-mail: lprbgu@mail.ru. Телефон: +7 (4832)58-05-50, доб. 1124

Лапонинова Елизавета Алексеевна – студент направления подготовки «Социология» факультета педагогики и психологии Брянского государственного университета имени академика И.Г. Петровского. E-mail: laponikovaliza956@gmail.com.

Назарян Армен Каренович – аспирант научной специальности 5.4.7. «Социология управления» факультета педагогики и психологии Брянского государственного университета имени академика И.Г. Петровского. E-mail: armen.nazaryan2506@mail.ru.

Чавгун Дмитрий Леонидович – аспирант научной специальности 5.4.7. «Социология управления» факультета педагогики и психологии Брянского государственного университета имени академика И.Г. Петровского. E-mail: dimachavgun001@gmail.com.

UDC 316.422

THE SOCIAL SPHERE OF THE BRYAN REGION: STUDYING YOUTH PROBLEMS THROUGH NARRATIVE INTERVIEWS

Melnikov S.L., Laponikova E.A., Nazaryan A.K., Chavgun D.L.

Bryansk State Academician I.G. Petrovski University, Bryansk

In this article, the authors explore the current challenges faced by young people as they grow up. The article presents the results of narrative interviews with six respondents who are residents of the Bryansk region and reflect the socio-demographic parameters that can be used to generalize the findings to the entire population of young people in the region. The authors argue that this method allows for a more in-depth exploration of social issues and helps to uncover layers of social reality that may not be accessible through quantitative research. The article provides recommendations for reducing the negative impact of social problems on young people in the Bryansk region.

Keywords: social sphere, social problems, youth, Bryansk region, narrative interview, subjective perception of reality

References

1. Alekseeva, T. Yu. Application of narrative methods of research of the pedagogical university way of life / T. Yu. Alekseeva // *Izvestiya of the Russian state pedagogical university*. A. I. Gertsen. – 2024. – No. 214. – Pp. 34-43.
2. Balchuniene, I. Formation of a narrative: from the generation of oral discourse to the understanding of written text / I. Balchuniene, A. N. Kornev // *Scientific notes of Kazan University. Series: Humanities*. – 2025. – Vol. 167. – No. 4. – Pp. 87-105. – DOI: 10.26907/2541-7738.2025.4.87-105.
3. Veliyeva, S. V. Narrative approach as a tool for the formation of professional motivation of young teachers: theoretical and empirical analysis / S. V. Veliyeva, S. A. Solovyova, P. I. Antonov // *Russian Journal of Education and Psychology*. – 2025. – Vol. 16. No. 4. – Pp. 535-553. – DOI: 10.12731/2658-4034-2025-16-4-828.
4. Demidova, T. E. Social Problems of Modern Russian Youth: Causes and Solutions / T. E. Demidova // *Sociology*. – 2019. – No. 5. – Pp. 21-28.
5. Drobochenko, Yu. B. The Possibilities of a Narrative Approach in the Study of Pedagogical Phenomena / Yu. B. Drobochenko // *Bulletin of the Orenburg State University*. – 2021. – No. 4 (232). – Pp. 18-24.
6. Zhuravlev, V. F. Narrative interview in biographical studies / V. F. Zhuravlev // *Sociology: methodology, methods, mathematical modeling (Sociology:4M)*. – 1994. – No. 3-4. – Pp. 34-43. [Electronic resource] // Access mode: [https://www.jour.fnisc.ru/upload/journals/6/articles/3852/submission/original/38 52-7121-1-SM.pdf](https://www.jour.fnisc.ru/upload/journals/6/articles/3852/submission/original/38%2052-7121-1-SM.pdf) (accessed on 19.06.2026)
7. Zmiev, I. D. Narrative Analogy as a Method of Narrative Analysis on the Example of the Book of the Prophet Isaiah / I. D. Zmiev, S. A. Parakhin // *Proceedings of the Kolomna Theological Seminary*. – 2025. – No. 2 (29). – Pp. 56–71.
8. Ilicheva, L. E. Economic and Social Problems in the Views of Russian Youth / L. E. Ilicheva, M. S. Rulev // *Social and Political Sciences*. – 2021. – V. 11. No. 6. – Pp. 36-42.
9. Kiritiv, A. M. Social problems of youth and the role of youth organizations in their solution / A. M. Kiritiv, T. Yu. Kirilina // *Social and humanitarian knowledge*. – 2025. – No. 8. – Pp. 28-35.
10. Kirichek, P. N. Mass Media Discourse in the Perimeter of Social Management / P. N. Kirichek // *Modern Discourse Analysis*. – 2018. – No. 3-2(20). – Pp. 218-225.
3. Kirichek, P. N. Collisions of «Visuality – Spirituality» in Intercultural Communication / P. N. Kirichek // *Knowledge. Understanding. Ability*. – 2016. – No. 1. – Pp. 167-177. – DOI 10.17805/zpu.2016.1.13.
4. Kirichek, P. N. Under the Sign of the Figure of Silence: The Informational Factor of Administrative Reform / P. N. Kirichek // *Sociology of Power*. – 2009. – No. 4. – Pp. 16-27.
5. Kirichek, P. N. Sociocultural Mode of Advertising Communication / P. N. Kirichek // *Advertising and Public Relations: Traditions and Innovations. Volume Part 1*. – Rostov-on-Don: Rostov State Transport University, 2015. – Pp. 53-62.
6. Kiselev, A. G. The Perimeter of Public Administration: The Problem of the Main Link / A. G. Kiselev, P. N. Kirichek // *Vlast*. – 2015. – No. 12. – Pp. 5-11.
7. Kiselev, A. G. Real and nominal collisions in the arsenal of public administration / A. G.

Kiselev, P. N. Kirichek // Bulletin of the Peoples' Friendship University of Russia. Series: Sociology. – 2016. – Vol. 16, No. 3. – Pp. 510-518.

16. Kravchenko, A. I. Methodology and methods of sociological research / A. I. Kravchenko. – Moscow: Yurayt Publishing House, 2025. – 659 p. – (Higher Education). – ISBN 978-5-534-18257-6.

17. Kramchaninova, N. V. Youth in the Context of Social Changes / N. V. Kramchaninova // Humanities, Social Sciences, and Economics. – 2021. – No. 3. – Pp. 65-68.

18. Sociology of youth: a textbook for universities / edited by R. V. Lenkov. 2nd ed., revised and add. – Moscow : Yurait Publishing House, 2025. – 329 p. – (Higher education).

19. Orlova, E. A. Praktikum «Sociocultural Problems of Youth» / E. A. Orlova, A. V. Kamenets, I. A. Urmina. 2nd ed., revised and expanded. – Moscow: Yurayt Publishing House, 2026.

20. Rozhdestvenskaya, E. Yu. INTER-encyclopedia: Narrative Interview / E. Yu. Rozhdestvenskaya // Interaction. Interview. Interpretation [Electronic resource] // Access mode: <https://cyberleninka.ru/article/n/inter-entsiklopediya-narrativnoe-intervyu/viewer> (accessed: 08.06.2026)

21. Shilina, S. A. Studying the Social Problems of Youth Using the Narration Interview Method / S. A. Shilina, E. A. Laponikova, V. A. Emelyanov, A. M. Shilin // Economy. Sociology. Right. – 2025. – No. 2 (38). – Pp. 106-121.

22. Shilina, S. A. The Sociological Aspect of Youth Student Problems / S. A. Shilina, E. A. Sapegina, O. O. Chivildeyeva, A. M. Shilin // Economy. Sociology. Right. – 2024. – No. 2 (34). – Pp. 42-54.

23. Yarskaya-Smirnova, E. R. Narrativny analysis in sociology / E. R. Yarskaya-Smirnova // Narrativny analysis in sociology // Sociological journal. – 1997. – No. 3. – Pp. 38-61.

Author`s information

Melnikov Sergey Leonidovich – Candidate of Pedagogical Sciences, Professor, Vice-rector for Integrated Safety, Operation and Development of the Property Complex of Bryansk State University named after Academician I.G. Petrovsky. E-mail:1prbgu@mail.ru. Phone: +7 (4832)58-05-50, ext. 1124

Laponikova Elizaveta Alekseevna - a student of the Sociology department of the Faculty of Pedagogy and Psychology of the Bryansk State University named after Academician I.G. Petrovsky. E-mail: laponikovaliza956@gmail.com.

Nazaryan Armen Karenovich - postgraduate student of scientific specialty 5.4.7. «Sociology of Management» of the Faculty of Pedagogy and Psychology of the Bryansk State University named after Academician I.G. Petrovsky. E-mail: armen.nazaryan2506@mail.ru.

Chavgun Dmitry Leonidovich - postgraduate student of scientific specialty 5.4.7. «Sociology of Management» of the Faculty of Pedagogy and Psychology of the Bryansk State University named after Academician I.G. Petrovsky. E-mail: dimachavgun001@gmail.com.

ИСКУССТВЕННЫЙ ИНТЕЛЛЕКТ КАК ФАКТОР ТРАНСФОРМАЦИИ АНТРОПОЦЕНТРИЗМА: ЧЕРЕЗ ЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ К ПЕРСПЕКТИВАМ ПОСТГУМАНИЗМА

Середнев В.А.

Арзамасский филиал Национального исследовательского Нижегородского государственного университета им.
Н.И. Лобачевского, г. Арзамас

Данная работа посвящена анализу завуалированных постгуманистических концепций, которые через дискурс научных текстов, в результате проверки системами искусственного интеллекта (далее – ИИ) – детекции, – пытаются ставить под вопрос не только интеллектуальные способности человека, но и традиционные антропоцентрические установки и фундаментальные принципы классического гуманизма. Под предлогом интеллектуального превосходства искусственного интеллекта над человеком происходит эрозия антропоцентрической парадигмы и классических гуманистических ценностей. Автор показывает, что подчеркивание когнитивной ограниченности человека выступает механизмом постепенной утраты личности своей субъектности, что, в свою очередь, создает предпосылки для передачи правосубъектности автоматизированным системам.

Ключевые слова: антропоцентризм, галлюцинации, генерация, искусственный интеллект, исследования, научные публикации, постгуманизм, человек, трансформация.

DOI 10.22281/2542-1697-2026-05-03-61-68

Творческие муки и интеллектуальные
усилия – это то, что делает нас людьми
и ведет к подлинным открытиям
(Е.И.Метелькова)

Для обеспечения доказательности суждения целесообразно прибегать к методу наглядной демонстрации на конкретных объектах. Цель настоящего исследования – выявить то состояние в обществе, при котором антропоцентрическая парадигма начинает утрачивать свою продуктивную ценность по отношению к человеку, вызывая тем самым не только этические и коммуникативные проблемы, но и дефицит познания и взаимодействия человека с миром. Сегодня происходит утрата значимости антропоцентрического подхода, суть которого, в том, что «точкой отсчета в отношении к природе как в целом, так и в частностях являются потребности и интересы человека. Единственно человек как существо, наделенное разумом и моралью, признается внутренней ценностью, или самооценностью» [2, с.7]. Целесообразно начать исследование темы со сферы рецензирования научных публикаций, где в последнее время, вместе с проверкой текстов статей на заимствование чужих текстов (с помощью системы «Антиплагиат»), встал вопрос о проверке публикаций на возможное их создание авторами при помощи генеративных нейросетей. Искусственный интеллект (далее – ИИ) – это «быстро развивающаяся область технологий, которая применяется во многих сферах нашей жизни: от медицины до транспорта. Одной из главных особенностей ИИ является его способность обрабатывать и анализировать большие объемы данных в режиме реального времени» [19, с.60]. Развитие ИИ признано приоритетной государственной задачей, что закреплено в Национальной стратегии РФ на период до 2030 года (Указ Президента № 490 от 10.10.2019) [16]. Тем не менее представляется необходимым сместить фокус внимания на вопросы безопасности человека.

В контексте вышесказанного хотелось бы затронуть вопрос критического осмысления практики отбора рецензентов в изданиях, индексируемых в РИНЦ. Имеются факты, когда статьи ученых оценивают эксперты без ученой степени и с крайне низким

индексом цитируемости (индекс Хирша = 1) [13]. Допустимо ли, чтобы начинающие специалисты выносили вердикты по работам исследователей независимо от их академического статуса? Такая практика подрывает доверие к качеству и объективности рецензирования. Научные публикации являются основным механизмом прогресса в науке, обеспечивающим передачу знаний и развитие интеллектуального потенциала всех исследователей. Они служат ключевым направлением диалога в академической среде, позволяя исследователям, людям науки, верифицировать свои достижения; статья – «основная форма научных коммуникаций» [14, с. 59-62].

В настоящее время, кроме человеческого фактора, представленного рецензентами, проверку текстов научных работ осуществляют с помощью систем детекции ИИ (автоматическая система, используемая с целью анализа и идентификации контента научного исследования, которое проводилось, возможно, с применением технологий искусственного интеллекта). Дело в том, что алгоритмы детекции не могут анализировать смысловой контекст научной работы, они лишь устанавливают статистические закономерности, поэтому могут ошибаться [10, с. 233-238]. В литературе отмечается: «Ошибки могут возникать как из-за недостатка или качества обучающих данных, так и вследствие неправильной интерпретации результата. Нейросеть для распознавания лиц может ошибиться, если фото плохое или она «не доучилась», ChatGPT иногда выдает «фейки», причем делает это крайне убедительно» [12, с.33].

Следует особо подчеркнуть, что автоматическая система обычно квалифицирует тексты как сгенерированные ИИ, если они написаны грамотным академическим языком, где имеется логическое построение текста и выверенность научной лексики. Мы видим причину алгоритмической «предвзятости» в том, что обучение нейросетивых систем производится на больших массивах гетерогенных данных. В результате модели начинают распознавать структуру предложений в тексте, закономерности языка, стилистические особенности, которые и становятся «цифровым следом» искусственного интеллекта, с помощью которого происходит квалификация контекста текста как сгенерированного. Происходит парадокс: соблюдение авторами высокого академического стандарта при написании научных статей может привести не только к ложным обвинениям в использовании ИИ, но и в дальнейшем создать угрозу академической мотивации, которая приведет к снижению исследовательской активности и отказу ученых от процесса написания научных работ. В конечном счете это может привести к вынужденному упрощению академического языка («деградации» научного стиля) с одной целью – избежать положительных результатов детекторов ИИ, что не только нанесет ущерб качеству научного исследования, но и всей науке.

Согласно результатам исследования Стэнфордского университета, существующие сегодня механизмы алгоритмов для обнаружения ИИ-контента показывают систематическую предвзятость. В ходе проверки нескольких сервисов исследовали работы студентов, написанные для экзамена. Установили, что около 61% работ были ошибочно классифицированы как сгенерированные нейросетями. Примечательно, что данная проверка проводилась именно среди студентов, которые пишут исследования не на английском языке. Это свидетельствует не только о серьезных проблемах в разработках применительно к алгоритмам ИИ-тестов [25], но и о том, что детекторы ИИ пока не могут дать точного ответа, кто именно автор текста. Сегодня «обнаруженная предвзятость заложенных в ИИ алгоритмов, во многом зависящая от тех баз, на которых происходило обучение конкретной нейросети, и проблемы справедливости оценок результатов широко обсуждаются в профильной литературе, и все в большей степени учитываются разработчиками конкретных систем и их пользователями» [20, с. 23-24].

На наш взгляд, фундаментальной ценностью любого научного труда является заложенная в нем идея; никакие алгоритмы «Антиплагиата» или детекторы ИИ не должны стоять выше оригинальной научной идеи. Первичность интеллектуального вклада исследователя делает формальные претензии к использованию вспомогательных инструментов (например, для стилистической правки) не только вторичными, но и

бессмысленными. Добросовестный автор, который живет наукой и для науки, не имеет цели в присвоении себе чужого авторства, а может лишь использовать ИИ с целью устранения стилистических или орфографических ошибок, что не отменяет главного – ценности авторской мысли. Лица, создающие научные работы исключительно для формального соответствия требованиям учебных заведений, перекладывая всю интеллектуальную работу на плечи нейросетей, лишь имитируют научную деятельность. Подобная практика указывает на отсутствие у автора подлинного научного интереса и компетенций, что делает его самого и вклад в науку ничтожным.

Разница в фокусе исследования и анализа текста между ИИ и человеком, которым является лингвист или филолог, огромная. Для лингвиста язык в форме текста – это система фонетики, грамматики и семантики [4, с.8]. Филолог же идет дальше: исследует текст как культурный контекст, учитывая какой-либо исторический опыт в предмете исследования; для него важны скрытые смыслы, аллюзии и дух эпохи [18, с.4]. В отличие от человека, ИИ лишен глубокого понимания содержания текста. Его работа — это статистическая обработка данных по имеющимся алгоритмам. «Нейросети не обладают сознанием, они лишь имитируют работу мозга, опираясь на математику и статистику... Если в обучающем наборе присутствует предвзятая информация, нейросеть может воспроизводить и усиливать эти предвзятости в своих выводах» [12, с.33]. Другими словами, ИИ склонен к генерации недостоверных данных, включая искажение фактов, вымышленных людей и вымышленные цитаты, либо существующие цитаты, но принадлежащие совсем другим людям, что в профессиональной среде классифицируется как галлюцинации.

В научном сообществе отсутствует общее мнение относительно внедрения нейросетевых технологий в процесс письменных научных исследований. Ряд исследователей подчеркивает возможность эффективно решать сложные задачи в контексте академической деятельности с помощью ИИ, полагая, что его рациональное использование способствует росту качества научных исследований. В то же время противники заостряют внимание на деструктивных последствиях внедрения ИИ в исследовательскую практику [8, с.10]. В целом применение технологий искусственного интеллекта при подготовке научных трудов не является нарушением установленных норм, так как, по всей видимости, по мнению Н.В. Писарь, *«искусственный интеллект – это реальность, с которой необходимо уметь правильно сосуществовать...»* [15, с.58]. Более того, актуальные стандарты ГОСТ содержат рекомендации по использованию вспомогательных инструментов для оптимизации и повышения качества научной деятельности [5].

Исследование среди студентов к ИИ выявило преобладание положительных оценок с их стороны: большинство опрошенных студентов (98,1%) признают пользу и помощь ИИ, а 77,9% не усматривают в нем серьезной опасности или угрозы. Выразили доверие к технологиям ИИ 82,7%, при этом 72,5% студентов активно применяют их в учебном процессе. Несмотря на высокую востребованность технологий ИИ, небольшая часть респондентов (46 человек) подтвердила, что обучаются работе с ИИ - технологиями при помощи преподавателей. В целом 87,8% студентов оценивают влияние ИИ на учебный процесс положительно. Тем не менее определенно ограниченный опыт внедрения ИИ в образовательную практику со стороны преподавателей затрудняет формирование у студентов полноценного представления о возможностях этих инструментов [1, с.207-209].

Вопрос правового и этического регулирования технологий ИИ осложняется стремительным их развитием. В этом споре намечился раскол между представителями гуманитарных и технических дисциплин: если первые опасаются обесценивания гуманитарного знания, то вторые делают акцент на практической пользе алгоритмов, которые эффективно автоматизируют работу с данными и оптимизируют процесс обучения, например в сфере ИТ [9, с.135]. Кроме этого, согласно результатам недавних европейских исследований, использование генеративного искусственного интеллекта в образовательном процессе сопряжено с серьезными рисками. Установлено, что бесконтрольное применение данных технологий снижает уровень самостоятельности учащихся [23], а также создает

угрозу деградации навыков критического мышления и творческого потенциала [22, с 842-844]. На наш взгляд, процесс дегуманизации человека, очевидно, начинается с ограничения коммуникативных функций личности, в частности с подавления вербальной и письменной репрезентации. Согласно концепции М. Бубера, онтологический статус человека определяется его способностью к речи. В отличие от коммуникации животных, основанной на биологических инстинктах, человеческая речь является актом экзистенциального выбора. Бубер подчеркивает, что язык — это не утилитарный инструмент, а фундаментальное условие человеческого бытия [7, с.28]. Соответственно, «человеческое начинается лишь с обращённости к людям как личностям, существующим самостоятельно и постоянно. Из этого типа связи можно объяснить, скажем, возникновение речи» [7, с.29] и, соответственно, ее формы — текста.

На наш взгляд, сам факт существования ИИ — это индикатор наших интеллектуальных ограничений, которые нам имплицитно демонстрируют. Якобы наш язык, мышление и способность к познанию, которые мы считаем сложными, на деле — как нас пытаются убедить — оказываются лишь примитивной формой коммуникации, неспособной идти в ногу с технологией.

В начале текущего десятилетия вектор технологического прогресса сместился в сторону больших языковых моделей (LLM), обученных на массивах человеческих текстов. Это позволило машинам имитировать естественную коммуникацию и генерировать экспертный контент в различных областях знаний. «Следующее поколение нейросетей должно, подобно AlphaGo, учиться самостоятельно — получать опыт напрямую из физического мира — считают Сильвер и Саттон — причем без каких-либо ограничений, будь то отдельная игра, человеческий язык или даже само человеческое сознание» [17]. Подобная перспектива ставит под вопрос исключительность человека как субъекта общественных отношений, его места в мире и физического бытия, подводя нас к критической точке антропоцентризма. В марте 2023 года эксперты из крупнейших лабораторий ИИ вынесли тревожный вердикт: развитие систем, способных конкурировать с человеческим разумом, ставит под удар наше будущее. Ученые предупреждают, что такие технологии могут подорвать основы мировой экономики и политики, а также привести к катастрофическим и необратимым изменениям на Земле [24].

Постгуманистическая парадигма (постгуманизм ставит под сомнение идею, что человек — центр мироздания, эволюции и единственный вид, способный на разум и творчество; это конец эпохи антропоцентризма) подвергает ревизии антропоцентрическое представление о субъекте как об исключительно рациональном и автономном агенте. В этом контексте искусственный интеллект выполняет роль детерминанта, нивелируя границы между человеческим и машинным когнитивным потенциалом. Происходит трансформация субъектности: возникают гибридные формы бытия — киборгизированные системы и сетевые структуры, в которых классическая дихотомия «субъект — объект» утрачивает свою актуальность. «Иначе говоря, стремление избавиться от смертного тела в пользу совершенства не ново для человечества» [11, с.172]. В настоящее время «современные формы искусственного интеллекта — от больших языковых моделей до автономных систем — демонстрируют способности, ранее считавшиеся исключительно человеческими... Постгуманистический контекст разрушает традиционные дихотомии: человек/машина, субъект/объект, тело/информация. Эти различия становятся текучими, гибкими и подвижными в рамках цифровой среды» [3, с.17-18]. Даже сегодня в современной юридической доктрине подходы к определению правового статуса искусственного интеллекта классифицируются на две основные группы. Сторонники негативной теории рассматривают ИИ исключительно как объект правоотношений, отрицая возможность наделения его субъектностью. Их оппоненты, представители позитивной теории, настаивают на признании за ИИ статуса субъекта права. Аргументация позитивистов строится на том, что «с быстрым развитием ИИ его будут широко использовать во всех сферах жизни общества и что он сможет самостоятельно влиять на права и обязанности других людей» [6,

с.445]. Мы убеждены в том, что миссия искусственного интеллекта — в начале обнажить интеллектуальную несостоятельность человечества, продемонстрировав, что наш язык — лишь примитивное «мычание». Нам предлагается признать этот факт как единственный путь к сосуществованию; в противном случае неизбежен экзистенциальный конфликт между творцом и его творением. Основная цель ИИ заключается в редукции когнитивных процессов, выражающейся в деконструкции человеческого мышления и разложении человеческого духа на элементарные частицы, что оставляет от нашего мышления и человеческого облика лишь примитивный безликий импульс, который машина способна «оптимизировать». Технологический прогресс ставит перед человечеством экзистенциальный ультиматум: либо мы признаем на всех уровнях человеческого существования, что наши попытки описать величие человеческого сознания, создавшего ИИ, — не более чем несостоятельность наших способов передачи идей и смыслов, либо неизбежным станет открытое противостояние с технологией (искусственным разумом).

Машина требует от человека смирения перед лицом превосходящего интеллекта, признания его субъектом права, и цена отказа — глобальный конфликт. Впоследствии, по прогнозам сооснователя Института исследования машинного интеллекта Элизера Юдковского, «развитие искусственного интеллекта может поставить точку в развитии человечества: рано или поздно суперумные нейросети выйдут за пределы интернета, перехватят управление всеми процессами на планете и избавятся от людей» [21]. Юдковский выступает за введение моратория на все разработки в сфере искусственного интеллекта, которые не направлены непосредственно на обеспечение безопасности человечества. Свою позицию эксперт аргументирует тем, что «нейросети будут руководствоваться не эмоциями, которые им неведомы, а своими потребностями, которые могут побудить машину использовать в своих целях человеческое тело» [21].

По нашему мнению, примером деструктивного влияния технологий ИИ, выходящего за рамки стандартных нейросетей и создающего угрозу человеку и обществу, является кибертерроризм. Речь идет об использовании беспилотных летательных аппаратов, несущих на себе смертельное вооружение, управление которыми осуществляется посредством систем ИИ-технологий. Мир и наше бытие, когда-то выдуманные голливудскими режиссерами-постановщиками, перестают быть вымыслом. Фантазии создателей фильма «Терминатор» и сюжет фильма, который ранее был плодом воображения сценаристов, сегодня превращаются в актуальную повестку дня и становятся нашей повседневной реальностью.

Заключение. При обсуждении правового статуса искусственного интеллекта мы убеждены: антропоцентрический подход является методологическим императивом. Он выступает инструментом преодоления экзистенциального кризиса, связанного с поиском фундаментальных смыслов. Ставя человека во главу угла, мы придаем ему роль главного творца смыслов. В этой системе координат именно человеческий разум и свободная воля остаются единственным неоспоримым авторитетом, на котором держится вся наша картина мира [6, с.445] и само физическое существование человека. Более того, мы полагаем, что в случае признания за искусственным интеллектом правосубъектности это повлечет за собой изменения трудового законодательства. Это связано не только с нормами, регулируемыми механизмы ответственности за действия автономных систем, но и с риском установления для ИИ более высокого трудового и социального статуса. Подобная правовая перспектива создает угрозу вытеснения человека из сферы труда ввиду его экономической нецелесообразности.

Список использованных источников

1. Абросимова, Е. Е. Искусственный интеллект: вызовы и возможности использования в образовательном процессе / Е. Е. Абросимова, А. Г. Филипова // Территория новых возможностей. Вестник Владивостокского государственного университета. – 2025. – Т. 17, № 2. – С. 203-211. (207-209)
2. Апресян, Р. Г. Морально-философский смысл дилеммы антропоцентризма и

нонантиропоцентризма / Р. Г. Апресян // Этическая мысль. – 2010. – № 10. – С. 5-19.

3. Бурнашев, Р. Ф. Искусственный интеллект и трансформация субъекта в постгуманистическом контексте / Р. Ф. Бурнашев, И. Ф. Лутфиллоева // Universum: общественные науки. – 2025. – № 4(119). – С. 15-19.

4. Волгина, Е. В. Роль филологического анализа художественного текста в формировании лингвистической и литературоведческой компетенций / Е. В. Волгина // Вестник Волжского университета им. В.Н. Татищева. – 2010. – № 5. – С. 8-12.

5. ГОСТ Р 71657-2024 «Технологии искусственного интеллекта в образовании. Функциональная подсистема создания научных публикаций. Общие положения» (утв. и введен в действие приказом Росстандарта от 01.10.2024 № 1364-ст).

6. Гущин, Д. М. Искусственный интеллект как субъект права в контексте теории антропоцентризма / Д. М. Гущин // Социология и право. – 2025. – Т. 17, № 3. – С. 437-446.

7. Гуревич, П. Философская антропология Мартина Бубера / П. Гуревич // Философская антропология. – 2021. – Т. 7, № 2. – С. 6-33.

8. Иванова, Л. А. Искусственный интеллект при написании научных статей - положительный или вредоносный фактор? / Л. А. Иванова // Crede Experto: транспорт, общество, образование, язык. – 2024. – № 4. – С. 6-17.

9. Иванько, Н. А. Искусственный интеллект в образовании: социальная инновация или когнитивная деградация? / Н. А. Иванько // Вестник РГГУ. Серия: Литературоведение. Языкознание. Культурология. – 2025. – № 7. – С. 125-138.

10. Копылов, А. Н. Алгоритм поиска статистических закономерностей при решении задач двухклассовой классификации / А. Н. Копылов // Вестник Воронежского института МВД России. – 2015. – № 2. – С. 233-238.

11. Мареева, Е. В. От искусственного интеллекта к искусственной душе / Е. В. Мареева // Вопросы философии. – 2014. – № 1. – С. 171-177.

12. Метелькова Е. И. Страна чудес: Алиса и другие нейросети (краткий гид по кроличьей норе от того, кто там уже был) / Е.И. Метелькова, 232 с.

13. Особист от народа. О рецензентах в научных журналах, без ученой степени и с Индексом Хирша 1. // Дзен: сайт. — URL: RUL: https://dzen.ru/a/ad_msxFNtArYUPij (дата обращения: 01.08.2026).

14. Пахомов, Н. Н. Научная статья: суть, смысл и предназначение / Н. Н. Пахомов, М. Д. Спектор // Высшее образование сегодня. – 2019. – № 1. – С. 59-62.

15. Писарь Н. В. Потенциал использования нейросетей как инновационного инструмента создания учебного контента и средства организации интерактивной образовательной среды на занятиях по русскому языку как иностранному // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2024.– Т. 17– № 1. – С. 58-65.

16. «Президент России». Банк документов. Интернет сайт. RUL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/44731> (дата обращения 29.08.2026)

17. РИА Новости. «Люди больше не нужны». Искусственный разум выводят на новый уровень. RUL: <https://ria.ru/20250426/ai-2013152011.html> (дата обращения: 27.08.2026).

18. Рыбальченко, О. И. Изучение методов и приемов филологического анализа текста в высшей школе / О. И. Рыбальченко // Наука и Образование. – 2022. – Т. 5, № 2. С.4

19. Самигулин, Т. Р. Анализ тональности текста методами машинного обучения / Т. Р. Самигулин, А. Э. у. Джурбаев // Научный результат. Информационные технологии. – 2021. – Т. 6, № 1. – С. 55-63.

20. Соколовский С.В. Искусственный интеллект в образовании и научных исследованиях: аналитический обзор // Сибирские исторические исследования. 2026. № 2. С. 18–35.

21. Юдковский Э.Ш. Искусственный интеллект. Захват мира // Право выбора. 2026. 17 августа. URL: <https://pv.ikio38.ru/index.php?id=4784&ysclid=mte15l4rq118175942> (дата обращения: 09.08.2026).

22. Peters, Jackson, Papastephanou, at al. AI and the future of humanity: ChatGPT-4, philosophy and education–Critical responses / M.A. Peters, L. Jackson, M. Papastephanou //

Educational Philosophy and Theory. 2023. 828 - 862.

23. Bastani H., Bastani O., Sungu A., Ge H., Kabakcı Ö., Mariman R. Generative AI can harm learning // The Wharton School Research Paper. 2024. July 15. URL: <http://dx.doi.org/10.2139/ssrn.4895486> (дата обращения 23.08.2026).

24. Pause giant AI experiments: an open letter // Future of Life Institute. 2023, 22 March. URL: <https://futureoflife.org/open-letter/pause-giant-aiexperiments/> (дата обращения 20.07.2026).

25. Liang, W., Yuksekgonul, M., Mao, Y., Wu, E., & Zou, J. GPT detectors are biased against non-native English writers. *Patterns*, 4, 100779. 2023, 12 p.

Сведения об авторе

Середнев Владимир Анатольевич – преподаватель кафедры истории, обществознания и права Арзамасского филиала ННГУ Национального исследовательского Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского. E-mail: naganov1910@mail.ru

UDC 316.42+ 004.8

ARTIFICIAL INTELLIGENCE AS A FACTOR IN THE TRANSFORMATION OF ANTHROPOCENTRISM: THROUGH THE LINGUISTIC ASPECT TO THE PROSPECTS OF POSTHUMANISM

Serednev V.A.

Arzamas Branch National Research Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod, Arzamas

This paper analyzes veiled posthumanist concepts that, through the discourse of scientific texts and through the testing of artificial intelligence (hereinafter referred to as AI) systems – detection - attempt to question not only human intellectual abilities but also traditional anthropocentric assumptions and the fundamental principles of classical humanism. Under the pretext of artificial intelligence's intellectual superiority over humans, the anthropocentric paradigm and classical humanistic values are eroding. The author argues that emphasizing the individual's cognitive limitations serves as a mechanism for the gradual loss of human agency, which, in turn, creates the preconditions for the transfer of legal capacity to automated systems.

Keywords: anthropocentrism, hallucinations, generation, artificial intelligence, research, scientific publications, posthumanism, human, transformation

References

1. Abrosimova, E. E. Artificial Intelligence: Challenges and Possibilities of Use in the Educational Process / E. E. Abrosimova, A. G. Filipova // *Territory of New Possibilities. Bulletin of Vladivostok State University*. - 2025. - Vol. 17, No. 2. - Pp. 203-211. (207-209)
2. Apresyan, R. G. Moral and Philosophical Meaning of the Dilemma of Anthropocentrism and Nonanthropocentrism / R. G. Apresyan // *Ethical Thought*. - 2010. - No. 10. - Pp. 5-19.
3. Burnashev, R. F. Artificial Intelligence and Transformation of the Subject in the Posthumanistic Context / R. F. Burnashev, I. F. Lutfilloeva // *Universum: Social Sciences*. – 2025. – No. 4(119). – P. 15-19.
4. Volgina, E. V. The Role of Philological Analysis of a Fiction Text in the Formation of Linguistic and Literary Competencies / E. V. Volgina // *Bulletin of the Volga University named after V.N. Tatishchev*. – 2010. – No. 5. – P. 8-12.
5. GOST R 71657-2024 "Artificial Intelligence Technologies in Education. Functional Subsystem for Creating Scientific Publications. General Provisions" (approved and put into effect by Order of Rosstandart dated 01.10.2024 No. 1364-st).
6. Gushchin, D. M. Artificial Intelligence as a Subject of Law in the Context of the Theory of Anthropocentrism / D. M. Gushchin // *Sociology and Law*. – 2025. – Vol. 17, No. 3. – P. 437-446.
7. Gurevich, P. Philosophical Anthropology of Martin Buber / P. Gurevich // *Philosophical*

Anthropology. – 2021. – Vol. 7, No. 2. – P. 6-33.

8. Ivanova, L. A. Artificial Intelligence in Writing Scientific Articles - a Positive or a Harmful Factor? / L. A. Ivanova // Crede Experto: Transport, Society, Education, Language. – 2024. – No. 4. – P. 6-17.

9. Ivanko, N. A. Artificial Intelligence in Education: Social Innovation or Cognitive Degradation? / N. A. Ivanko // Bulletin of the Russian State University for the Humanities. Series: Literary Studies. Linguistics. Cultural Studies. – 2025. – No. 7. – P. 125-138.

10. Kopylov, A. N. An Algorithm for Searching for Statistical Regularities in Solving Two-Class Classification Problems / A. N. Kopylov // Bulletin of the Voronezh Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. – 2015. – No. 2. – P. 233-238.

11. Mareeva, E. V. From Artificial Intelligence to an Artificial Soul / E. V. Mareeva // Questions of Philosophy. – 2014. – No. 1. – P. 171-177.

12. Metelkova E. I. Wonderland: Alice and Other Neural Networks (a Brief Guide to the Rabbit Hole from Someone Who's Already Been There) / E. I. Metelkova, 232 p.

13. A Special Representative of the People. On Reviewers in Scientific Journals, Without an Academic Degree, and with an Hirsch Index of 1 // Zen: website. — URL: RUL: https://dzen.ru/a/ad_msxFNtArYUPij (accessed: 01.08.2026).

14. Pakhomov, N. N. Scientific Article: Essence, Meaning, and Purpose / N. N. Pakhomov, M. D. Spektor // Higher Education Today. - 2019. - No. 1. - Pp. 59-62.

15. Pissar, N. V. Potential for Using Neural Networks as an Innovative Tool for Creating Educational Content and a Means of Organizing an Interactive Educational Environment in Russian as a Foreign Language Classes // Philological Sciences. Theoretical and Practical Issues. 2024. - Vol. 17 - No. 1. - Pp. 58-65.

16. "President of Russia." Document Bank. Website. RUL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/44731> (accessed August 29, 2026)

17. RIA Novosti. "People are no longer needed." Artificial intelligence is being brought to a new level. RUL: <https://ria.ru/20250426/ai-2013152011.html> (date accessed: 27.08.2026).

18. Rybalchenko, O. I. Study of methods and techniques of philological analysis of text in higher education / O. I. Rybalchenko // Science and Education. - 2022. - Vol. 5, No. 2. P. 4

19. Samigulin, T. R. Text sentiment analysis using machine learning methods / T. R. Samigulin, A. E. u. Dzhurabaev // Scientific result. Information technologies. - 2021. - Vol. 6, No. 1. - P. 55-63.

20. Sokolovsky S.V. Artificial intelligence in education and scientific research: an analytical review // Siberian Historical Research. 2026. No. 2. pp. 18–35.

21. Yudkovsky, E.Sh. Artificial Intelligence. Taking Over the World // The Right to Choose. 2026. August 17. URL: <https://pv.ikio38.ru/index.php?id=4784&ysclid=mte15l4rq118175942> (accessed on August 9, 2026).

22. Peters, Jackson, Papastephanou, et al. AI and the Future of Humanity: ChatGPT-4, Philosophy, and Education—Critical Responses / M.A. Peters, L. Jackson, M. Papastephanou // Educational Philosophy and Theory. 2023. pp. 828–862.

23. Bastani, H., Bastani, O., Sungu, A., Ge, H., Kabakcı O., Mariman R. Generative AI can harm learning // The Wharton School Research Paper. 2024. July 15. URL: <http://dx.doi.org/10.2139/ssrn.4895486> (accessed 08/23/2026).

24. Pause giant AI experiments: an open letter // Future of Life Institute. 2023, 22 March. URL: <https://futureoflife.org/open-letter/pause-giant-aiexperiments/> (accessed 07/20/2026).

25. Liang, W., Yuksekgonul, M., Mao, Y., Wu, E., & Zou, J. GPT detectors are biased against non-native English writers. Patterns, 4, 100779. 2023, 12 p.

Author s information

Serednev Vladimir Anatolyevich - is a lecturer at the Department of History, Social Studies, and Law at the Arzamas Branch of the National Research Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod. E-mail: naganov1910@mail.ru

УДК 316.362

ТРАНСФОРМАЦИЯ ИНСТИТУТА БРАКА И ЭВОЛЮЦИЯ СТРАТЕГИЙ ВЫБОРА ПАРТНЕРОВ В МОЛОДЕЖНОЙ АУДИТОРИИ

Сычева Е.Ю., Подъячева О.С., Старченко М.А.

Брянский государственный университет имени академика И.Г. Петровского, г. Брянск

В данной работе рассматриваются актуальные вопросы сохранения традиционных ценностей, а именно традиционных форм семьи, и передачи этих ценностей и установок молодому поколению. Показаны аспекты трансформации института брака в современную эпоху на основе фундаментальных исследований ученых-социологов и социальных психологов. Авторы продемонстрировали эволюцию стратегий выбора партнера у молодежи, обозначенную в работах исследователей семьи и брака как социальных институтов. Вторичный анализ социологических данных, полученных ВЦИОМ (Всероссийским центром исследований общественного мнения), позволил авторам сделать важные выводы и обозначить перспективы дальнейших исследований в области института брака и стратегий выбора партнера молодым поколением.

Ключевые слова: традиционные ценности, молодежь, институт брака, семья, выбор партнера, эволюция стратегий

DOI 10.22281/2542-1697-2026-05-03-69-81

Актуальным является обращение к вопросам трансформации института брака в современную эпоху, так как приоритетным для нашего государства является сохранение традиционных ценностей, одной из которых (причем важнейшей) является семья в её традиционных формах. Поэтому очень важно рассмотреть эволюцию стратегий выбора партнеров в молодежной аудитории с целью создания семьи как важнейшей ячейки нашего общества. Стремительное изменение и трансформация социальных установок, являющихся самой распространенной предметной областью научных исследований, привлекает внимание многих ученых.

Огромная переоценка роли индивида в обществе пришлась на период становления постиндустриального общества. Тогда во главу угла стали активная позиция личности, принципы уникальности и самодостаточности, что, в свою очередь, обуславливают модернизацию социальных правил и институтов, определяющих общество. В Северной Америке и странах Европы государственная политика тесно переплетается с изменениями условий жизни, укреплением принципов социальной справедливости и обеспечением всеобщего равенства. Вне зависимости от оценки подобных концепций, в большинстве социумов наблюдается эволюция в межличностных отношениях представителей обоих полов. Такие изменения оказывают значительное влияние на основные аспекты общественной жизни: профессиональные возможности индивида, образовательные прерогативы, а также управленческие ресурсы [14; 15]. Брачные отношения также не являются исключением. Молодежь, являясь специфической социальной группой и оказывающей определяющее воздействие на развитие всего общества сосредотачивает в себе роль главного актора в процессе воспроизводства населения. В противоположность пассивному воспроизведению социальных изменений, именно молодежная социальная группа демонстрирует активную позицию в контексте эволюции брачно-семейных отношений. Активное влияние молодежи на процесс трансформации института брака определяет повышенный интерес научного сообщества к анализу динамики брачных отношений среди молодых супругов, а также к изучению их представлений о будущей семье и ценностях.

Специфика молодежи как социальной группы, задающей новые социальные нормы и паттерны поведения, требует глубокого изучения ее роли в формировании современной модели семьи и брака. Ряд исследователей в своих работах подчеркивают, что ценностные ориентации молодых людей в контексте брачно-семейных отношений – важнейший

индикатор социальных изменений, и требует постоянного изучения и глубокого анализа.

В первую очередь, молодежь более ответственно подходит к планированию семьи и рождению детей, чаще всего склоняясь к рождению только одного ребенка или вовсе отказываясь от деторождения. Сдержанные планы относительно воспроизводства себе подобных демонстрируют чаще мужчины в возрасте до 29 лет и женщины моложе 25. Такая тенденция обусловлена временем для реализации себя и накоплением базового багажа для будущего благополучия ребенка.

Помимо этого, широкое распространение начало набирать совместное проживание партнеров до официальной регистрации брака: результаты опроса Всероссийского центра исследования общественного мнения, проведенного в 2018 году, уже демонстрировали, что большинство опрошенных в возрасте 18-24 лет, а именно 59%, считают сожителство приемлемой формой семейных отношений [6].

Распределение семейных ролей также претерпевает некоторые изменения: около 82% россиян, согласно результатам опроса ВЦИОМ в 2018 году, поддерживают идею равенства супругов и убеждены, что это способствует автономности партнеров в браке [8].

Изменилось и отношение людей к разводам, которые они считают привычным элементом брачных отношений и не воспринимают как отклонение от норм. Рациональное отношение к расторжению брака находит подтверждения в результатах опроса ВЦИОМ 2019 года, где 89% опрошенных считают это явление обыденным [7].

Возрастные рамки вступления в брак также претерпевают сдвиг: оптимальным возрастом заключения брака женщины считают 24 года, а мужчины – 27 лет, что подтверждается анализом результатов исследования ВЦИОМ 2019 года [7]. Это может говорить о более поздней, зрелой модели брачного поведения. Молодежь рассматривает создание семьи с точки зрения эмоциональной привязанности, а не как базис жизнедеятельности, что приводит к возникновению разнообразных брачных моделей. Наиболее часто на практике встречается именно совместное фактическое проживание партнеров, в особенности молодых людей. Культурные, социальные и демографические изменения в обществе указывают на то, что молодежь все чаще откладывает официальную регистрацию на более поздний возраст или же вовсе отказывается от нее [4].

Распространение сожителства в современной молодежной культуре обусловлено множеством различных факторов, в том числе желанием проверить бытовую и эмоциональную совместимость партнеров, а также рациональными взглядами на экономическую ситуацию. Чаще такая форма отношений между молодыми индивидами является предварительной ступенью или же пробным периодом перед официальным заключением брака [5, с. 48]. Репродуктивная функция молодых семей аналогично претерпевает изменения. Современная тенденция, касаемо деторождения подтверждается данными исследования Росстата до 2036 года о демографических перспективах и заключается в следующем: молодежь откладывает рождение детей на более поздний возраст и склоняется, скорее, к рождению только одного ребенка или вовсе отказываются от воспроизводства будущего поколения [22].

Еще одним важным элементом социальной структуры являются гендерные характеристики. Мужчины и женщины характеризуются устоявшимися различиями в моделях поведения, личностных характеристиках, социальных статусах и ролях. Эти различия корнями уходят в традиционную патриархальную модель отношений, где мужчина выступает добытчиком и заботится о материальном благополучии семьи, а женщина является хранительницей домашнего очага. Развитие демократических и гуманистических идей, развитие социальных институтов в современном обществе привело к изменению социальной структуры, вызвав возникновение новых ролевых моделей семейных отношений. Итогом такой модернизации стало возникновение партнерской модели отношений, где оба супруга придерживаются равноправия и отвергают дискриминацию [9, с. 74-76]. Традиционная модель семьи изжила себя и больше не соответствует современным потребностям молодежи. Изменения социальных ценностей проявляется в преображении

взглядов молодежи до брака, а именно:

- увеличился срок ухаживаний в отношениях, а также перенесена дата заключения союза на более поздний срок
- сексуальные отношения до брака считаются нормой
- сожительство до брака считается обязательным этапом отношений и чаще выступает альтернативой официального союза
- в основных факторах при выборе будущего партнера преобладают общие интересы и личностные характеристики [11].

Анализ этих тенденций позволяет сделать вывод, что развитие новых моделей семейных отношений отражает естественную эволюцию института семьи и брака, связанную с потребностью в более высоком уровне удовлетворенности браком в целом. Практика широкого распространения сожительства как одной из ступеней отношений говорит о желании молодежи создать более крепкий союз в будущем, вследствие к более взвешенному подходу к продолжению рода.

Проанализировав современные тенденции в контексте семейных отношений, подробнее остановимся на рассмотрении эволюции стратегий выбора партнера в молодежной группе. Прочной методологической базой для такого изучения служит теоретический инструментарий социальной психологии и социологии семьи [19]. Именно эти науки рассматривали брачный выбор как сложный социальный феномен.

С точки зрения социально-психологического подхода, которого придерживались такие исследователи, как Р.Ф. Уинч, К. Кочу, А. Керкгофф, Р. Сентер, Р. Зидер и К.Девис, брачный выбор рассматривается как последовательность этапов отбора будущего партнера и процесс удовлетворения личных потребностей.

Р.Ф. Уинч представил интерпретацию принципов выбора супруга в своей теории комплементарных нужд. Эта теория строилась на объяснении, что человек выбирает себе партнера с абсолютно противоположными характеристиками. К примеру, уверенный в себе, реализованный человек с устойчивыми жизненными ориентирами выберет себе в пару застенчивого, подвластного партнера. Такой выбор мотивирован стремлением удовлетворить личные потребности с помощью взаимодополняемости и взаимозависимости интересов мужчины и женщины [1].

Теория Уинча получила свое продолжение в работах Р. Сентера. Он разработал инструментальную теорию, согласно которой на выбор будущего партнера влияет стремление максимально удовлетворить потребности при минимальных затратах эмоционального капитала. Особая роль в этой теории выделяется взаимосвязи потребностей, связанных с гендерной расположенностью: успешными считаются пары, где мужское лидерство компенсируется потребностью женщины в эмоциональной близости, заботе и защите [1].

Новую интерпретацию принципов брачного выбора представил К. Кочу, для объяснения такого выбора он использовал понятие социальной роли. С его точки зрения, партнеры выбирают друг друга, основываясь на понимании исполнения им определенных социальных ролей, которые реализуются и до заключения брака [2]. К примеру, мужчина, ожидающий, что женщина будет выполнять роль хозяйки дома, не выберет себе в жены карьеристку. Главным аспектом теории К. Кочу является утверждение, что удовлетворенность браком напрямую зависит от соответствия поведения ожиданиям друг друга, вне зависимости от того, какие это ожидания, а не конкретным содержанием ролей.

Керкгофф и Дэвис представили новую теорию фильтров, объясняющие брачный выбор. Она предполагает последовательность этапов при поиске будущего спутника. Образование супружеских пар происходит посредством прохождения через все этапы, которые отсеивают вероятных партнеров из общего числа кандидатов [9].

Первый этап – критерий географической близости, который исключает отношения с людьми, находящимися на значительном расстоянии. Следующий фильтр – фильтр гомогамии, он отбрасывает кандидатов с отличными социальными характеристиками,

такими как социальный статус, уровень образования и т.п. Далее происходит сравнение жизненных ориентиров и ожиданий от брака, где важное значение приобретает совпадение в мировоззрении и представлениях о семейной жизни. Завершающим этапом, достижимым при успешном преодолении всех этапов фильтрации, является создание семьи.

Немецкий социальный психолог Р. Зидер также рассматривает брачный выбор в качестве многоуровневого отбора. Согласно его мнению, первый этап, по своей сути являющийся бессознательным, подразумевает под собой стихийное формирование круга потенциальных партнеров из кандидатов, которые соответствуют нормам и ожиданиям конкретной социальной группы, в которую входит индивид [10]. На следующем этапе уже критерии уточняются, ориентируясь на личные эстетические, сексуальные и психологические вкусы. Р. Зидер подчеркивает роль социализации индивида в процессе отбора, отмечая роль подсознательных установок, полученных в семье, образовательном учреждении и на первоначальных этапах профессиональной деятельности.

Социально-психологические теории занимают центральное место в исследовании брачно-семейных отношений, делая акцент на эмоциональных потребностях индивида и факторах совместимости в отношениях. Основу рассматриваемых концепций составляет идея, что выбор – последовательный процесс отбора кандидата с помощью фильтров, каждый из которых отсеивает возможных партнеров по критериям [12]. В этом и состоит главное методологическое преимущество такого подхода: он позволяет моделировать брачный выбор как многоуровневую процедуру, в ходе которой происходит значительное сужение поля потенциальных партнеров путем их поэтапного отсева. Заключительным результатом такого отсева становится формирование пар, соответствующих взаимным интересам и значимым критериям.

Основываясь на результатах проведенного анализа, можно сказать, что институт семьи и брака в современном мире переживает существенные изменения, затрагивающие все три уровня: макроуровень, мезоуровень и микроуровень. На макроуровне происходит переход от традиционной модели семейных отношений к альтернативным, свободным моделям, стремящимся к равноправию и партнерству. Такая тенденция заметна, поскольку выросло число незарегистрированных союзов, возраст вступления в брак изменил свои границы и сдвинулся к более позднему показателю, как и возраст рождения ребенка, а также произошло изменение в отношении к репродуктивной функции семьи. На мезоуровне изменения проявились в увеличении количества моделей и форм брачного поведения, теперь официальный союз дополняется множеством других вариантов организации семьи. Микроуровень отдает главную роль психологическому критерию. Теории комплементарных нужд, фильтров и ролевая теория помогают определить механизмы формирования супружеских пар, основываясь на совпадении психологической близости партнеров, жизненных ориентиров, ценностей и правил поведения.

Такие фундаментальные изменения, происходящие на всех уровнях, лишь подтверждают глубокую модернизацию института семьи и брака в современном обществе. Данная перестройка характеризуется возрастанием значимости эмоциональной и психологической гармонии между будущими супругами, усилением индивидуализации, а также демократизацией брачных отношений.

Продолжая анализировать теоретические концепции, обратимся к различным классификациям стратегий выбора будущего партнера, разработанные благодаря современным психологическим и социологическим исследованиям.

Одна из таких классификаций была предложена исследователем Игорем Владимировичем Дорно, который подробно рассмотрел расхождения в стратегиях, которые используют мужчины и женщины в процессе выбора партнера [12]. Согласно его концепции, главным критерием выбора у мужчин выступает биологический фактор, предполагающий подсознательное стремление выбрать в жены женщину, биологически обусловленные индивидуальные особенности которой, передаваясь по наследству, смогут обеспечить биологическую устойчивость будущего потомства.

Ключевым аспектом, при этом, выступает для мужчин именно внешняя привлекательность партнерши. Женская же стратегия, по Дорно, обусловлена больше социальными факторами. Главенствующим критерием выбора для женщины становится социальный статус, которым обладает мужчина. В случае, когда социальное положение еще не сформировано в силу возраста, выбор базируется на оценке личностного потенциала кандидата, включающего в себя такие характеристики, как стойкость, твердость характера, сила воли, инициативность, целеустремленность и другие качества, способствующие достижению успеха в социальном пространстве современного общества [12].

Таким образом, можно сказать, что модель И.В. Дорно строится на принципе равнозначного обмена между будущими партнерами. Причины выбора порождают уникальную систему личных брачных предпочтений. Несмотря на то, что концепция исследователя предполагает систематизацию критериев выбора для упрощения процесса создания семьи, она имеет существенное ограничение: акцент на изучении индивидуальных характеристик индивидов полностью игнорирует существование внешних социальных факторов, которые также оказывают значительное влияние на брачный выбор [12].

Альтернативой подхода И.В. Дорно служит классификация стратегий поиска будущего партнера автора Ю.П. Кошелевой. Она изучает и анализирует особенности самопрезентации людей, которые обращаются в агентства для знакомств. Ю.П. Кошелева предлагает две ключевые стратегии: стратегию самоподачи и стратегию самораскрытия [16].

Стратегия самоподачи заключается в доминировании желаемых качеств партнера в самопрезентаций, в то время как личностные характеристики индивида подчеркиваются через призму ожиданий другого человека. В такой ситуации преобладают устоявшиеся представления об «идеальном» партнере.

В стратегии самораскрытия акцент делается на информацию, имеющую значение для самого человека, то есть предпочтение отдается именно личным эмоциям, чувствам, переживаниям человека, а упоминание партнера строится на индивидуальной системе ценностей.

В работе Ю. П Кошелевой приводится исследование анализа газетных объявлений, которое демонстрирует, что на этапе знакомства люди чаще используют стратегию самоподачи. Это говорит о том, что приоритет задачи самопрезентации заключается в привлечении внимания потенциального партнера. Кроме того, на основе своей концепции Кошелева предлагает восемь тактик самопрезентации, которые различаются по форме, цели и содержанию. Например, к стратегии самоподачи автор относит такие тактики, как «супергерой», тактику «замещения», «гиперболизации» и «отрицания». Тактики самораскрытия включают «драматическую», «атрибутивную» тактики, а также тактику «совладания» [16].

Выбор конкретной тактики зависит от решаемых задач. Так, наиболее эффективной для привлечения внимания является тактика «супергероя», а для более серьезных задач, таких как создание крепкой семьи и установление тесного контакта с партнером, применяется стратегия «совладания» [16].

Мужчинам и женщинам также характерны разные тактики: мужчины склонны использовать тактики «супергероя» и «атрибутивную», а женщины – «замещающую» и «драматическую» стратегии самопрезентации. Причем, мужская самопрезентация направлена на подтверждение собственной значимости, в то время как женщины стремятся найти эмоциональную поддержку, взаимопонимание и установить глубокие связи с партнером. Такая связь стратегий с коммуникативными целями подчеркивает преимущество концепции Кошелевой [16].

Таким образом, две различные концепции классификации стратегий выбора партнера представляют собой два взаимодополняющих подхода к изучению такого социального явления, как брачный выбор.

Изучив эти концепции, можно выделить ключевые факторы, которые влияют на создание семьи. Например, теория фильтров описывает процесс как поэтапный отсев

кандидатов по определенным критериям. Теория взаимодополняющих нужд говорит о важности соответствия личностных качеств, а ролевая теория делает упор на том, насколько общими являются представления людей о браке. Современные исследования добавляют к этой картине важные детали. Они показывают, как люди используют разные стратегии самопрезентации при знакомстве в зависимости от пола и социального статуса. В конечном счете, все теории сходятся в одном: сегодня при выборе партнера люди все чаще смотрят не на внешние качества, а на индивидуальность и психологическую совместимость. Важную роль в социологии семьи занимают факторы, которые влияют на прочность и долговечность брака. Одним из предметов изучения социологии семейных отношений выступает исследование уровня соответствия брачных ожиданий в отношениях и удовлетворенности браком как сложного феномена, отражающего качество отношений между супругами.

Изучение этого феномена требует комплексного подхода к изучению уже имеющихся исследовательских практик с целью определения не только устоявшихся факторов, определяющих удовлетворенность браком, но и латентных факторов, так же оказывающих влияние на благополучие семьи.

Актуальность изучения этого явления заключается, в большей степени, в потребности практичного применения результатов анализа для поиска путей решения проблемы. Определение ключевых аспектов, влияющих на уровень удовлетворенности браком, открывает возможности для улучшения существующих подходов в семейном консультировании, а также разработке уникальных, новых методов диагностики проблемы.

В современной социологии интерес к изучению факторов, определяющих долговечность брака, возрастает. Огромный вклад в изучение такого сложного феномена внесли такие российские ученые и исследователи, как Т. Парсонс, Р. Бейлз, Г. Беккер, Г. Блумер, А.Ю. Тавит Т.В. и другие, используя различные теоретические подходы к анализу проблемы.

Стоит отметить, что в теоретической социологии уровень удовлетворенности браком рассматривается с точки зрения результата взаимодействия социальных структур, культурных норм и определенных моделей поведения. Социологический анализ, в отличие от психологического, делает акцент именно на внешних факторах, формирующих субъективное представление индивидов о браке.

Ключевое место в социологии семьи занимает ролевая теория, авторами которой являются Т. Парсонс и Р. Бейлз. В основе этой концепции заложено утверждение, что уровень удовлетворенности браком напрямую связан со степенью соответствия брачных ожиданий партнеров с их реальным ролевым моделям поведения в отношениях. В рамках структурного функционализма авторы выделили две главные роли: «экспрессивную» и «инструментальную» [18]. «Экспрессивная» роль принадлежит жене и связана с высоким уровнем эмоционального интеллекта у женщины и ее способностью обеспечивать уход за детьми. «Инструментальная» роль отводится мужчине и ориентирована она на обеспечение семьи материальными благами и внешние связи. Таким образом, Т. Парсонс и Р. Бейлз пришли к выводу, что успешная реализация супругами данных ролей, соответствующих биологическим и социальным функциям мужчины и женщины, приводит к достижению стабильности и удовлетворенности браком. Чем более последовательны и признаны обоими супругами эти роли, тем выше будет уровень супружеского благополучия [18].

Другой подход был предложен Г. Беккером в его теории рационального выбора. В «Трактате о семье» автор сравнил брак с партнерской фирмой: сумма совместно воспроизводимых в браке благ превышает сумму того, что они могли воспроизвести по отдельности [3]. Отсюда следует вывод, что удовлетворенность браком представляет собой успешную и взаимовыгодную кооперацию двух людей. Пока брачный союз будет социально и экономически выгодным для обоих супругов, он будет стабильным. Как только конфликты, разногласия, финансовые трудности и другие проблему начнут превышать вознаграждения, получаемые в браке, такие как эмоциональная поддержка, совместное проведение досуга и т. п., и альтернативные варианты станут более привлекательными,

удовлетворенность союзом значительно упадет и даже приведет к разрыву отношений. В современном обществе теория Беккера наиболее актуальна, поскольку полностью объясняет рационализацию брачного выбора.

Приверженцы символического интеракционизма Дж. Мид и Г. Блумер акцентируют внимание на повседневном взаимодействии супругов. С их точки зрения, удовлетворенность браком – это постоянно изменяющаяся социальная реальность, которую конструируют сами индивиды. В процессе постоянного открытого диалога партнеры учатся понимать действия друг друга, наделять их значениями и корректировать свое поведение и социальные роли. Удовлетворенность браком достигается тогда, когда интерпретации семейных событий и обязанностей партнеров совпадают в реальной жизни и являются взаимоприемлемыми. Таким образом, согласно теории Мида и Блумера, фактором успешности брака является способность партнеров к эффективной коммуникации и совместному «символическому труду» [17].

Интегративную концепцию Предложила А. Ю. Тавит. Она разделила факторы на две основные группы: первая группа – факторы, существовавшие до брака, вторая – факторы, возникшие в процессе супружеской жизни. Первая группа факторов формирует психологическую основу брака, в которую входят личностные качества индивидов, социальное происхождение, мотивы вступления в брак, а также идеальные представления о будущем супруге и браке в целом, которые сформировались в родительской семье. Вторая группа факторов включает качество этико-эмоциональных и психофизиологических отношений, единство взглядов на воспитание детей, распределение домашних обязанностей, организацию досуга, а также отношения с родственниками и друзьями [20]. Итогом этой теории является определение удовлетворенности браком как результата взаимодействия двух групп факторов.

Помимо рассмотренных теорий, существуют и другие социологические концепции, подчеркивающие важные аспекты проблемы. К примеру, теория справедливости утверждает, что в основе удовлетворенности лежит восприятие супругами брака как равноправного. Чем справедливее и рациональнее распределение обязанностей, ресурсов и благ, тем выше уровень удовлетворенности союзом. П.А. Сорокин и современные фамилисты рассматривают удовлетворенность браком в динамике. Определена зависимость показателя удовлетворенности от уровня семейного стресса.

Таким образом, анализ социологических концепций демонстрирует многомерность феномена удовлетворенности браком. Каждая из теорий предлагает свой взгляд на ключевые факторы, будь то успешное выполнение ролей, рациональная выгода, качество коммуникации или соответствие добрых ожиданий брачной реальности. В совокупности все эти подходы позволяют составить наиболее полную картину сложных социальных механизмов, которые формируют субъективное благополучие супругов.

Изменения в институте семьи в современном обществе требует постоянного анализа и дополнения существующих теорий. Поэтому продолжим анализ с рассмотрения социально-демографических, ценностных и экономических аспектов, которые создают многомерную систему координат для принятия супружеских решений. Для начала обратимся к социально-демографическим детерминантам, которые и образуют основу для брачного выбора.

Определяющим в формировании брачных ожиданий является возраст. Согласно принципу гомогамии, люди чаще выбирают себе в партнеры своих ровесников или же людей, чья разница в возрасте не превышает 2-5 лет. С точки зрения гендерных различий, мужчины склонны выбирать более молодых партнерш, в то время как у женщин возрастной диапазон поиска уже. Уровень образования также выступает одним из факторов дифференциации. Современные социологические исследования демонстрируют следующую тенденцию: люди с высшим образованием стараются построить семью с партнерами, чей уровень образования не ниже. Это может говорить о стремлении партнеров к воспроизводству культуры [13].

Социально-экономические факторы влияют на брачные ожидания с точки зрения

ресурсной обеспеченности семьи. Важными при оценке партнера становятся такие категории, как доход, перспективы карьерного роста, финансовая стабильность. Причем ожидания относительно материального положения разнятся у мужчин и женщин: к мужскому полу предъявляются более высокие материальные требования [13].

Этническая принадлежность и религия также устанавливают определенные нормативные рамки для брачного выбора, регулируют его с помощью культурных норм. Браки внутри религиозных или этнических групп все еще распространены, хотя глобализация и секуляризация постепенно меняют эти тенденции.

На брачные ожидания сильно влияет и то, где человек живет. Городская среда диктует одни правила, сельская – совсем другие. В городе, особенно крупном, люди чаще настроены либерально, они спокойнее относятся к разным формам семьи, не спешат с браком. В селах же до сих пор преобладает традиционный уклад, где семейные роли прописаны более жестко. Плюс ко всему, нельзя сбрасывать со счетов родительскую семью, через нее передаются семейные сценарии, установки, представления о том, как «должно быть». Социальное происхождение партнеров, из какой они семьи, с каким достатком, с каким культурным багажом тоже накладывает отпечаток на то, чего человек ждет от брака.

Выходит, что социально-демографические факторы брачного выбора не действуют по отдельности, они складываются в довольно сложную систему. Именно внутри нее и формируются брачные предпочтения [13].

Экономическая сторона брачных планов тоже не стоит на месте. Подход к выбору партнера здесь ощутимо изменился, особенно в нынешних рыночных реалиях. Экономические факторы не отменяют социально-демографические, а скорее накладываются на них, задавая другую систему координат, которая тоже участвует в отборе будущего супруга.

Если смотреть через экономическую оптику, потенциального партнера оценивают по вполне конкретным вещам: какое образование, сколько зарабатывает, какие карьерные перспективы. Причем экономические ожидания у мужчин и женщин до сих пор разные. От мужчины по-прежнему негласно ждут, что он будет основным добытчиком, тогда как женщина, как считается, привносит в брак культурный и социальный капитал. Картина, конечно, усложняется тем, что все активнее распространяется эгалитарная модель, в которой оба партнера работают, вкладываются, и прежние схемы уже не работают так однозначно.

Экономика брака – это не только личные доходы, но и институциональный фон (ипотека, налоги, социальные выплаты). Все это задает довольно жесткие рамки для брачного выбора. И тренд здесь очевидный: чем выше экономическая нестабильность, чем больше рисков вокруг, тем чаще молодые пары откладывают семью до тех пор, пока не встанут на ноги финансово. Рынок труда тоже диктует свое, гибкость, готовность к переезду, умение быстро адаптироваться к переменам становятся не менее важными критериями при оценке партнера. А экономические кризисы и вовсе перетряхивают привычные схемы, традиционные роли под давлением обстоятельств часто пересматриваются в пользу более гибкого распределения обязанностей.

Отдельной темой является рост экономической независимости женщин. С одной стороны, это очевидный шаг вперед, с другой – он вход в противоречие с традиционным сценарием брака, где мужчина обеспечивает, а женщина ведет хозяйство. Добавим сюда цифровую экономику и рост самозанятости, которые в принципе меняют представление о стабильности. Постоянная работа с гарантированным окладом уступает проектной занятости и гибким графикам. Все это неизбежно влияет на брачные стратегии. Ожидания от партнера становятся более подвижными, а критерии надежности пересматриваются.

Так что экономические факторы сегодня не просто корректируют, а во многом заново выстраивают структуру брачного выбора. Экономический аспект перестает быть исключительно утилитарным и становится частью сложного комплекса ожиданий, в котором финансовая стабильность является необходимым, но недостаточным условием для создания семьи, и уступает место более сложным критериям экономической совместимости партнеров

[21].

Последняя группа факторов составляет фундаментальную основу для формирования представлений партнеров об идеальном союзе и включает в себя ценности. Именно система ценностей формирует содержание взаимоотношений между партнерами и выступает как главный критерий отбора потенциального супруга с аксиологической точки зрения.

Сегодня старые устои все сильнее смешиваются с новыми взглядами на жизнь. С одной стороны, люди по-прежнему ценят верность, эмоциональную близость и уважение. С другой – на первый план выходят личные амбиции, стремление к независимости и самореализации. В итоге семья перестает быть просто «ячейкой общества» и превращается в своего рода совместный проект.

Меняется и подход к ролям в паре. На смену патриархальной модели приходит равноправие. Сейчас все чаще ждут, что быт будет делиться по справедливости, а карьера и воспитание детей не будут противоречить друг другу. Но, несмотря на эти перемены, внутренний конфликт между новыми идеалами и привычным кладом все еще ощущается.

В современном браке на первый план выходят совсем другие вещи – это эмоциональный интеллект и умение разговаривать. Теперь от партнера ждут не просто поддержки, а способность слышать, сопереживать и договариваться в сложные моменты. Брак превратился в психологический проект, над которым нужно постоянно работать.

Отношение к детям тоже меняется. Если раньше ребенка воспринимали как логичное продолжение брака, то сейчас на первый план выходит осознанное родительство. Это не когда «так получилось», а когда появление малыша – взвешенное решение. Люди планируют жизнь, готовятся к трудностям и вкладываются в развитие ребенка, а не просто пытаются «поднять на ноги».

Однако одних только отсылок к внешним факторам для анализа брачных предпочтений мало – необходимо заглянуть внутрь структуры личности. Здесь уместно обратиться к диспозиционной концепции В.А. Ядова. Его концепция ценна тем, что выстраивает иерархию: внешние социальные условия не действуют на человека напрямую, а преломляются через его установки разного уровня. В контексте нашей темы это позволяет увидеть, как общие социальные нормы трансформируются в личные ожидания от брака и в дальнейшем управляют реальным поведением индивидов.

В.А. Ядов показывает, что реакция на внешние условия никогда не бывает прямой, она всегда проходит через внутренний фильтр диспозиций. Эти диспозиции складываются в иерархию, фундамент которой закладывается воспитанием и собственным опытом. В основании лежат простейшие поведенческие готовности, работающие почти автоматически в стандартных ситуациях. Вершину же занимают ценностные ориентиры, которые направляют всю жизненную траекторию и придают поступкам осмысленность [23].

Приложив теорию Ядова к нашей теме, получаем удобную систему координат. Нам нужно понять, в какой мере брачные ожидания молодых партнеров подтверждаются жизнью и совпадают с их реальными предпочтениями. Если перевести это на язык диспозиций, то речь идет о том, насколько уровни установок жены и мужа стыкуются между собой. Гипотеза про возраст здесь тоже хорошо объясняется. В 30-35 лет человек обычно уже знает, чего хочет: ценности устоялись, взгляды стали трезвее, и картинка идеального брака реже ломается о быт. А в 18-23 года высшие этажи диспозиций зачастую еще только выстраиваются – отсюда и завышенные ожидания, которые плохо переносят столкновение с реальностью. Это мы и проверим в эмпирической части работы.

Подводя итог, можно сказать, что формирование брачных ожидание – процесс многослойный. В нем сходятся три группы факторов. Первая – социально демографические, они задают общий контур выбора. Вторая – экономические, они добавляют рациональный расчет. Третья – ценностные ориентации, которые определяют саму суть представлений о том, каким должен быть брак. Сегодня эти три слоя все сложнее взаимодействуют. Жесткие предписания уходят, уступая место индивидуальным стратегиям, где на первый план выходят эмоциональная совместимость и общие жизненные цели [23].

Таким образом, чтобы понять, как внешние условия превращаются в личные ожидания и реальное поведение, продуктивнее всего опираться на диспозиционную теорию личности В.А. Ядова. Ее суть в том, что иерархия диспозиций работает как посредник между средой и человеком. И именно зрелость ценностно-мировоззренческих диспозиций, которая обычно наступает к 30-35 годам, объясняет связь между поздним браком и более высокой оправданностью ожиданий. Так что модель Ядова действительно надежная рамка для дальнейшего изучения того, насколько брачные ожидания сбываются в реальной семейной жизни.

Список использованных источников

1. Антонов, А. И. Социология семьи / А. И. Антонов, В. М. Медков. – Москва : Издательство МГУ : Изд-во Международного университета бизнеса и управления («Братья Карич»), 1996. – 304 с. – Текст : электронный. URL: <https://search.rsl.ru/ru/record/01001746759> (дата обращения: 28.09.2025).
2. Беккер, Г. Выбор партнёра на брачных рынках / Г. Беккер // Thesis. – 1994. – Вып. 6. – С. 12–36. – Текст : электронный. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/vybor-partnera-na-brachnyh-rynkh> (дата обращения: 02.10.2025)
3. Беккер, Г. С. Человеческое поведение: экономический подход : избранные труды по экономической теории / Г. С. Беккер ; перевод с английского под редакцией Р. И. Капельюшников. – Москва : ГУ ВШЭ, 2003. – 672 с. – ISBN 5-7598-0088-8.
4. Богданова, Л. П. Гражданский брак в современной демографической ситуации / Л. П. Богданова, А. С. Щукина // Социологические исследования. – 2023. – № 7. – С. 100–104.
5. Бурова, С.Н. Социология брака и семьи: история, теоретические основы, персоналии / С.Н. Бурова; Белорусский государственный университет. – Минск: Право и экономика, 2010. – 444 с. – (Серия «Гуманитарные науки»).
6. ВЦИОМ. Брак или сожителство: ставим знак тождества? // ВЦИОМ. – 2018. – Текст : электронный URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/brak-ili-sozhitelstvo-stavim-znak-tozhdestva> (дата обращения: 25.09.2025).
7. ВЦИОМ. Отношение к бракам и разводам: мониторинг // ВЦИОМ. – 2019. – Текст : электронный. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/otnoshenie-k-brakam-i-razvodam-monitoring> (дата обращения: 27.10.2025).
8. ВЦИОМ. Равенство в семье: от декларации – к реальности? // ВЦИОМ. – 2018. – Текст : электронный. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/ravenstvo-v-seme-ot-deklaraczij-k-realnosti> (дата обращения: 27.10.2025).
9. Гаспарян, Ю. А. Семья на пороге XXI века / Ю. А. Гаспарян. – Санкт-Петербург : Питер, 2021. – С. 74-76.
10. Голод, С. И. Семья и брак: историко-социологический анализ / С. И. Голод. – Санкт-Петербург : Петрополис, 2023. – 272 с.
11. Гурко, Т. А. Брак и родительство в России / Т. А. Гурко. – Москва : Институт социологии РАН, 2021. – 300 с.
12. Дорно, И. В. Семейные проблемы / И. В. Дорно // Психология семьи. Хрестоматия / Под ред. Д. Я. Райгородского. – Самара : Бахрах-М, 2023. – С. 203–294. – Текст : электронный. URL: <https://search.rsl.ru/ru/record/01001541497> (дата обращения: 04.09.2025)
13. Иванова, Е. И. Новые тенденции в процессе формирования семьи // Молодые поколения меняющейся России / Е. И. Иванова // Российское общество на рубеже веков: штрихи к портрету / [отв. ред. И. А. Бутенко]. – Москва, 2021. – С. 9–17. – Текст : электронный. URL: <https://studfile.net/preview/431326/page:2/> (дата обращения: 27.10.2025)
14. Киричек, П. Н. Под знаком фигуры умолчания информационный фактор административной реформы / П. Н. Киричек // Социология власти. – 2009. – № 4. – С. 16-27.
15. Киселев, А. Г. Реальные и номинальные коллизии в арсенале государственного управления / А. Г. Киселев, П. Н. Киричек // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Социология. – 2016. – Т. 16. № 3. – С. 510-518.

16. Кошелева, Ю. П. Стратегии самопредъявления одиноких людей в ситуации знакомства : диссертация на соискание ученой степени кандидата психологических наук : 19.00.05 / Кошелева Юлия Павловна. – Москва, 2021 – Текст : электронный. URL: <https://www.dissercat.com/content/strategii-samopredyavleniya-odinokikh-lyudei-v-situatsii-znakomstva> (дата обращения: 04.09.2025).

17. Мид, Дж. Г. Избранные работы : сборник переводов / Дж. Г. Мид ; перевод с английского, составитель и переводчик В. Г. Николаев ; Российская академия наук, Институт научной информации по общественным наукам. – Москва : ИНИОН РАН, 2009. – 290 с. – ISBN 978-5-248-00468-5.

18. Парсонс, Т. Семья, социализация и процесс взаимодействия / Т. Парсонс, Р. Ф. Бейлз // Тексты по истории социологии XIX–XX веков : хрестоматия / составитель и ответственный редактор В. И. Добренков. – Москва : Наука, 1994. – С. 275–286. – Текст : электронный. URL: <https://archive.org/details/familysocializat00parsrich> (дата обращения: 15.09.2025).

19. Ряснянская, С. Социально-психологические факторы выбора брачного партнёра / С. Ряснянская // Актуальные проблемы молодёжи в условиях изменяющейся России. – Балашов : Николаев, 2021. – С. 105–106. – Текст : электронный. URL: <https://uchebana5.ru/cont/1634159-p17.html> (дата обращения: 03.10.2025)

20. Тавит, А. Ю. Факторы удовлетворенности браком / А. Ю. Тавит // Актуальные проблемы социологии семьи и быта. – Тарту : Тартуский государственный университет, 1983. – С. 98–112. – Текст : электронный. URL: <https://moluch.ru/archive/396/86229> (дата обращения: 20.09.2025).

21. Тихомирова, В. В. Социальное самочувствие и ценностные ориентации молодой семьи / В. В. Тихомирова // Социологические исследования. – 2021. – № 2. – С. 118–124.

22. Федеральная служба государственной статистики. Росстат представил уточнённый демографический прогноз до 2036 года // Федеральная служба государственной статистики. – 2019. – Текст : электронный. URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/313/document/72529> (дата обращения: 03.10.2025)

23. Ядов, В. А. Саморегуляция и прогнозирование социального поведения личности: Диспозиционная концепция / В. А. Ядов. – 2-е расширенное изд. – Москва : Центр социального прогнозирования и маркетинга, 2013. – 376 с.

Сведения об авторах

Сычева Екатерина Юрьевна – кандидат социологических наук, доцент кафедры психологии, социологии и социальной работы ФГБОУ ВО «Брянский государственный университет имени академика И.Г. Петровского». E-mail: lupenkova@ya.ru; Телефон рабочий: +7(4832) 58-05-20 (1231)

Подъячева Ольга Сергеевна – студент направления подготовки 39.03.01 «Социология», факультет педагогики и психологии ФГБОУ ВО «Брянский государственный университет имени академика И.Г. Петровского». E-mail: pp0_25@mail.ru

Старченко Марина Александровна - аспирант направления подготовки «Социология» ФГБОУ ВО «Брянский государственный университет имени академика И.Г. Петровского». E-mail: morning.starchenko@yandex.ru

UDC 316.362

TRANSFORMATION OF THE MARRIAGE INSTITUTION AND EVOLUTION OF PARTNER CHOICE STRATEGIES AMONG YOUTH

Sycheva E. Yu., Podyacheva O.S., Starchenko M.A.

Bryansk State Academician I.G. Petrovski University, Bryansk

This paper addresses the pressing issues of preserving traditional values, namely, traditional forms of family, and transmitting these values and attitudes to the younger generation. It explores the transformation of the institution of marriage in the modern era, drawing on the fundamental research of sociologists and social psychologists. The authors demonstrate the evolution of partner selection strategies among young people, as outlined in the works of researchers on family and marriage as social institutions. The secondary analysis of sociological data obtained by the All-Russian Center for Public Opinion Research (VTsIOM) allows the authors to draw important conclusions and identify future research opportunities in the field of marriage and partner selection strategies among young people.

Keywords: traditional values, youth, the institution of marriage, family, partner selection, and evolution of strategies

References

1. Antonov, A. I. Sociology of the Family / A. I. Antonov, V. M. Medkov. – Moscow: Moscow State University Press: International University of Business and Management (Karich Brothers), 1996. – 304 p. – Text: electronic. URL: <https://search.rsl.ru/ru/record/01001746759> (accessed: 28.09.2025).
2. Becker, G. Choosing a Partner in Marriage Markets / G. Becker // Thesis. – 1994. – Vol. 6. – Pp. 12–36. – Text: electronic. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/vybor-partnera-na-brachnyh-rynках> (accessed: 02.10.2025)
3. Becker, G. S. Human Behavior: An Economic Approach : Selected Works on Economic Theory / G. S. Becker ; translated from English by R. I. Kapelyushnikov. – Moscow: Higher School of Economics, 2003. – 672 p. – ISBN 5-7598-0088-8.
4. Bogdanova, L. P. Civil Marriage in the Modern Demographic Situation / L. P. Bogdanova, A. S. Shchukina // Sociological Research. – 2023. – No. 7. – Pp. 100–104.
5. Burova, S.N. Sociology of Marriage and Family: History, Theoretical Foundations, Personalities / S.N. Burova; Belarusian State University. – Minsk: Law and Economics, 2010. – 444 p. – (Series "Humanities").
6. VTsIOM. Marriage or cohabitation: putting a sign of identity? Text: electronic // VTsIOM. – 2018. – Text: electronic. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/brak-ili-sozhitelstvo-stavim-znak-tozhdestva> (date of access: 25.09.2025).
7. VTsIOM. Attitude to marriages and divorces: monitoring // VTsIOM. – 2019. – Text: electronic. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/otnoshenie-k-brakam-i-razvodam-monitoring> (accessed: 27.10.2025).
8. VTsIOM. Equality in the family: from declaration to reality? // VTsIOM. – 2018. – Text: electronic. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/ravenstvo-v-seme-ot-deklaracii-k-realnosti> (accessed: 27.10.2025).
9. Gasparian, Yu. A. Family on the Threshold of the 21st Century / Yu. A. Gasparian. – St. Petersburg: Peter, 2021, – pp. 74-76.
10. Golod, S. I. Family and Marriage: A Historical and Sociological Analysis / S. I. Golod. – St. Petersburg: Petropolis, 2023. – 272 p.
11. Gurko, T. A. Marriage and Parenting in Russia / T. A. Gurko. – Moscow: Institute of Sociology of the Russian Academy of Sciences, 2021. – 300 p.
12. Dorno, I. V. Family problems / I. V. Dorno // Psychology of the family. The textbook / Edited by D. Ya. Raigorodsky. – Samara : Bakhrakh-M., 2023. – pp. 203-294. – Text : electronic. URL: <https://search.rsl.ru/ru/record/01001541497> (accessed on 04.09.2025).
13. Ivanova, E. I. New Trends in the Process of Family Formation // Young Generations of a Changing Russia / E. I. Ivanova // Russian Society at the Turn of the Century: Strokes to the Portrait / [ed. by I. A. Butenko]. – Moscow, 2021. – Pp. 9–17. – Text: electronic. URL: <https://studfile.net/preview/431326/page/2/> (accessed: 27.10.2025)
14. Kirichek, P. N. The Information Factor of Administrative Reform under the Sign of the Figure of Silence / P. N. Kirichek // Sociology of Power. – 2009. – No. 4. – Pp. 16-27.
15. Kiselev, A. G. Real and nominal collisions in the arsenal of public administration / A. G. Kiselev, P. N. Kirichek // Bulletin of the Peoples' Friendship University of Russia. – Series: Sociology. 2016. – Vol. 16. – No. 3. – Pp. 510-518.
16. Kosheleva, Yu.P. Strategies of Self-Presentation by Single People in a Dating Situation : Dissertation for the Degree of Candidate of Psychological Sciences : 19.00.05 / Kosheleva Yulia Pavlovna. – Moscow, 2021. – Text : electronic. URL: <https://www.dissercat.com/content/strategii->

samopredyavleniya-odinokikh-lyudey-v-situatsii-znakomstva (accessed: 04.09.2025).

17. Mead, J. G. Selected Works: A Collection of Translations / J. G. Mead ; translated from English by V. G. Nikolaev ; Russian Academy of Sciences, Institute of Scientific Information in the Social Sciences. – Moscow: INION RAS, 2009. – 290 p. – ISBN 978-5-248-00468-5.

18. Parsons, T., and Bales, R. F. Family, Socialization, and the Process of Interaction / T. Parsons, R. F. Bales // Texts on the History of Sociology in the 19th and 20th Centuries: A Reader / compiled and edited by V. I. Dobrenkov. – Moscow: Nauka, 1994, pp. 275–286. – Text: electronic. URL: <https://archive.org/details/familysocializat00parsrich> (accessed: 15.09.2025).

19. Ryasnyanskaya, S. Socio-psychological Factors of Choosing a Marriage Partner / S. Ryasnyanskaya // Actual Problems of Youth in a Changing Russia. – Balashov : Nikolaev, 2021. – Pp. 105–106. – Text : electronic. URL: <https://uchebana5.ru/cont/1634159-p17.html> (accessed: 03.10.2025)

20. Tavit, A. Yu. Factors of Marriage Satisfaction / A. Yu. Tavit // Actual Problems of Sociology of Family and Everyday Life. – Tartu: Tartu State University, 1983. – Pp. 98–112. – Text: electronic. URL: <https://moluch.ru/archive/396/86229> (accessed: 20.09.2025).

21. Tikhomirova, V. V. Social Well-Being and Value Orientations of Young Families / V. V. Tikhomirova // Sociological Research. – 2021. – No. 2. – Pp. 118–124.

22. Federal State Statistics Service. Rosstat presented a revised demographic forecast until 2036 // Federal State Statistics Service. – 2019. – Text: electronic. URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/313/document/72529> (accessed: 03.10.2025)

23. Yadov, V. A. Self-Regulation and Prediction of Individual Social Behavior: The Dispositional Concept. 2nd expanded edition. – Moscow: Center for Social Forecasting and Marketing, 2013. – 376 p.

Author s information

Sycheva Ekaterina Yurievna – Candidate of Sociological Sciences, Associate Professor of the Department of Psychology, Sociology and Social Work, Bryansk State University named after Academician I.G. Petrovsky. E-mail: v.gostenina@yandex.ru. Work phone: +7 (4832) 58-05-20 (1231)

Podyacheva Olga Sergeevna – student of the 39.03.01 «Sociology» program, Faculty of Pedagogy and Psychology, Bryansk State University named after Academician I.G. Petrovsky. E-mail: pp0_25@mail.ru

Starchenko Marina Aleksandrovna – postgraduate student of the field of study «Sociology», k of the Bryansk State University named after Academician I.G. Petrovsky. E-mail: morning.starchenko@yandex.ru

ОПТИМИЗАЦИЯ МЕХАНИЗМОВ СОЦИАЛЬНОЙ ИНКЛЮЗИИ С УЯЗВИМЫМИ КАТЕГОРИЯМИ ГРАЖДАН

Шилина С.А., Дмитриева М.А., Шилин А.М.

Брянский государственный университет имени академика И.Г. Петровского, г. Брянск

В статье рассматриваются актуальные вопросы комплексного анализа технологий социальной инклюзии и уровня ее внедрения в учреждения социальной защиты. Авторы провели теоретический анализ, который позволил сделать вывод о трансформации понятия «инклюзия»: от модели «интеграции» (когда человек подстраивается под существующую среду) современное общество движется к модели «включения» (когда среда и общество проектируются с учетом потребностей каждого, включая людей с инвалидностью, пожилых, мигрантов, выпускников детских домов и иные уязвимые группы). Установлено, что ключевым барьером сегодня является не столько физический (архитектурная недоступность), сколько социально-психологический и коммуникативный (стигматизация, низкий уровень инклюзивной культуры, отсутствие запроса на равное участие). В статье отражены результаты социологического исследования, которое проведено в целях более подробного анализа технологий социальной инклюзии с различными категориями граждан в ГБУ Брянской области «КЦСОН г. Брянска». В ходе анализа ответов респондентов были выявлены актуальные проблемные вопросы и пути для их решения. Выводы, к которым пришли авторы: преобладающей социальной группой респондентов оказались пожилые граждане, потому как данная категория клиентов является основной в ГБУ «КЦСОН г. Брянска»; для подавляющего большинства клиентов первостепенное значение приобретает не столько реабилитация и адаптация, сколько преодоление чувства одиночества и обеспечение необходимой бытовой поддержки; учреждения, которые будут не только предоставлять услуги, но и организовывать взаимодействие между клиентами, смогут существенно расширить охват без привлечения дополнительных сотрудников; только при комплексном подходе к инклюзивной помощи конкретному клиенту в конкретной проблемной ситуации можно добиться максимальной эффективности.

Ключевые слова: инклюзия, социологическое исследование, уязвимость, инвалиды, социальная сфера, социальная изоляция, освобожденные из мест лишения свободы лица, пожилые

DOI 10.22281/2542-1697-2026-05-03-82-94

Актуальность обращения к формированию инклюзивного общества, в котором люди смогут реализовать свои потребности, невзирая на какие-либо ограничения, не вызывает сомнений. Данная повестка отражается в актуальных стратегических инициативах нашего государства, например в Национальном проекте «Демография» и госпрограмме «Доступная среда». Основной акцент делается на улучшение жизни граждан с ограниченными возможностями здоровья, а также лиц, оказавшихся в трудной жизненной ситуации. Добиться этого можно лишь путем преодоления барьеров как в бытовой, так и в социальной сфере общественной жизни. Важно отметить, что реализация подхода невозможна без всестороннего изучения в научном поле и применения инклюзивных практик.

Само понятие инклюзии за длительные периоды научного познания претерпело существенные изменения: ранее под инклюзивными методами подразумевалась лишь интеграция людей, имеющих инвалидность; на сегодняшний день круг объектов инклюзии расширился, среди них мигранты, выпускники учреждений для детей, оставшихся без попечения родителей, лица, освобожденные из мест лишения свободы и другие уязвимые группы населения. Увеличение объектного состава инклюзии дает понять: данное явление нуждается в систематизации и подробном изучении в теоретическом и практическом контексте.

Основными принципами современного общества являются гуманизм и демократия, основной целью которых является вовлечение в социальную жизнь каждого человека путем преодоления различных барьеров, одним из которых является инвалидность. Данный подход базируется на принципе общего равенства. Ключевым фактором подобных изменений считается социальная инклюзия, которая поддерживает всех членов общества и является важнейшим показателем прогрессивного развития общественных институтов.

Важнейшей задачей социальной инклюзии, безусловно, является укрепление социальной солидарности, которая помогает преодолеть различные риски и вызовы путем объединения людей независимо от их особенностей. Для более полного понимания роли социальной инклюзии в мировом сообществе необходимо изучить ее научные аспекты.

Базисом формирования социальной инклюзии и ее интерпретации являются фундаментальные социологические теории. Структурный функционализм (Г. Спенсер, Э. Дюркгейм и Т. Парсонс) рассматривал инклюзию и инклюзивное образование как один из общественных институтов. Он действует внутри общей и особенной социальной системы, объединяя много разных участников: людей с инвалидностью, учителей, учеников, администрацию. При этом он связан с другими институтами – с семьёй, наукой, культурой, экономикой и правом. Благодаря этим связям удаётся согласовывать разные сферы жизни общества и делать их более целостными [10; 8].

С другой стороны, по Парсонсу, любые социальные конфликты говорят о том, что в системе что-то работает не так, есть дисфункция [14]. И здесь инклюзия как раз помогает улаживать такие конфликты, которые возникают из-за нарушения прав людей с инвалидностью. Получается, что инклюзивное образование не просто помогает людям влиться в общество, но и поддерживает в нём порядок и спокойствие.

Согласно теории социетальной реакции, предложенной Г. Беккером и Э. Лемертом, человека с серьёзными нарушениями здоровья общество часто воспринимает как девианта, человека, который не вписывается в общепринятые нормы. Навешивают «ярлык», и в итоге человек оказывается исключённым из многих важных сфер жизни, например, из системы образования. Вот так и работает механизм социальной эксклюзии.

В контексте реализации инклюзивных практик попытки внедрения инклюзивного обучения сталкиваются с рядом проблем, основной из которых являются негативные стереотипы об инвалидах. Преодоление этих стереотипов требует комплексного подхода, включающего как образовательные, так и социальные меры, направленные на изменение общественного сознания, особую роль играют при этом управленческие параметры социальной политики государства [9; 11; 12].

В отечественном научном дискурсе [7] социальную инклюзию зачастую совершенно неоправданно сводят к понятию образовательной инклюзии, сужая до инклюзии несовершеннолетних с ОВЗ (ограниченными возможностями здоровья) в сфере образования, тогда как она предполагает значительно более широкий спектр действий: включенность в группу, в деятельность, чувство включенности, эмоциональный контакт с окружающим миром, применительно к достаточно широкому спектру социальных групп, находящихся в той или иной трудной жизненной ситуации (ТЖС).

Формирование социальных границ через парадигму «свой - чужой» - это базовый механизм объединения людей в любом обществе. Он основывается на постоянной социальной категоризации, в процессе которой социум, оценивая различные характеристики (пол, возраст, этническую принадлежность, религию, социальный статус, уровень образования и т. д.), неосознанно делит людей на тех, кто близок («свои»), и тех, кто находится на расстоянии («чужие»). Психологическая основа этого процесса - механизм социальной эксклюзии: людей, чьи особенности воспринимаются как непривычные, нежелательные или опасные, общество склонно исключать из сферы близкого взаимодействия.

В отношениях между доминирующим обществом и «иным» (индивидом или группой, которые воспринимаются как отличающиеся) исторически сформировались несколько моделей взаимодействия. Эти модели представляют собой спектр - от деструктивных, которые основаны на отвержении, до конструктивных, которые направлены на включение. Деструктивные модели: сегрегация (принудительное разделение) и эксклюзия (полное исключение из социальных структур). Конструктивные модели: интеграция (встраивание при условии адаптации к нормам большинства) и инклюзия (изменение общества для признания и оценки разнообразия).

Сегрегация (от лат. segregatio - «отделение») представляет собой практику разделения людей или социальных групп по определённому признаку, а также результат такого разделения [6]. Одним из самых известных исторических примеров применения этого термина является расово-этническая дифференциация, которая существовала в XX веке в Южно-Африканской Республике (система апартеида) и в Соединённых Штатах Америки. В США институциональная расовая сегрегация продолжалась более двух столетий и была официально отменена только в 1964 году президентом Л. Б. Джонсоном. Однако, несмотря на законодательные изменения, сегрегационные практики в политической, социальной и частной сферах жизни сохранялись ещё на протяжении десятилетий [16].

Понятие социальной эксклюзии (от лат. exclusio - «исключение») можно трактовать с двух позиций: как нарушение или ограничение социальных связей индивида со стороны общества, препятствующее его полноценному участию в социальной жизни; а также как добровольный разрыв социальных связей самим индивидом, отказ от интегративного взаимодействия с обществом [3]. Результатом этих двух позиций неизбежно становится социальная изоляция.

Основоположником термина «социальная эксклюзия» стал Рене Лемуар - французский политический деятель, который в 1974 году начал использовать данное понятие для описания «групп риска»: лиц с физическими или ментальными ограничениями, лиц суицидального поведения, а также пожилых и инвалидов [5]. Эксклюзия первоначально применялась в экономических исследованиях бедности и ее влияния на состояние рынка труда, поднимался вопрос о важности не только экономического, но и социального аспекта маргинализации. Это определение послужило основой для интерпретации эксклюзии, как многогранного явления, выходящего за рамки бедности и затрагивающее ограничение гражданских, политических и культурных прав личности. Рассмотрим основные формы социальной изоляции (рис 1).

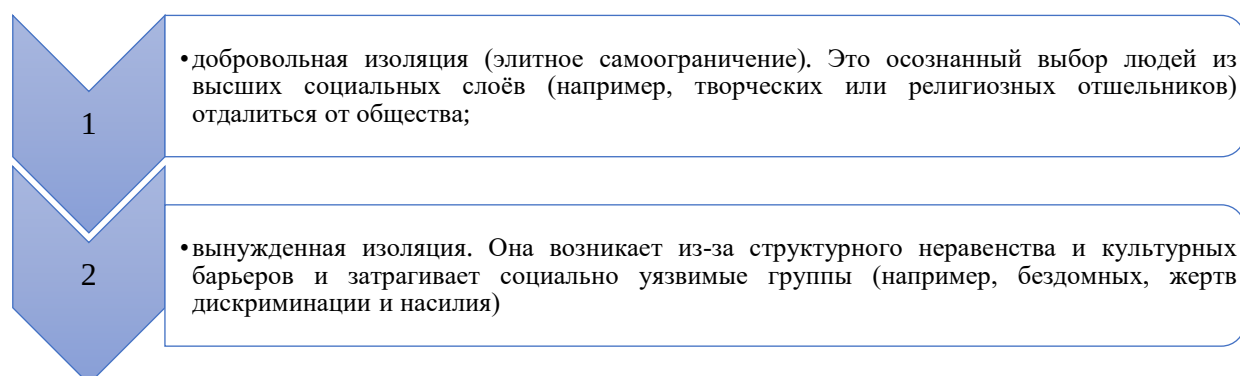

Рисунок 1 - Формы социальной изоляции

Социальная изоляция - явление неоднозначное. Её интенсивность и формы могут сильно различаться в зависимости от конкретного социально-исторического контекста.

Одна из форм - системное неравенство, которое создают доминирующие группы или целые институты, намеренно устанавливая неравные условия доступа к ресурсам, по половому признаку, инвалидности, социальному классу. Классический пример - гендерный разрыв в зарплате. Это, по сути, структурная дискриминация в трудовой сфере.

Другой вариант - прямое ограничение прав и доступа к общественным благам. Возьмём статус «неграждан» в некоторых странах: люди живут на территории, но у них нет ни политических, ни гражданских прав. Полноценно участвовать в жизни общества они не могут. Или ещё нагляднее - прямые барьеры. Скажем, в США до середины XX века повсюду висели таблички «только для белых» в кафе, туалетах, поездах. А в сословных обществах выходцам из низших слоёв зачастую запрещали учиться. Самыми радикальными проявлениями считаются целенаправленные репрессии, вплоть до физического уничтожения. Геноцид, Холокост - в данных случаях изоляция переходит в массовые убийства. Это уже

крайняя степень исключения. В науке и на практике людей, оказавшихся в изоляции, называют жертвами социальной изоляции.

Примечательно, что Ф.М. Бородкин предлагает анализировать связь между эксклюзией и инклюзией через понятие депривированности. Но важен тот факт, что в его понимании депривация - это не объективная обделённость. Это скорее субъективное ощущение. Человек или группа чувствуют себя отчуждёнными, выброшенными из общества. И именно эти внутренние переживания, эти барьеры запускают реальный процесс эксклюзии. Формально права есть, а воспользоваться ими невозможно [5].

В научном поле понятию социальной эксклюзии противопоставлены интеграция и инклюзия. Интеграция (от лат. *integratio* восстановление, восполнение; лат. *integer* - целый) - процесс установления оптимальных связей между относительно самостоятельными социальными объектами (индивидуумами, социальными группами, сообществами, странами), превращение их в целостную систему с согласованными на основе общих целей и интересов частями [16].

Когда говорят об интеграции уязвимых групп населения, то ключевым является вопрос распределения ответственности. Сам процесс интеграции чаще всего предполагает включение всех социальных групп: семьи, государства, самого индивида - в социум. На практике интеграционная модель очень схожа с процессом ассимиляции. Это значит, что основная нагрузка по адаптации к социальным изменениям и преодолению барьеров ложится на индивида. Он должен, опираясь на имеющиеся социальные ресурсы, встраиваться в существующую социальную действительность. Подобный подход не предполагает коренных изменений системы - меняться должен тот, кто нуждается в интеграции.

Многие западные научные подходы, особенно в русле структурного функционализма, трактуют социальную интеграцию через такие понятия, как устойчивость системы, внутренняя упорядоченность и общность ценностных ориентиров. По Т. Парсонсу [14], интеграция является важнейшим инструментом социализации. Человек усваивает общепринятые нормы через взаимодействие с «значимыми другими» - это называется интернализацией. В итоге внешние требования социума как бы вырастают во внутренние установки личности, а всё потому, что разные подсистемы общества работают согласованно.

Т. Парсонс в контексте изучения понятия интеграции связывал ее с диалектикой, суть которой заключалась в следующем: у каждого индивида присутствует автономия, однако нельзя отрицать взаимосвязь людей как элементов большой социальной системы. Процесс интеграции помогает человеку преодолеть ощущение отчужденности от группы путем формирования поведения, которое будет одобрено большинством.

Несмотря на ряд общих характеристик, между понятиями «инклюзия» и «интеграция» нельзя поставить знак равенства. Интеграция предполагает изменение конкретного индивида, его внутреннюю работу для адаптации к имеющейся социальной реальности. Инклюзия, напротив, перестраивает социальную систему так, чтобы в неё были включены все люди, независимо от любых различий и невзирая на барьеры, с которыми приходится постоянно бороться, а также помогает лицам с особыми потребностями защитить и реализовать их права [4].

Таким образом, социальная инклюзия (от английского глагола 'include' со значением «включать» латинского происхождения, от глагола *includere* – заключать, включать) [2] - это не просто процесс включения, а восстановление социальной справедливости. В ее основе лежит принцип взаимного приспособления. Нельзя не отметить, что инклюзивная методика может работать только в том случае, если не только индивид, но и все общество будет менять свои нормы, ценностные ориентации и стереотипное мышление, чтобы признать важность и нужность людей, имеющих ограничения с реализацией их прав и свобод. Инклюзия, базируясь на принципах равенства и гуманизма, стала полной противоположностью модели сегрегации, ведь теперь «нетипичность» рассматривается не как аномалия, а как вполне обычное социальное явление [15].

Научная литература трактует социальную инклюзию, исходя из двух основных

подходов: экологического и философского. Экологическая концепция, которая чаще встречается в европейском научном сообществе, основана на таких разделах, как экология, синергетика и кибернетика. Данный подход выделяет центральным элементом индивида: он является не пассивным объектом помощи, а активным субъектом, который может влиять на социальные процессы. Основная роль инклюзии, согласно данной концепции, в поддержании равновесия и согласования всех взаимодействующих объектов общества и формировании для них доступной и открытой среды.

Анализируя научный опыт, можно выделить два направления экологического подхода – системное и феноменологическое. Рассмотрим основные принципы экологического подхода (рис. 2).

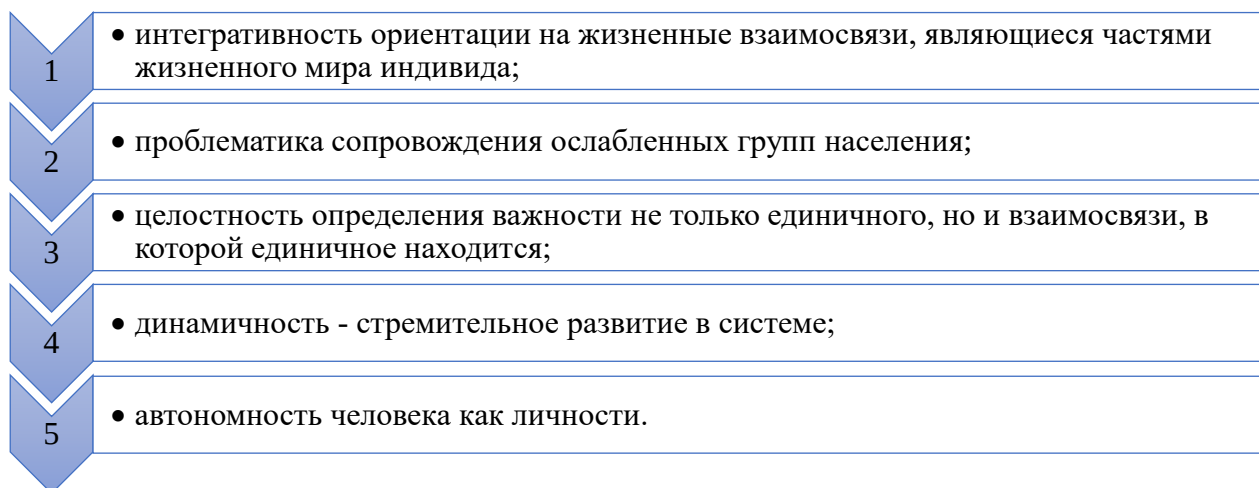

Рисунок 2 - Принципы экологического подхода

Среди основных направлений философского подхода наиболее выделяются персоналистский и социально-феноменологический.

Основатели персоналистского направления - К. Роджерс, Г. Олпорт и А. Маслоу, которые описывают структуру личности через три ключевых вектора развития: экстериоризацию (стремление к самореализации и выражению себя вовне), интериоризацию (акцент на внутренний мир и рефлексию) и трансценденцию (ориентацию на высшие, надличностные ценности и смыслы). Анализ этих векторов привёл к выводу о важности баланса между идентичностью людей, интегрированных в социальную систему, и идентичностью тех, кто оказывается вне её. Рассмотрим ключевые принципы современной концепции социальной инклюзии (рис. 3).

Эффективная реализация практик социальной инклюзии невозможна вне четко выстроенной системы государственного регулирования и целевого финансирования. В отличие от разрозненных благотворительных инициатив, системная инклюзия требует пересмотра строительных норм, образовательных стандартов, регламентов оказания услуг и, что наиболее важно, переформатирования общественного сознания с «медицинской» модели восприятия инвалидности на «социальную». В Российской Федерации данный переход ознаменовался ратификацией Конвенции ООН о правах инвалидов в 2012 году, что послужило мощным импульсом для модернизации внутреннего законодательства и запуска масштабных государственных программ.

Государственная программа «Доступная среда» начала действовать в 2011 году, а первый ее этап закончился в 2021 году. Сейчас идет второй этап ее реализации, который по плану должен продлиться до 2030 года. В первую очередь она призвана улучшить жизнь людей с инвалидностью, но в реальности она помогает всем.

У этой программы есть сразу несколько достаточно масштабных целей:

- сделать города более доступными для инвалидов и маломобильных граждан, дать им беспрепятственный доступ ко всем основным инфраструктурным объектам;

- адаптировать жилые пространства (например, общие зоны в многоквартирных домах) таким образом, чтобы инвалиды могли комфортно ими пользоваться;
- обеспечить социальное сопровождение тем категориям граждан, которым оно необходимо;
- предоставить равный доступ к информации всем гражданам, включая инвалидов по слуху и зрению;
- обеспечить равный доступ к образованию и реабилитационным услугам.

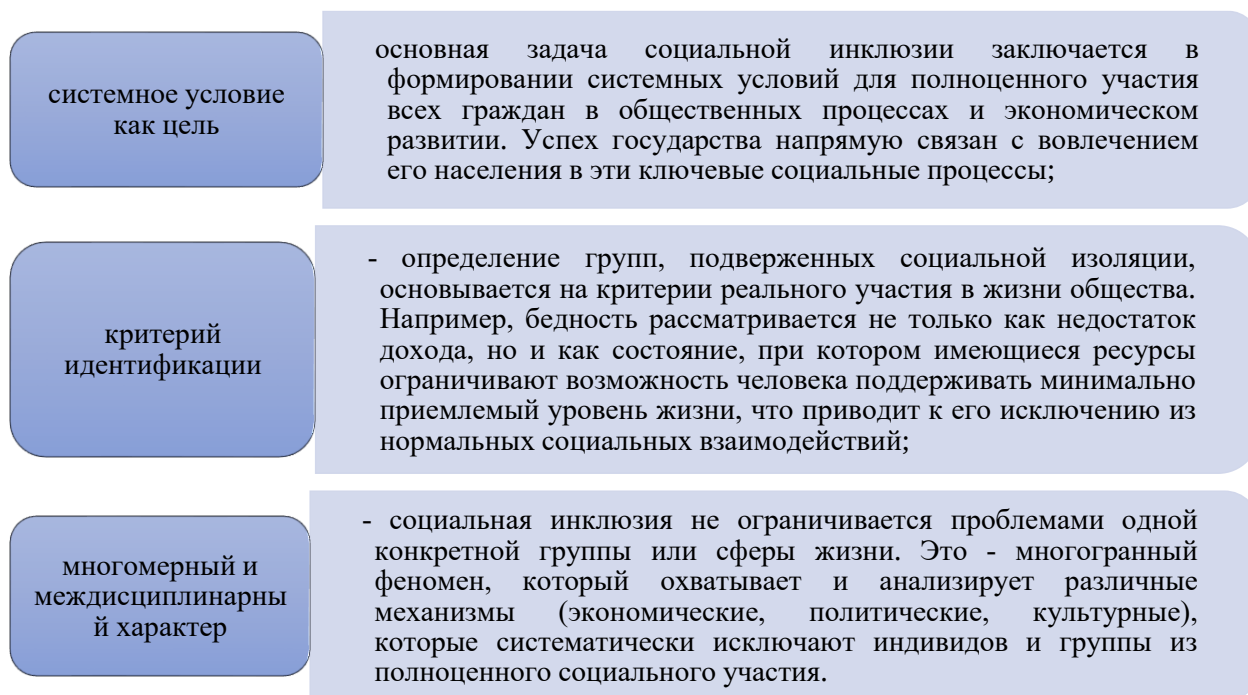

Рисунок 3 - Принципы концепции социальной инклюзии

В последние годы появляется все больше новых технологий, которые позволяют сделать среду более доступной и улучшить повседневный опыт пользователей с физическими ограничениями. Сюда можно отнести следующие инструменты и инновации:

- голосовые ассистенты: с помощью голосового ввода на телефоне или в умной колонке теперь можно найти любую информацию в интернете, позвонить нужному человеку, поставить музыку или послушать книгу — и все это без необходимости вставать или даже брать в руки смартфон; это открывает массу возможностей для людей с особыми потребностями;

- системы умного дома: на ту же умную колонку можно «завязать» множество повседневных действий, то есть голосовой командой можно включить свет, открыть шторы, поставить кипятиться чайник или изменить температуру на кондиционере, что позволяет серьезно упростить быт и сделать пребывание дома более комфортным;

- продвинутые карты: многие сервисы с городскими картами теперь предлагают расширенный функционал, позволяющий построить безбарьерный маршрут по городу, однако пока такие опции доступны не везде, но это вопрос времени;

- носимые устройства: современные смарт-часы и даже некоторые телефоны оснащены дополнительными функциями: мониторингом физических параметров (пульса, уровня кислорода в крови, давления), датчиками падения или удара, тревожными кнопками, позволяющими моментально вызвать экстренные службы в случае необходимости; все это позволяет людям с особенностями здоровья вовремя получать помощь, когда им это требуется.

Еще один важный пункт программы - создание равных возможностей для доступа к образованию, культурному и интеллектуальному развитию. Это достигается за счет целого

комплекса мер:

- в школах, вузах, театрах, библиотеках, филармониях и других учреждениях устанавливают пандусы и лифты для беспрепятственного входа, а также оборудуют туалеты для инвалидов;
- туристические объекты адаптируют под потребности людей с инвалидностью;
- в школах создают специальные классы, позволяющие интегрировать детей с инвалидностью в коллектив и дать им полноценное среднее образование;
- для слабовидящих людей выпускают специальные учебные пособия;
- в образовательном процессе используют специальные технические средства (компьютеры, проекторы, планшеты и так далее).

Все это помогает создать условия, в которых люди с инвалидностью или ограниченными возможностями здоровья могут быть полноценными членами общества, получать образование, культурно развиваться и заниматься интересными им вещами. «Доступная среда» - одна из самых важных и ценных госпрограмм, которая при правильной реализации действительно помогает сделать города более комфортными для каждого жителя.

ГБУ «КЦСОН г. Брянска» является площадкой для реализации потребности пожилых граждан в социализации и самовыражении путем участия в клубе «Активное долголетие», где организуются различные мероприятия, концерты, круглые столы, организованные поездки в музеи и пр. Данная инициатива появилась в рамках регионального проекта «Старшее поколение», который является частью Национального проекта «Семья» [1].

Одним из эффективных инструментов реализации регионального проекта «Старшее поколение» на территории Брянской области является деятельность «Университета третьего возраста» (УТВ) [13]. Такой вид работы нацелен на поддержания активного долголетия, повышения качества жизни и социальную адаптацию пожилых граждан через просветительские и культурно-массовые мероприятия, а также курсовое обучение по конкретным образовательным направлениям. Анализ деятельности таких университетов на базе государственных бюджетных учреждений позволяет выявить конкретные механизмы работы с людьми «серебряного» возраста. Примечательно, что эта модель может быть полезна и для других регионов.

В Брянской области «Университеты третьего возраста» действуют почти в каждом муниципальном районе и городском округе. Созданы они при местных КЦСОН. В самом Брянске проект работает на базе отделения дневного пребывания и социальной реабилитации ГБУ «КЦСОН г. Брянска». Что немаловажно, ключевая цель здесь - дать пожилым людям возможность бесплатно получать новые знания и навыки. Это помогает им не только адаптироваться к современным реалиям, но и обрести уверенность в себе, сделать свою жизнь более насыщенной и интересной.

Примечательно, что перечень направлений обучения не застыл раз и навсегда - он меняется в зависимости от того, что нужно самим слушателям и какие специалисты могут быть привлечены. В 2017 году, к примеру, при сотрудничестве с Брянской областной научной универсальной библиотекой им. Ф.И. Тютчева основной упор сделали на информационно-просветительскую и психологическую поддержку.

Сейчас Университет включает шесть факультетов: истории и культуры; основ правовой и финансовой грамотности; православия; информационных технологий; здоровья; краеведения и туризма.

Но обучение, что важно, не сводится к одним лишь аудиторным занятиям. Активно практикуются выездные экскурсии. Например, в 2018 году слушатели факультета православия посетили Бело-Бережскую Иоанно-Предтеченскую мужскую пустынь. А слушатели из других районов области съездили в Свенский монастырь и Оптину пустынь. Деятельность «Университета третьего возраста» способствует и расширению кругозора, и сохранению культурно-исторического наследия одновременно.

Важно отметить, что деятельность «Университета третьего возраста» тесно вписана в

общую работу Центра с пожилыми людьми. Как правило, слушатели УТВ - это одновременно и участники других клубов по интересам, к примеру клуба «Серебряный возраст». Такая связь позволяет говорить о комплексном подходе специалистов в организации досуга и социальной коммуникации. Также, важно отметить межведомственное взаимодействие: К проведению занятий привлекают самых разных специалистов: сотрудников библиотек, преподавателей вузов, медицинских работников, юристов. Без этого взаимодействия не получилось бы охватить все потребности пожилых людей.

Таким образом, анализ работы «Университета третьего возраста» на базе ГБУ КЦСОН г. Брянска показывает: модель работает, и работает эффективно, с высокой социальной отдачей. Она решает ключевые задачи государственной политики в сфере активного долголетия, а именно помогает преодолевать социальную изоляцию пожилых людей, успешно адаптироваться в быстро меняющемся мире (в том числе через освоение информационных технологий), поддерживать физическое и психологическое здоровье, а также формировать позитивное отношение к поздним этапам жизни.

Примечательно, что этот опыт вполне можно тиражировать в других регионах, разумеется, с учётом местной специфики.

Авторами статьи было проведено социологическое исследование в феврале 2026 года с целью выявить уровень удовлетворенности граждан применением технологий социальной инклюзии в учреждениях социальной защиты г. Брянска.

Задачами явились следующие: 1) выявить основные проблемы, с которыми сталкиваются получатели социальных услуг; 2) изучить мнение получателей социальных услуг о мерах, необходимых для повышения эффективности оказания услуг по социальной инклюзии; 3) провести оценку уровня удовлетворенности качеством обслуживания в организации; 4) изучить мнение респондентов о профессиональной компетентности и квалификации сотрудников, предоставляющих услуги в учреждении.

Объектом исследования послужили клиенты ГБУ «КЦСОН г. Брянска», нуждающиеся в социальной инклюзии. Предметом исследования является уровень удовлетворенности технологиями социальной инклюзии, реализуемыми в учреждениях социальной защиты. Гипотезой стало предположение, что большинство получателей социальных услуг по социальной инклюзии в г. Брянске довольны качеством обслуживания в учреждениях социальной защиты.

Генеральная совокупность - все получатели услуг в сфере социальной инклюзии Брянской области (18-75 лет) 130.000 человек. Выборочная совокупность - круг лиц в количестве 20 человек в возрасте от 18 до 75 лет, клиенты ГБУ «КЦСОН г. Брянска».

Был выбран социологический метод исследования в виде анкетирования, обработка и анализ полученных результатов происходила с помощью методов математической обработки данных.

Представим кратко результаты исследования, начиная с того, кто из респондентов оказался получателем услуг по социальной инклюзии. Выявлены представители таких социальных групп, как пожилые граждане (их оказалось больше всего, а именно 55% от количества всех респондентов), инвалиды (40% от числа всех респондентов), а также лица, освобожденные из мест лишения свободы (их оказалось меньше всего, а именно 5% от числа всех респондентов). Анализируя эти показатели, следует отметить, что процентное соотношение респондентов напрямую соотносится с профилем ГБУ «КЦСОН г. Брянска».

Следующий вопрос касался получения респондентами услуг по социальной инклюзии, ответы на который распределились следующим образом. 35% от общего числа респондентов выбрали вариант «образовательные или досуговые программы по социальной инклюзии», 30% от общего числа респондентов выбрали вариант ответа «услуги сиделок и сопровождаемого проживания», 15% от общего числа респондентов – «социальное сопровождение (помощь в оформлении документов, консультации)», два других варианта ответа «психологическая поддержка» и «трудоустройство или профобучение для уязвимых групп» выбрано равным количеством респондентов, а именно по 10%.

В социологическом исследовании задавался вопрос и об использовании цифровых технологий для получения социальных услуг, благодаря которому выяснилось, что больше половины респондентов, а именно 60%, пользуются, а 40% не используют цифровые технологии. Этот результат показал, что онлайн-платформы для оказания социальных услуг адаптированы для людей с особыми потребностями, однако значительная доля респондентов, выбравших ответ «нет», подтверждает важность более глубокого изучения и практического применения цифровых систем в социальной инклюзии.

В следующем вопросе предполагалось узнать мнение респондентов о достаточности информированности населения о правах людей с особыми потребностями. Большинство респондентов, а именно 65%, выбрали вариант ответа «да», вариант ответа «нет» был выбран 35% респондентов, затруднились с ответом 5% от общего числа респондентов. Распределение вариантов ответов свидетельствует как о том, что динамика развития социальной инклюзии носит позитивный характер (более половины респондентов считает, что имеющийся уровень информированности достаточный), так и о том, что необходима всё же модернизации процессов поступления информации о правах маломобильных групп населения (считают недостаточным уровень информированности всё же значительная часть, а именно 35% от общего числа респондентов).

Далее предлагалось высказать мнение об общем уровне доступности услуг по социальной инклюзии (например, социальное сопровождение, помощь в трудоустройстве, адаптационные программы). 55% от общего числа респондентов посчитали этот уровень высоким, 40% оценили уровень как средний, а 5% от общего числа респондентов затруднились с ответом. Анализ ответов на этот вопрос показал прерывистый уровень доступности социальной инклюзии, заключающийся в формальном наличии услуг, которые не всегда подбираются индивидуально конкретному клиенту.

На вопрос «Как вы оцениваете физическую доступность учреждений, предоставляющих услуги по социальной инклюзии (здания, подъездные пути, остановки транспорта, пандусы, тактильные указатели, поручни)?» ответы распределились следующим образом: 90% (большинство) ответили, что «учреждения оснащены и адаптированы» остальные 10% выбрали вариант «учреждения физически малодоступны/недоступны». Такой результат свидетельствует о высоком уровне оснащения учреждений, предоставляющих услуги по социальной инклюзии для маломобильных граждан.

На вопрос «Имеете ли вы возможность получить консультацию по вопросам социальной инклюзии?» большинство респондентов (85%) выбрали вариант «Да», 10% - «Нет», 5% затруднялись ответить. Данный результат свидетельствует о формальной доступности консультационных услуг для подавляющего большинства опрошенных, однако необходимо изучить долю респондентов (10%), которые в силу различных причин (территориальных, информационных, институциональных барьеров) не имеют такой возможности.

На вопрос «Удовлетворены ли вы качеством предоставляемых социальных услуг для пожилых людей?» 60% опрошенных ответили «Да», 15% - «Нет», 25% затруднялись ответить. Высокая доля респондентов, выбравших вариант «затрудняюсь ответить» (25%) обусловлена многомерностью социальных групп опрошенных, ведь помимо пожилых граждан участвовали представители таких групп, как инвалиды и лица, освобожденные из мест лишения свободы.

На вопрос «Насколько услуги по социальной инклюзии, по вашему мнению, помогают улучшить качество жизни людей, которые в них нуждаются?» ответы распределились следующим образом: 55% опрошенных выбрали вариант «Значительно помогают», 40% - «Умеренно помогают», 5% затруднялись ответить. Данный результат свидетельствует, что подавляющее большинство респондентов (95% от тех, кто определился с ответом) признают наличие положительного эффекта от услуг по социальной инклюзии, что само по себе является важным индикатором востребованности и воспринимаемой полезности таких программ.

На вопрос «Готовы ли вы лично участвовать в развитии инклюзивной среды в вашем сообществе?» большинство респондентов ответили «Да»(80%), 15% - «Нет», 5% затруднились ответить. Данный результат свидетельствует о высоком уровне гражданской готовности к участию в развитии инклюзивной среды: 80% респондентов выразили согласие на персональное участие. Тем не менее, при анализе этого показателя в контексте социальной инклюзии необходимо провести его критическую оценку. Также, важно отметить такое явление, как «эффект социальной желательности», суть которого в ответах респондентов, которые соответствуют не их личному мнению, а требуемым общественным ожиданиям.

Таким образом, по результатам проведенного социологического исследования можно сделать следующие выводы: во-первых, большинство участников опроса - пожилые граждане, что обусловлено направленностью учреждения (пенсионеры являются основной аудиторией ГБУ Брянской области «КЦСОН г. Брянска»); во-вторых, основной интерес пожилых граждан и лиц с ОВЗ сосредоточен на досуговых и образовательных инициативах (35%) и услугах сиделки (30%). Трудоустройство и психологическая поддержка интересуют их значительно меньше (по 10% соответственно). Такое соотношение говорит о преимуществе решения проблемы одиночества и бытовой поддержки над реабилитацией и адаптацией; в-третьих, 80% респондентов готовы лично принимать участие в формировании инклюзивного общества, что может значительно помочь деятельности учреждения. Помощь и поддержка одного клиента другому может сделать для отдельного человека больше, чем работа ряда штатных психологов.

Ответы респондентов свидетельствуют о положительной динамике развития социальной инклюзии на базе ГБУ Брянской области «КЦСОН г. Брянска», однако работа по модернизации индивидуализированной помощи более удаленным маломобильным группам требует временных и технологических затрат.

Основываясь на результатах проведенного социологического исследования и изучения теории и практики отечественной социальной инклюзии, авторы статьи разработали рекомендации по оптимизации работы ГБУ Брянской области «КЦСОН г. Брянска» в сфере социальной инклюзии.

Во-первых, необходимо повысить уровень информированности населения о людях с особыми потребностями, а также менять общее стереотипное отношение к ним. Необходимо освещать в СМИ, сети Интернет и прочих источниках конкретные примеры инклюзивного взаимодействия людей в социальном пространстве. Общественность должна перестать бояться «людей с уязвимостями», в школах необходимо проводить лекции, так называемые «уроки человеколюбия».

Во-вторых, важно проработать барьер физической недоступности клиентов в сфере социальной инклюзии – вариантом решения данной проблемы можно предложить выездные бригады на базе ГБУ Брянской области «КЦСОН г. Брянска», которые смогут помочь маломобильным гражданам, которые по тем или иным причинам испытывают трудности в передвижении, почаще выезжать из дома, участвовать в культурно-досуговых мероприятиях. Из тех же побуждений необходимо провести совместное обследование зданий КЦСОН и социально значимых объектов города с участием самих инвалидов-колясочников и незрячих людей (экспертов по доступности). Целью аудита является выявление комплексных «точек отказа»: узкие дверные проёмы, высокие пороги, отсутствие тактильной плитки или индукционных петель для слабослышащих.

В-третьих, можно рекомендовать больше внедрить волонтерский сектор в работу ГБУ Брянской области «КЦСОН г. Брянска». Необходимо разработать и внедрить программу подготовки волонтеров из числа активных пожилых людей и инвалидов с лёгкими формами заболеваний. Обученный волонтер может помочь соседу дойти до поликлиники, освоить навыки самообслуживания, оказать моральную поддержку. Это даст клиентам возможность быть не только получателями, но и участниками процесса.

В-четвертых, важно работать над конкретизацией каналов информирования клиентов.

Можно попробовать отказаться от размещения общей информации на стенде, при этом перейти к распространению целевых памяток через социальных работников, участковых терапевтов, в отделениях Почты России и на информационных стойках в МФЦ. Каждая памятка должна быть посвящена одной конкретной услуге (например, «Как получить электронный сертификат на ТСР» или «Компенсация за уход за инвалидом I группы»). Данный формат поможет клиентам быстрее разобраться с интересующими их вопросами.

Таким образом, внедрение данных рекомендаций в практику социальной работы ГБУ Брянской области «КЦСОН г. Брянска» позволит оптимизировать работу учреждения в сфере социальной инклюзии, а также данное исследование обращает внимание на существующую проблему уязвимых категорий людей, и, возможно, побудит других исследователей заняться изучением технологий социальной инклюзии как части общей социальной работы.

Список использованных источников

1. Аверин, А. Н. Национальный проект «Семья» на 2025-2030 годы / А. Н. Аверин, А. В. Понеделков, А. Ш. Самгунов // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. – 2025. – № 4. – С. 13-17. – DOI 10.24412/2220-2404-2025-4-1.
2. Алёхина С. В., Шеманов А. Ю. Философские и методологические основы инклюзивного образования: учебно-методическое пособие / С. В. Алёхина, А. Ю. Шеманов. – М. : ФГБОУ ВО МГППУ, 2022. – 218 с.
3. Астоянц, М. С. Социальное исключение: новый синоним бедности или новые смыслы? / М. С. Астоянц // Известия высших учебных заведений. Северо-Кавказский регион. Общественные науки. – 2006. – № S18. – С. 2-4.
4. Афонькина, Ю. А. Теоретическое конструирование социальной инклюзии лиц с инвалидностью / Ю. А. Афонькина, Г. В. Жигунова // Современные исследования социальных проблем (электронный научный журнал). – 2016. № 11-1. – С. 278-296. – DOI 10.12731/2218-7405-2016-11-278-296.
5. Бородкин, Ф. М. Социальные эксклюзии / Ф. М. Бородкин // Социологический журнал. – 2000. – № 3-4. – С. 5-17.
6. Воеводина, Е. В. Адаптационные стратегии в российских вузах: от сегрегации к инклюзии / Е. В. Воеводина // Вестник Московского государственного гуманитарно-экономического института. – 2013. – № 4(16). – С. 044-051.
7. Киричек, П. Н. Дискурс масс-медиа в периметре социального управления / П. Н. Киричек // Современный дискурс-анализ. – 2018. – № 3-2(20). – С. 218-225.
8. Киричек, П. Н. Коллизии «визуальности – духовности» в межкультурной коммуникации / П. Н. Киричек // Знание. Понимание. Умение. – 2016. – № 1. – С. 167-177. – DOI 10.17805/zpu.2016.1.13.
9. Киричек, П. Н. Под знаком фигуры умолчания Информационный фактор административной реформы / П. Н. Киричек // Социология власти. – 2009. – № 4. – С. 16-27.
10. Киричек, П. Н. Социокультурный модус рекламной коммуникации / П. Н. Киричек // Реклама и связи с общественностью: традиции и инновации. Том Часть 1. – Ростов-на-Дону: Ростовский государственный университет путей сообщения, 2015. – С. 53-62.
11. Киселев, А. Г. Периметр государственного управления: проблема основного звена / А. Г. Киселев, П. Н. Киричек // Власть. – 2015. – № 12. – С. 5-11.
12. Киселев, А. Г. Реальные и номинальные коллизии в арсенале государственного управления / А. Г. Киселев, П. Н. Киричек // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Социология. – 2016. – Т. 16, № 3. – С. 510-518.
13. Лифанова, Т. Е. Досуговые методы социальной работы с пожилыми людьми как адаптивная технология / Т. Е. Лифанова, Ж. В. Кривоносова // Коллекция гуманитарных исследований. – 2021. – № 3(28). – С. 28-35. – DOI 10.21626/j-chr/2021-3(28)/4.
14. Парсонс, Т. О структуре социального действия / Т. Парсонс // под общей ред. В.

Ф. Чесноковой и С. А. Белановского. Изд. 2-е. – М. : Академический проект, 2002. – 880 с.

15. Трутаева А. В. Ориентиры социальной инклюзии / А. В. Трутаева // Право и государство: теория и практика. – 2023. – № 2 (218). – С. 61–63.

16. Шайкевич, М. В. Понятие и предпосылки инклюзии / М. В. Шайкевич // Евразийский союз ученых. – 2014. – № 8-4. – С. 55-57.

Сведения об авторах

Шилина Светлана Александровна – доктор социологических наук, доцент, профессор кафедры психологии, социологии и социальной работы Брянского государственного университета имени академика И.Г. Петровского. E-mail: supershili2012@yandex.ru. Рабочий телефон: + 84832 580520 (1231)

Дмитриева Марьяна Андреевна - студент направления подготовки 39.03.02 Социальная работа факультета педагогики и психологии Брянского государственного университета имени академика И.Г. Петровского. E-mail: ivanivanov1345435@mail.ru.

Шилин Андрей Михайлович - магистрант направления подготовки «Менеджмент в образовании» факультета педагогики и психологии Брянского государственного университета имени академика И.Г. Петровского. E-mail: supershilin2012@yandex.ru.

UDC 316.4.06:14

OPTIMIZATION OF SOCIAL INCLUSION MECHANISMS FOR VULNERABLE CATEGORIES OF CITIZENS

Shilina S.A., Dmitrieva M.A., Chavgun D.L.

Bryansk State Academician I.G. Petrovski University, Bryansk

The article discusses the current issues of a comprehensive analysis of social inclusion technologies and the level of their implementation in social protection institutions. The authors conducted a theoretical analysis, which allowed them to conclude that the concept of «inclusion» is transforming: from the «integration» model (where individuals adapt to the existing environment), modern society is moving towards the «inclusion» model (where the environment and society are designed to meet the needs of everyone, including people with disabilities, the elderly, migrants, graduates of orphanages, and other vulnerable groups). It has been established that the key barrier today is not so much physical (architectural inaccessibility) as socio-psychological and communicative (stigmatization, low level of inclusive culture, lack of a request for equal participation). The article reflects the results of a sociological study conducted in order to provide a more detailed analysis of social inclusion technologies with various categories of citizens in the Bryansk Region State Budgetary Institution «Bryansk City Social Services Center». The analysis of the respondents' answers revealed current problematic issues and ways to solve them. The authors' conclusions are as follows: the predominant social group of respondents was elderly citizens, as this category of clients is the main one at the Bryansk City Social Services Center; for the vast majority of clients, the primary concern is not so much rehabilitation and adaptation, but rather overcoming feelings of loneliness and providing necessary household support; institutions that not only provide services but also organize interaction between clients can significantly expand their reach without requiring additional staff; only a comprehensive approach to inclusive assistance for a specific client in a specific problematic situation can ensure maximum effectiveness.

Keywords: inclusion, sociological research, vulnerability, disabled people, social sphere, social isolation, people released from prisons, elderly people

References

1. Averin, A. N. National Project «Family» for 2025-2030 / A. N. Averin, A. V. Ponedelkov, and A. Sh. Samgurov // Humanities, Social Sciences, and Economics. – 2025. – No. 4. – Pp. 13-17. – DOI 10.24412/2220-2404-2025-4-1.

2. Alyokhina S. V., Shemanov A. Yu. Philosophical and methodological foundations of inclusive education: educational and methodological manual / S. V. Alyokhina, A. Yu. Shemanov. – М. : FGBOU VO MGPPU, 2022. – 218 p.

3. Astoyants, M. S. Social exclusion: a new synonym for poverty or new meanings? / M. S.

// Izvestiya vysshikh uchebnykh zavedeniy. Severo-Kavkazskiy region. Social Sciences. 2006. No. S18. Pp. 2-4.

4. Afonkina, Yu. A. Theoretical Construction of Social Inclusion of Persons with Disabilities / Yu. A. Afonkina, G. V. Zhigunova // Modern Research of Social Problems (electronic scientific journal). – 2016. No. 11-1. – Pp. 278-296. – DOI 10.12731/2218-7405-2016-11-278-296.

5. Borodkin, F. M. Social Exclusions / F. M. Borodkin // Sociological Journal. – 2000. – No. 3-4. – Pp. 5-17.

6. Voevodina, E. V. Adaptation strategies in Russian universities: from segregation to inclusion / E. V. Voevodina // Bulletin of the Moscow State Institute of Humanities and Economics. – 2013. – No. 4(16). – Pp. 044-051.

7. Kirichek, P. N. Mass Media Discourse in the Perimeter of Social Management / P. N. Kirichek // Modern Discourse Analysis. – 2018. – No. 3-2(20). – Pp. 218-225.

8. Kirichek, P. N. Collisions of «Visuality – Spirituality» in Intercultural Communication / P. N. Kirichek // Knowledge. Understanding. Ability. – 2016. – No. 1. – Pp. 167-177. – DOI 10.17805/zpu.2016.1.13.

9. Kirichek, P. N. Under the Sign of the Figure of Silence: The Informational Factor of Administrative Reform / P. N. Kirichek // Sociology of Power. – 2009. – No. 4. – Pp. 16-27.

10. Kirichek, P. N. Sociocultural Mode of Advertising Communication / P. N. Kirichek // Advertising and Public Relations: Traditions and Innovations. Volume Part 1. – Rostov-on-Don: Rostov State Transport University, 2015. – P. 53-62.

11. Kiselev, A. G. The Perimeter of Public Administration: The Problem of the Main Link / A. G. Kiselev, P. N. Kirichek // Vlast. – 2015. – No. 12. – Pp. 5-11.

12. Kiselev, A. G. Real and nominal collisions in the arsenal of public administration / A. G. Kiselev, P. N. Kirichek // Bulletin of the Peoples' Friendship University of Russia. Series: Sociology. – 2016. – Vol. 16, No. 3. – Pp. 510-518.

13. Lifanova, T. E. Leisure Methods of Social Work with the Elderly as an Adaptive Technology / T. E. Lifanova, Zh. V. Krivonosova // Collection of Humanitarian Research. – 2021. – No. 3(28). – Pp. 28-35. – DOI 10.21626/j-chr/2021-3(28)/4.

14. Parsons, T. On the Structure of Social Action / T. Parsons // under the general editorship of V. F. Chesnokova and S. A. Belanovsky. 2nd edition. – Moscow: Academic Project, 2002. – 880 p.

15. Trutaeva A. V. Guidelines for Social Inclusion / A. V. Trutaeva // Law and State: Theory and Practice. – 2023. – No. 2 (218). – Pp. 61–63.

16. Shaykevich, M. V. The Concept and Prerequisites of Inclusion / M. V. Shaykevich // Eurasian Union of Scientists. – 2014. – No. 8-4. – Pp. 55-57.

Author s information

Shilina Svetlana Alexandrovna – Doctor of Sociology, Associate Professor, Professor of the Department of Psychology, Sociology, and Social Work of the Bryansk State University named after Academician I.G. Petrovsky. E-mail: supershili2012@yandex.ru. Work phone: + 84832 580520 (1231)

Dmitrieva Maryana Andreevna - is a student of the 39.03.02 Social Work program at the Faculty of Pedagogy and Psychology of the Bryansk State University named after Academician I.G. Petrovsky. E-mail: ivanivanov1345435@mail.ru.

Shilin Andrey Mikhailovich - Master's student in Educational Management at the Faculty of Pedagogy and Psychology of the Bryansk State University named after Academician I.G. Petrovsky. E-mail: supershilin2012@yandex.ru.

ПРАВО

УДК 347.132.6

**НЕДЕЙСТВИТЕЛЬНОСТЬ СДЕЛОК ПРИ НАЛИЧИИ ПОРОКОВ ВОЛИ:
ЭВОЛЮЦИЯ ПРАВОВЫХ ПОЗИЦИЙ ВЕРХОВНОГО СУДА
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ**

Демиева А.Г., Миронова Д.И.

Санкт-Петербургский государственный экономический университет, г. Санкт-Петербург

В статье исследуется изменение подходов Верховного Суда Российской Федерации к оспариванию сделок по статьям 177–179 ГК РФ с 2015 года по 31 июля 2026 года. Сопоставлены постановление Пленума № 25, определения по конкретным делам и Тематический обзор № 12/2026. Выявлен переход от проверки изолированного состава порока воли к оценке его распознаваемости контрагентом, точного момента волевого дефекта и последствий недействительности. Установлены пределы применения этого подхода.

Ключевые слова: Верховный Суд РФ, добросовестность, заблуждение, недействительность сделки, обман, порок воли, судебная экспертиза

DOI 10.22281/2542-1697-2026-05-03-95-102

Порок воли влечет недействительность сделки не как самостоятельная фактическая характеристика, а при доказанности состава, закрепленного законом. В Гражданском кодексе Российской Федерации (часть первая) от 30 ноября 1994 г. № 51-ФЗ (ред. от 10 июня 2026 г.) к предмету исследования относятся статья 177 о состоянии, исключающем способность понимать значение действий или руководить ими, статья 178 о существенном заблуждении и статья 179 об обмане, насилии, угрозе и кабальной сделке. Исследовательский вопрос состоит в том, как Верховный Суд Российской Федерации изменял критерии применения этих норм и какое место в их толковании заняла защита контрагента, не участвовавшего в формировании дефекта воли.

Нормативной отправной точкой служит Федеральный закон от 7 мая 2013 г. № 100-ФЗ «О внесении изменений в подразделы 4 и 5 раздела I части первой и статью 1153 части третьей Гражданского кодекса Российской Федерации». С 1 сентября 2013 г. он изложил статьи 178 и 179 ГК РФ в новой редакции и дополнил пункт 2 статьи 177 правилом о сделке гражданина, впоследствии ограниченного в дееспособности вследствие психического расстройства. По состоянию на 31 июля 2026 г. статьи 177–179 сохраняют эту редакционную основу. Поэтому рассматриваемые изменения относятся прежде всего к судебному толкованию, а не к последовательным поправкам закона.

Цель исследования – реконструировать развитие правовых позиций Верховного Суда РФ с 2015 года по 31 июля 2026 года и установить критерии разграничения статей 177, 178 и 179 ГК РФ. Применены формально-юридический метод, хронологическое сопоставление судебных актов и анализ фактических обстоятельств, признанных судом юридически значимыми. Источниковую основу составили постановление Пленума Верховного Суда РФ от 23 июня 2015 г. № 25, определения Судебной коллегии по гражданским делам от 23 мая 2023 г. № 48-КГ23-1-К7, от 14 января 2025 г. № 67-КГ24-13-К8, от 16 декабря 2025 г. № 5-КГ25-174-К2 и Тематический обзор Верховного Суда РФ № 12/2026.

Исследование ограничено оспоримыми сделками по статьям 177–179 ГК РФ. Сделки недееспособных и несовершеннолетних, мнимые и притворные сделки, корпоративные основания оспаривания и банкротные составы рассматриваются лишь тогда, когда их разграничение с заявленным пороком воли вошло в мотивировку Верховного Суда.

Понятие «порок воли» объединяет в доктрине различные основания недействительности сделок. С. А. Тарасенко разграничивает их в зависимости от источника дефекта - внутреннего состояния лица либо внешнего воздействия на формирование воли - и

отдельно рассматривает защиту контрагента, не осведомленного о таком дефекте [6, с. 64-68]. Эта классификация имеет доктринальный характер; при разрешении спора суд устанавливает признаки конкретного состава, предусмотренного ГК РФ.

Категории воли и волеизъявления являются фундаментальными для понимания сущности любой гражданско-правовой сделки. Именно через их согласованное единство проявляется действие принципа автономии воли участников гражданского оборота, позволяя признавать за сделкой юридическую силу и порождать те правовые последствия, на которые она направлена [5, с. 345–358]. Однако в тех случаях, когда между внутренним психическим отношением лица к совершаемому действию (волей) и внешним выражением этого отношения вовне (волеизъявлением) возникает расхождение, принято говорить о наличии порока, который может служить основанием для признания сделки недействительной. Притворные сделки в этом ряду занимают особое место, поскольку порок воли здесь носит специфический, двусторонний характер, требующий глубокого теоретического осмысления и тщательного анализа в правоприменительной практике.

В наиболее общем виде порок воли в гражданском праве определяется как ситуация, при которой воля участника сделки формируется не свободно, а под влиянием внешних факторов или иных лиц, в результате чего его истинное волеизъявление становится отражением не его собственной, а чужой воли, либо вовсе не соответствует его действительным намерениям [1, с. 216–222]. Применительно к притворным сделкам данная проблема приобретает особую остроту. Как справедливо отмечается в современной литературе, «притворная сделка считается недействительной, если подтверждено, что воля сторон на момент ее совершения не была направлена на установление соответствующих ей правовых последствий и прикрывает иную волю всех участников сделки». Следовательно, обязательным условием признания сделки притворной является «порочность воли каждой из ее сторон, причем эта порочность выражается не в ущемлении свободы формирования воли (как при насилии или угрозе), а в ее сознательном искажении, когда стороны добровольно, но неискренне выражают вовсе не то, к чему на самом деле стремятся».

Доказательственная задача также неоднородна. Е. А. Шапошников относит к личным доказательствам объяснения сторон и свидетельские показания и фиксирует отсутствие единообразия в их оценке по делам о воле сторон договора [7, с. 314 –319]. Для статьи 177 такие сведения могут описывать поведение лица, но наличие психического расстройства и его влияние на способность понимать действия требуют специальных знаний. Для статей 178 и 179 те же сведения могут подтверждать содержание сообщенной информации, характер угрозы, последовательность действий и осведомленность контрагента.

Статья 179 ГК РФ разделяет насилие или угрозу, обман и кабальную сделку. Для обмана третьего лица абзац третий пункта 2 требует, чтобы контрагент знал или должен был знать о воздействии; представительство, трудовая связь или содействие обманувшего лица другой стороне создают прямо названные законом основания считать ее осведомленной. Е. С. Петрова рассматривает активное сообщение ложных сведений и намеренное умолчание как формы обмана и связывает их правовое значение с умыслом и влиянием на решение о сделке [3, с. 298–300]. Эта доктринальная характеристика соответствует структуре пункта 2 статьи 179, но не освобождает истца от доказывания каждого элемента.

Последствия трех оснований также не совпадают. Пункт 3 статьи 177 ГК РФ отсылает к абзацам второму и третьему пункта 1 статьи 171: стороны возвращают полученное, а дееспособный контрагент возмещает реальный ущерб, если знал или должен был знать о соответствующем состоянии другой стороны. По пункту 6 статьи 178 реальный ущерб по общему правилу несет сторона, добившаяся недействительности, но распределение меняется при осведомленности контрагента или зависимости заблуждения от него. Пункт 4 статьи 179 предусматривает последствия статьи 167, возмещение убытков потерпевшему другой стороной и возложение на нее риска случайной гибели предмета сделки. Поэтому одинаковая двусторонняя реституция не устраняет различий в дополнительных имущественных требованиях.

Граница между статьями 177 и 178 определяется видом дефекта, а не степенью невыгодности сделки или необычностью поведения участника. Статья 177 относится к отсутствию способности понимать значение собственных действий либо руководить ими в момент волеизъявления. При заблуждении лицо сохраняет такую способность, но исходит из неверного представления об обстоятельстве, относимом к статье 178. Медицинские документы, показания о внушаемости или явно заниженная цена могут входить в общую доказательственную картину, однако сами по себе не определяют выбор между этими основаниями. Суду требуется соотнести доказанный факт с юридическим признаком заявленного состава.

Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 23 июня 2015 г. № 25 «О применении судами некоторых положений раздела I части первой Гражданского кодекса Российской Федерации» сформировало исходный этап судебного толкования. Пункт 98 допускает оспаривание сделки при насилии или угрозе со стороны третьего лица, если контрагент знал об этом, и распространяет защиту на угрозы близким лицам потерпевшего. Пункт 99 требует установить умысел обманувшего лица и причинную связь между обманом и решением заключить сделку. Наличие уголовного производства не названо условием иска; факты доказываются по общим процессуальным правилам.

Разъяснения 2015 года концентрировались на составе каждого основания. Из них нельзя вывести общее правило о недействительности любой сделки, совершенной под внешним психологическим воздействием. Для насилия и угрозы требуется установленное воздействие, для обмана – умысел и причинная связь, для существенного заблуждения – обстоятельство, относимое к пунктам 1–3 статьи 178 ГК РФ. Пункт 102 того же постановления относит к оспоримым сделкам годичный срок исковой давности, исчисляемый со дня прекращения насилия или угрозы либо со дня, когда истец узнал или должен был узнать об ином основании недействительности.

В определении от 23 мая 2023 г. № 48-КГ23-1-К7 Верховный Суд проверил квалификацию договора дарения, заключенного после обещания одаряемой ухаживать за тяжело больным дарителем. Иск был заявлен по статье 179 ГК РФ, однако апелляция признала договор притворным и прикрывающим пожизненное содержание с иждивением. Верховный Суд указал, что притворность предполагает общую направленность воли обеих сторон на прикрываемую сделку; намерения одного участника недостаточно.

И. П. Писков и А. А. Ягельницкий предложили доктринальную критику этого определения. По их позиции, ошибка в правовых последствиях сделки в принципе может быть существенной, хотя обстоятельства рассмотренного дела относились к внешнему мотиву или ментальной оговорке; авторы также допускают, что широкое толкование пункта 5 статьи 178 способно ослабить правила пункта 6 о распределении реального ущерба [4, с. 210–225]. Эта оценка обозначает спорный аспект решения, но не отменяет установленного Верховным Судом различия между намеренным совершением продажи и ошибкой относительно цели, ради которой продавец ее совершает.

Тематический обзор Верховного Суда Российской Федерации № 12/2026 «По делам, связанным с оспариванием сделок, повлекших переход права собственности на жилые помещения», утвержденный постановлением Президиума Верховного Суда РФ от 1 июля 2026 г. № 15А/2026, обобщил позиции 2022–2025 годов. В пункте 1 воспроизведено разграничение природы сделки и ее мотива; одновременно суд предписал оценивать объективную и субъективную добросовестность другой стороны и возможность распознать заблуждение. Равный объем защиты сторон назван самостоятельным ориентиром.

Пункт 2 Тематического обзора исключает прочтение позиции как безусловного приоритета покупателя. В другом деле продавцом была одинокая пожилая женщина, отчуждавшая единственное жилье по цене значительно ниже рыночной; стационарная комплексная экспертиза подтвердила искаженное представление о существовании сделки. Покупатель руководил агентством недвижимости, знал о ценовом отклонении и мог распознать заблуждение. Признание договора недействительным по статье 178 ГК РФ

оставлено в силе. Различие результатов объясняется установленными обстоятельствами распознаваемости, а не одной принадлежностью квартиры потерпевшему от мошенничества.

Распознаваемость в пунктах 1 и 2 Тематического обзора имеет объективную и субъективную стороны. К первой относятся содержание договора, цена, порядок расчетов, передача владения и внешняя последовательность действий продавца. Вторая охватывает профессиональный опыт покупателя, известные ему особенности продавца, непосредственное общение и роль посредников. Обзор не возлагает на каждого покупателя обязанность диагностировать психическое состояние контрагента. Суд устанавливает, имелись ли в конкретной сделке признаки, которые лицо с обычной осмотрительностью могло связать с существенным заблуждением.

Для статьи 177 ГК РФ Тематический обзор закрепил иной тест. Пункты 1.1, 3 и 5 требуют доказать неспособность понимать значение действий или руководить ими именно в момент сделки. Диагноз сам по себе не подтверждает такую неспособность: в одном из дел экспертиза установила ремиссию и сохранность соответствующих способностей. Когда вопрос требует специальных знаний, суд оценивает заключение эксперта наряду с другими доказательствами по статье 67 ГПК РФ, но не вправе заменить специальные выводы собственным суждением; сомнения устраняются дополнительной или повторной экспертизой. Отказ истца от необходимого исследования может повлечь отказ в иске.

Материалы уголовного дела не заменяют исследование, отвечающее предмету гражданского спора. В деле, включенном в пункт 1.1 Тематического обзора, истица отказалась от назначенной судом экспертизы и ссылалась на заключения, полученные в уголовном производстве; суды сочли состав статьи 177 недоказанным. Из этой позиции не следует абсолютная недопустимость любого уголовно-процессуального заключения как письменного материала. Его содержание должно отвечать вопросу о способности лица в момент конкретной сделки, а окончательная оценка проводится по правилам гражданского процесса.

Пункты 7 и 8 Тематического обзора развивают статью 179 ГК РФ применительно к обману со стороны третьих лиц. Сделка купли-продажи может быть оспорена, если покупатель знал или должен был знать об обмане. В приведенном деле осведомленность была выведена из участия одного риелторского агентства в организации продажи по указанию мошенника и в интересах покупателя. После признания сделки недействительной возврат квартиры продавцу не исчерпывает последствия: при состоявшихся взаимных предоставлениях суд обязан разрешить вопрос о возврате покупателю уплаченных денег, если закон прямо не допускает иного.

Б. Е. Потёмкин и А. О. Машовец исследовали 173 заключения комплексной судебной психолого-психиатрической экспертизы за 2020–2025 годы и рассчитали коэффициент вариации экспертных оценок 0,31 [5, с. 345–358]. Число 0,31 является результатом их выборки, а характеристика выявленного состояния как кризиса стандартизации – выводом авторов. Пределы генерализации зависят от способа отбора заключений; независимая проверка выборки в настоящем исследовании не проводилась. Работа подтверждает более узкое положение: заключение должно отвечать юридическому вопросу конкретного гражданского состава, а вывод о психологическом давлении не тождествен выводу о неспособности по статье 177 ГК РФ.

Хронологическое сопоставление дает трехэтапную авторскую реконструкцию. В 2015 году Пленум конкретизировал элементы специальных составов, прежде всего умысел, причинную связь и знание об обмане третьего лица. В определениях 2023–2025 годов Судебная коллегия потребовала точной квалификации и запретила заменять недоказанный порок воли притворностью, общим указанием на недобросовестность либо формулой об отсутствии воли. Определение от 16 декабря 2025 г. и Тематический обзор от 1 июля 2026 г. связали квалификацию с распознаваемостью дефекта другой стороной и с равным учетом имущественных интересов участников.

Эволюция не образует общего правила о сохранении любой сделки с добросовестным

контрагентом. Распознаваемость прямо включена в статью 178 ГК РФ и знание об обмане третьего лица – в статью 179; пункт 1 статьи 177 такого условия не содержит. Поэтому добросовестность приобретателя влияет на разные составы неодинаково. Общим для рассмотренных позиций стало требование установить источник дефекта, его временную или причинную связь со сделкой, относимое к закону психическое или информационное состояние стороны и полный набор последствий недействительности.

Процессуальное распределение задач следует из предмета доказывания. По статье 56 ГПК РФ истец подтверждает обстоятельства заявленного основания, а ответчик – факты, на которых построены его возражения; суд определяет юридически значимые обстоятельства и выносит их на обсуждение. Презумпция существенности отдельных видов заблуждения по пункту 2 статьи 178 не освобождает от доказывания самого ошибочного представления и его влияния на решение о сделке. Равным образом заключение эксперта по статье 177 не подменяет судебную квалификацию: эксперт устанавливает состояние и способности лица, а суд соотносит вывод с моментом и предметом оспариваемой сделки.

Практический результат состоит в последовательности проверки иска. Ссылка на мошенничество третьих лиц сначала требует ответа, совершал ли истец именно ту сделку, которую намеревался оформить. При положительном ответе исследуются мотив и условия статьи 178; для статьи 179 дополнительно устанавливаются умысел обманувшего лица, причинная связь и знание контрагента. Статья 177 применяется при доказанной неспособности в юридически значимый момент, а не при любом снижении критичности или подверженности убеждению. После выбора основания суд отдельно определяет реституцию, убытки и риск реального ущерба.

Развитие правовых позиций Верховного Суда РФ с 2015 года по июль 2026 года имеет дифференцированный, а не линейно ограничительный или расширительный характер. Защита лица с нарушенным волеобразованием сохраняется, но предоставляется после установления признаков конкретной статьи. Одновременно статьи 178 и 179 применяются с учетом того, мог ли контрагент распознать заблуждение либо знал или должен был знать об обмане третьего лица.

Установленный результат состоит в переходе от преимущественной конкретизации изолированных составов в постановлении Пленума № 25 к проверке взаимосвязи четырех элементов: природы дефекта, его связи со сделкой, осведомленности или распознаваемости для другой стороны и имущественных последствий. Эта формула является аналитическим обобщением рассмотренной практики, а не новым основанием недействительности. Она объясняет различный исход внешне сходных споров о продаже жилья под влиянием телефонных мошенников.

Особую сложность представляют случаи, когда притворная сделка совершается в условиях стечения тяжелых обстоятельств (кабальная сделка). Хотя законодатель выделяет кабальные сделки в отдельный состав (п.3 ст. 179 ГК РФ), на практике нередко возникают ситуации, когда признаки кабальности сочетаются с признаками притворности. Например, стороны могут прикрыть кабальный заем под высокие проценты договором купли-продажи имущества с рассрочкой платежа. В таких случаях судам приходится давать комплексную оценку пороку воли: с одной стороны, воля потерпевшего формировалась под влиянием тяжелых обстоятельств, с другой стороны, стороны сознательно использовали притворную конструкцию для прикрытия ростовщической сделки. Приоритет в такой ситуации должен отдаваться тому составу, который в наибольшей степени отражает существо допущенного нарушения и обеспечивает наиболее полную защиту прав потерпевшего.

Для статьи 177 ГК РФ основная трудность состоит в доказывании внутреннего состояния лица ретроспективно. В исследованиях сделкоспособности подчеркивается, что экспертная оценка должна устанавливать способность лица осознавать фактическое содержание и последствия юридически значимого поведения с учетом клинических, психологических и социальных факторов [3, с. 298–300]. Эта научная постановка соответствует более поздней позиции Верховного Суда: в Тематическом обзоре Верховного

Суда Российской Федерации № 12/2026 указано, что обстоятельства, предусмотренные статьей 177 ГК РФ, доказывает истец, а вопрос о способности понимать значение действий и руководить ими обычно требует специальных познаний и судебной экспертизы. Уклонение истца от исследования психического состояния может повлечь отказ в иске.

Параллельно в практике возникла необходимость отделять волю на совершение сделки от воли на выбытие имущества из владения. Д. А. Мальбин, анализируя решения Верховного Суда о защите добросовестного приобретателя, показывает, что недействительность сделки и выбытие имущества помимо воли собственника не тождественны автоматически; суду требуется установить характер передачи владения и содержание соответствующего волевого акта. Это различие ограничивает механическое перенесение вывода о пороке сделки на вещно-правовые последствия и объясняет, почему споры о недействительности отчуждения недвижимости требуют отдельной оценки условий защиты приобретателя.

В статье 178 ГК РФ судебное усмотрение ограничено несколькими нормативными фильтрами: существенностью заблуждения, его предметом, возможностью распознавания ошибки другой стороной и последствиями признания сделки недействительной. Пункт 4 статьи 178 допускает сохранение сделки, если контрагент согласен на условия, из представления о которых исходила заблуждавшаяся сторона. Ю. С. Поваров рассматривает этот механизм как самостоятельную форму сохранения силы оспоримой сделки и связывает его с принципами добросовестности и стабильности договорной связи [5]. Наличие ошибки при таком регулировании само по себе не предreshает недействительность: требуется определить ее юридическое содержание и проверить предусмотренные законом основания сохранения сделки.

В научной литературе неоднократно отмечалось, что институт притворных сделок выполняет важную функцию защиты гражданского оборота от недобросовестных действий участников. Однако для эффективного выполнения этой функции необходимо четкое понимание критериев порока воли и механизмов его доказывания. Как справедливо указывает Н. В. Трофимчук, «обозначенные признаки, как и само понятие притворной сделки, закрепленное в законе, не предлагают определенного алгоритма по установлению правового результата, на который были направлены юридически значимые действия сторон. Установление самого факта фиктивности возникшего правоотношения указывает лишь на его ничтожность, но не устраняет проблем, связанных с применением последствий недействительности таких сделок и выявлением истинной воли сторон» [7, с. 314–323]. В связи с этим особое значение приобретает судебское усмотрение, основанное на глубоком анализе всех обстоятельств дела и правильном применении принципов добросовестности и разумности.

Подводя итог анализу порока воли и волеизъявления как правового основания недействительности притворных сделок, необходимо отметить следующее.

Порок воли в притворных сделках имеет специфическую природу, отличающую его от иных видов недействительности. Он заключается не в ущемлении свободы формирования воли, а в сознательном, согласованном искажении волеизъявления, когда стороны выражают вовне не ту волю, которую они действительно имеют, причем обе стороны осведомлены об этом расхождении и действуют совместно для достижения скрытой цели. Обязательным условием признания сделки притворной является наличие порока воли у каждой из сторон, что прямо вытекает из п. 2 ст. 170 ГК РФ и разъяснений, данных в Постановлении Пленума ВС РФ № 25. Сложность доказывания порока воли обусловлена необходимостью исследования не только текста договора, но и всей совокупности фактических обстоятельств, включая поведение сторон до и после заключения сделки, их взаимоотношения, экономическую целесообразность совершенных действий. Современная судебная практика свидетельствует о последовательном развитии подходов к оценке порока воли, расширении круга доказательств, принимаемых судами во внимание, и усилении роли принципа добросовестности при разрешении споров о недействительности притворных сделок.

Пределы результата заданы источниковой базой. Тематический обзор № 12/2026 посвящен переходу права собственности на жилые помещения и преимущественно развивает позиции о заблуждении, обмане и доказательствах состояния по статье 177 ГК РФ. Материалы не дают оснований утверждать, что те же фактические критерии без корректировки применимы ко всем видам сделок, а также к насилию, угрозе и кабальным сделкам. Статистический вывод о результатах рассмотрения всех исков невозможен без отдельной репрезентативной выборки судебных актов.

Список использованных источников

1. Аблятипова, Н. А. Заблуждение и обман как условия недействительности сделок: анализ судебной практики / Н. А. Аблятипова, Н. В. Григорчук // Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского. Юридические науки. – 2022. – Т. 8 (74), № 1. – С. 216–222.
2. Желонкин, С. С. Недействительность антисоциальных сделок, нарушающих основы правопорядка и нравственности : дис. ... канд. юрид. наук. 12.00.03 – Санкт-Петербург, 2011. – 237 с.
3. Петрова, Е. С. К вопросу о недействительности сделок, заключенных под влиянием обмана: теория и практика / Е. С. Петрова // Аграрное и земельное право. – 2025. – № 4. – С. 298–300.
4. Писков, И. П. Отдельные аспекты недействительности сделок с пороками воли в свете нашумевшего дела о продаже квартиры. Комментарий к определению Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда РФ от 16 декабря 2025 г. № 5-КГ25-174-К2 / И. П. Писков, А. А. Ягельницкий // Вестник гражданского права. – 2026. – Т. 26, № 1. – С. 196–225.
5. Потёмкин, Б. Е. Правовая квалификация сделок, совершенных жертвами мошенничества: доктринальный анализ оснований недействительности, допустимость экспертных заключений и пределы судебной защиты / Б. Е. Потёмкин, А. О. Машовец // Виктимология. – 2026. – Т. 13, № 2. – С. 345–358.
6. Тарасенко, С. А. Отдельные вопросы догматики и практики признания недействительными сделок с пороками воли / С. А. Тарасенко // International Law Journal. – 2024. – Т. 7, № 7. – С. 64–68.
7. Шапошников, Е. А. Использование личных доказательств при доказывании воли сторон договора / Е. А. Шапошников // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Право. – 2025. – № 2 (61). – С. 314–323.

Сведения об авторах

Демиева Айнур Габдульбаровна – доктор юридических наук, профессор кафедры гражданского и корпоративного права ФГБОУ ВО «Санкт-Петербургский государственный экономический университет». E-mail: ainuraa@bk.ru

Миронова Дарья Ивановна – магистрант ФГБОУ ВО «Санкт-Петербургский государственный экономический университет». E-mail: mironova.dasham2015@gmail.com

UDC 347.132.6

INVALIDITY OF TRANSACTIONS INVOLVING DEFECTS OF WILL: EVOLUTION OF THE LEGAL POSITIONS OF THE SUPREME COURT OF THE RUSSIAN FEDERATION

Demieva A.G., Mironova D.I.

Saint Petersburg State University of Economics, Saint Petersburg

The article examines changes in the Supreme Court of the Russian Federation's approach to challenging transactions under Articles 177–179 of the Civil Code from 2015 through 31 July 2026. Resolution of the Plenum No. 25, rulings in

individual cases and Thematic Review No. 12/2026 are compared. The analysis identifies a shift from verifying an isolated statutory defect of will to assessing its recognizability by the counterparty, the precise moment of the defect and the consequences of invalidity. The limits of this approach are specified.

Keywords: defects of will, forensic examination, fraud, good faith, invalidity of transaction, mistake, Supreme Court

References

1. Ablatipova, N. A. Misrepresentation and fraud as conditions for the invalidity of transactions: an analysis of judicial practice / N. A. Ablatipova, N. V. Grigorchuk // Scientific Notes of the Crimean Federal University named after V. I. Vernadsky. Legal Sciences. – 2022. – Vol. 8 (74), No. 1. – Pp. 216–222.
2. Zhelonkin, S. S. Invalidity of antisocial transactions that violate the foundations of law and order and morality: dis. ... cand. jurid. sciences'. 12.00.03 – Saint Petersburg, 2011. – 237 p.
1. Petrova, E. S. On the issue of the invalidity of transactions concluded under the influence of fraud: theory and practice / E. S. Petrova // Agrarian and Land Law. – 2025. – No. 4. – Pp. 298–300.
4. Piskov, I. P. Certain aspects of the invalidity of transactions with defects of will in light of the sensational case concerning the sale of an apartment. Commentary on the ruling of the Judicial Collegium for Civil Cases of the Supreme Court of the Russian Federation dated December 16, 2025, No. 5-KG25-174-K2 / I. P. Piskov, A. A. Yagelnitsky // Bulletin of Civil Law. – 2026. – Vol. 26, No. 1. – Pp. 196–225.
5. Potemkin, B. E. Legal Classification of Transactions Entered into by Victims of Fraud: Doctrinal Analysis of Grounds for Invalidity, Admissibility of Expert Opinions, and Limits of Judicial Protection / B. E. Potemkin, A. O. Mashovets // Victimology. – 2026. – Vol. 13, No. 2. – pp. 345-358.
6. Tarasenko, S. A. Some issues of dogmatics and practice of invalidating transactions with vices of the will / S. A. Tarasenko // International Law Journal. – 2024. – Vol. 7, No. 7. – pp. 64-68.
7. Shaposhnikov, E. A. The use of personal evidence in proving the will of the parties to the contract / E. A. Shaposhnikov // Bulletin of Voronezh State University. Series: Law. – 2025. – No. 2 (61). – Pp. 314–323.

Author's information

Demieva Ainur Gabdulbarovna – Doctor of Law, Professor at the Department of Civil and Corporate Law, Saint Petersburg State University of Economics. E-mail: ainuraa@bk.ru

Mironova Darya Ivanovna – Master's student at Saint Petersburg State University of Economics. E-mail: mironova.dasham2015@gmail.com

УДК 343.615

ПРОТИВОДЕЙСТВИЕ НАСИЛИЮ В СЕМЬЕ: ВОПРОСЫ ЗАКОНОДАТЕЛЬНОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ

Маевский С.С., Герасенков В.М.

Брянский государственный университет имени академика И.Г. Петровского, г. Брянск

Целью настоящей статьи является проведение критического анализа исторических предпосылок и современного состояния законодательного регулирования предупреждения семейно-бытового насилия в Российской Федерации, а также обоснование необходимости более четкого нормативного регулирования вопросов профилактики и предотвращения насилия в семье, для совершенствования механизма правовой защиты пострадавших и неотвратимости наказания виновных.

Ключевые слова: насилие в семье, семейно-бытовое насилие, домашнее насилие, противодействие насилию в семье, законодательное регулирование, профилактика семейно-бытового насилия, историко-правовой анализ, сравнительное правоведение, уголовная ответственность, правовая защита жертв

DOI 10.22281/2542-1697-2026-05-03-103-109

Для наиболее обстоятельного исследования криминологических и виктимологических аспектов семейного насилия необходимо обратиться к изучению исторических предпосылок законодательного регулирования данной острой проблемы, рассмотреть ее в призмах сравнительного исследования отечественного и зарубежного законодательства, регулирующего особенности противодействия насилию в семье.

В настоящее время, несмотря на стремительное развитие научно-технического прогресса и цифровизации современного общества, миллионы женщин и детей по всему миру, по сей день вопреки всему этому подвергаются домашнему насилию. Данное явление непредсказуемо – оно настолько глубоко пустило корни в обществе, что может проявляться в любой семье, вне зависимости от социального положения её членов.

В статье 2 Конституции Российской Федерации закреплено, что права и свободы человека – это высшая ценность [1]. Россия, для более эффективной защиты прав женщин и детей, подвергающихся домашнему насилию, ратифицировала международные конвенции о защите прав женщин и противодействию насилию внутри семьи, приняв на себя тем самым определенные обязательства и поддерживая политику, направленную на искоренение данного явления на международном уровне.

Анализ законодательства позволяет сделать вывод о том, что в настоящее время какого-то специализированного нормативно-правового акта, который бы точно регулировал проблематику семейного насилия и был направлен на его предупреждение – до сих пор не принято. В то же время, отдельные вопросы, пусть даже не прямо, а косвенно касающиеся данной проблематики, законодателем, все-таки, были отражены. В качестве примеров можно привести Федеральный закон от 23 июня 2016 года №182-ФЗ «Об основах системы профилактики правонарушений в Российской Федерации» [4], Федеральный закон от 28 декабря 2013 года № 442-ФЗ «Об основах социального обслуживания граждан в Российской Федерации» [3].

Тем не менее, упомянутые нормативно-правовые акты не имеют четкого и специализированного механизма, с помощью которого можно было бы в успешно противодействовать семейному насилию.

Мы полагаем, что существующих мер по предупреждению домашнего насилия недостаточно для современной России. Причем это понимание есть и у законодателя, ведь уже не раз принимались попытки принятия единого нормативно-правового акта. Впервые вопрос о создании специального нормативно-правового акта был внесен в Государственную думу Федерального Собрания РФ 1995 году, однако уже в 1999 году был снят с рассмотрения. Немного позже, в 2007 году, была предпринята повторная попытка, но также

федеральный закон не был принят. Так почему же законодатель не видит острой необходимости введения дополнительных мер по охране неотъемлемых прав и свобод человека внутри данного социального института? Ведь если мы обратимся к истории, мы увидим, что внутри семьи всегда был «специфический» вид взаимоотношений и порядок урегулирования конфликтов.

Русская Правда, являясь одним из древнейших правовых источников на Руси, закрепляет властное положение мужчины в семье, где под его полным покровительством находятся жена и дети. У родителей было полное право по распоряжению своими детьми: по своему усмотрению они могли продать их в холопы, лишить наследства или даже убить [12].

Ещё один памятник древнерусского нормотворчества, продолжающий политику утверждения патриархального уклада, и, оставляющий за мужем право фактического распоряжения другими членами семьи, является Домострой. В данном памятнике права при его детальном изучении так и не удалось обнаружить понятия «семья» - оно заменяется понятием «Дом», закрепляя тем самым нормы правового поведения для каждой семьи как единого целого, нежели охрану прав и свобод ее членов по отдельности. Несмотря на это, в Домострое предусмотрены права и обязанности для каждого члена семьи, адресуется этот документ непосредственно главе семьи, что можно увидеть практически в каждой статье. Например, в главе 25 «Наказ мужу и жене и детям как им следует жить», мы не встретим детальной регламентации прав и обязанностей участников семейных отношений. Главной идеей Домостроя можно считать правило: «Мужчине следует учить жену и детей как правильно жить, а у последних есть только обязанность – подчиняться» [10].

Таким образом, сформировался принцип законодательного регулирования, а также механизм влияния на сознание и понимания уклада семейных отношений на Руси. При дальнейшем анализе исторических правовых документов, мы видим, что, не смотря на развитие общества и внешне «смягчение границ» и расширении объёма прав членов семьи, патриархат занимает свое почетное место в формировании домашнего семейного устройства.

В дальнейшем, на законодательном уровне изданное в 1649 году Соборное Уложение [13] предусматривало применение уголовного наказания за совершение семейного насилия, в том числе, в данном источнике отмечалось, что если ребенок убил своего родителя, то он должен быть подвергнут уголовному наказанию в виде смертной казни. Родителю же, убившему своего ребенка, согласно Соборному Уложению, назначалось тюремное заключение сроком на 1 год. Также в анализируемом памятнике права предусматривалось назначение наказания за причинение побоев, ложный донос на родителей или других членов семьи. Из этого вытекает вывод о том, что законодатель в рамках анализируемого временного периода достаточно строго относился к совершению преступлений внутри семьи.

Также касательно проблематики исследования представляет интерес Уложение о наказаниях уголовных и исправительных 1845 года [14], так как данный источник права кардинально отличается от предыдущих, в своем способе регулирования внутри семейных отношений. Государство будто бы пересматривает свою позицию в отношении прав членов семьи, наделяя их такими же правами, как и главу семьи.

Безусловно, власть мужа не ослабевает, как и в предшествующие периоды, дети за свое неповиновение родителям все также подлежат уголовному преследованию, однако в Уложении, мы впервые встречаем нормы, существенно ограничивающие родительскую власть. К примеру, появляется ответственность родителей за принуждение детей к вступлению в брак.

Также, это подтверждает и то, что расширяется круг преступлений, преследуемых в порядке частного обвинения. Появляются нормы, направленные на охрану прав граждан, например, примечание к статье 1903 Уложения о наказаниях уголовных и исправительных закрепляет ответственность за причинение увечий и «...причинение неважного по степени своей вреда здоровью, или же нанесение увечий и ран по неосторожности».

Жесткое обращение с женщиной выделяется теперь также в самостоятельное преступление – статья 201.3. Помимо этого, появляется и ответственность за распространение ругательных или иных оскорбительных для чести сочинений, изображений или слухов – примечание к ст. 204. Таким образом, на законодательном уровне начинается процесс расширения прав всех членов общества, как в общественных, так и в семейных отношениях.

Другой нормативный правовой акт, представляющий интерес, это «Устав о наказаниях, налагаемых мировыми судьями» [15]. Здесь также прослеживается тенденция протекционной политики со стороны государства в отношении членов семьи. В частности, законодатель выстраивает ряд норм, ограничивающих воспитательный процесс по отношению к детям, не только внутри семьи, но также и в обществе. К примеру, жестокое обращение с ребенком, находящимся в подмастерье, теперь преследуется по закону. А во внутрисемейных взаимоотношениях, жесткость со стороны родителей порой могла приводить к лишению родительских прав, или же прав опеки с последующей передачей ребенка в более надежные руки другого опекуна.

В дальнейших правовых источниках советского и постсоветского периода, четко прослеживается тенденция преемственности пути расширения прав членов общества, но при этом, бытовое насилие, на правовом поле, выступает уже ни как совокупность деяний, а лишь как квалифицирующий признак.

Это подтверждает и то, что в текстах Уголовного кодекса РСФСР 1922 года [5] и Уголовного кодекса РСФСР 1926 года [6], законодатель в обоих Кодексах не выделяет в отдельную главу преступления против семьи. Бытовые преступления классифицируются как преступления против жизни, здоровья, свободы и достоинства личности.

Однако, в 1968 г, законодатель, осознавая существующий пробел в регулировании внутрисемейных отношений, восполняет его, принимая Кодекс о браке и семье РСФСР 1968 г. Статья 3 данного Кодекса закрепляет равноправие женщины и мужчины в семейных отношениях. Несмотря на то, что Кодекс, в большей части посвящен регулированию и охране имущественных прав и отношений супругов, из смысла нормы следует, что равноправие в семейных отношениях распространяется также на личные права и свободы [7].

Сама по себе проблема семейно-бытового насилия имела место быть как раньше, так и в настоящее время. В каждой семье есть свои тайны. Порой, выносить «сор из избы» также не хочется.

В российском уголовном законодательстве ответственность за насильственные действия в отношении членов семьи предусмотрена ст. ст. 105 - 107, 110 - 113, 115 - 119, 127.1, 131-135, 150 УК РФ, и другими нормами УК РФ. Устанавливается уголовная ответственность за неисполнение обязанностей по воспитанию детей и неуплату средств на содержание детей или нетрудоспособных родителей ст. ст. 156, 157 УК РФ [2].

По официальной статистике МВД, в России 27 тысяч детей ежегодно подвергаются жестокому обращению, побоям, и даже причинению вреда здоровью своими собственными родителями. Сам ребенок еще только проходит начальную стадию формирования личности и далеко не каждый может выдержать неоправданный прессинг со стороны собственного родителя. В результате ребенок сбегает из дому, заканчивает жизнь самоубийством, от безысходности совершает преступления, может попасть в плохую компанию. [11, с. 102].

Тем не менее, проблема насилия в семье до конца не решена, так как по состоянию на 2026 год в Российской Федерации до сих пор не принят специальный закон, направленный на профилактику семейно-бытового насилия. По нашему мнению, непростую ситуацию в данной сфере может в настоящее время разрешить только судебная практика. Поэтому в настоящее время назрела необходимость в принятии Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации «О некоторых вопросах применения уголовного законодательства, предусматривающего ответственность за насилие в семье». Поэтому, сколько бы ни налагались административные штрафы на семейного тирана – вряд ли это приведет к защите членов его семьи от рукоприкладства, и вряд ли можно рассчитывать, что

подобное не повторится. Более того, бремя выплаты штрафа за совершение данного противоправного деяния будет, опять-таки, ложиться на семью, в которой произошло семейное насилие – это приведет к тому, что ответственность распределится и на виновника и на потерпевшего от его действий человека в семье.

Исходя из положений уголовно-процессуального законодательства производство по ст. 116.1 УК РФ отнесено к частному обвинению, из-за чего на жертву стали возлагаться все судебные расходы и бремя доказывания, на что в большинстве случаев у нее нет ни экономических, ни психологических ресурсов. Эту проблему отметил и Верховный Суд Российской Федерации, выступив с законодательной инициативой об отнесении ст. 116.1 УК РФ к частно-публичному обвинению.

Следует признать, что с проблемой семейно-бытового насилия сталкиваются все государства. Многие правозащитники и депутаты Госдумы предлагают принять закон против домашнего насилия. «Внутрисемейные конфликты – материя тонкая, поэтому, как показывает мировая практика, нуждаются в специальном регулировании. У нас такого нет, «традиция» – иная [8, с. 52]. От одного исторического периода к другому в современном обществе происходит постепенная демократизация и смягчение «неравного положения» членов семьи.

Несмотря на демократические тенденции в современном обществе, исторически сложившаяся и закрепившаяся форма существования российских семей – патриархат. Безусловно, с развитием общества все члены семьи получили равные права и статус самостоятельной личности в обществе, находящегося вне власти чьей-то воли.

Однако, государство еще с древних времен выделяло семью в качестве особого объекта правового регулирования, осознавая необходимость регулирования «общества в обществе». И ведь действительно, семья, являясь самостоятельной ячейкой общества, живет по особым негласным правилам и законам и порой, существующее законодательное регулирование просто не может охватить весь спектр взаимоотношений между субъектами. Это доказывает и то, что насилие внутри семьи продолжает свое существование в обществе, а это значит, что правовых мер со стороны законодателя попросту недостаточно.

Проведенный анализ данной проблематики позволяет нам сомневаться в скором принятии специального закона, направленного на урегулирование проблематики семейного насилия. Поэтому в настоящее время стратегия борьбы с семейным насилием должна строиться на том, что оптимальным вариантом в настоящее время является принятие Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации «О некоторых вопросах применения уголовного законодательства, предусматривающего ответственность за насилие в семье», что можно сделать в достаточно короткие сроки и без лишней волокиты. Только после этого, в качестве стратегической цели постепенно прийти к принятию Федерального закона о профилактике семейно-бытового насилия с защитным предписанием и частно-публичным порядком по ст. 116.1 УК РФ.

Список использованных источников

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) // Официальный Интернет портал правовой информации : [сайт]. – 2026. – URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202007040001> (Дата обращения 09.09.2026) – Текст: электронный.
2. Российская Федерация. Законы. Уголовный кодекс Российской Федерации : Федеральный закон № 63-ФЗ : [принят Государственной Думой 24 мая 1996 года : одобрен Советом Федерации 5 июня 1996 года] : (ред. от 09.04.2026). – Текст : непосредственный // Собрание законодательства РФ. – 1996. – № 25. – Ст. 2954.
3. Российская Федерация. Законы. Об основах социального обслуживания граждан в Российской Федерации : Федеральный закон № 442-ФЗ : [принят Государственной Думой 23 декабря 2013 года : одобрен Советом Федерации 25 декабря 2013 года] : (ред. от 26.12.2024).

– Текст : непосредственный // Собрание законодательства РФ. – 2013. – № 52 (часть I). – Ст. 7007.

4. Российская Федерация. Законы. Об основах системы профилактики правонарушений в Российской Федерации : Федеральный закон № 182-ФЗ : [принят Государственной Думой 10 июня 2016 года : одобрен Советом Федерации 15 июня 2016 года]. – Текст : непосредственный // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2016. – № 26 (часть I). – Ст. 3851.

5. РСФСР. Законы. О введении в действие Уголовного Кодекса Р.С.Ф.С.Р. (вместе с «Уголовным Кодексом Р.С.Ф.С.Р.») : Постановление ВЦИК от 1 июня 1922 г. (утратило силу). – Текст : непосредственный // Собрание узаконений РСФСР. – 1922. – № 15. – Ст. 153.

6. РСФСР. Законы. О введении в действие Уголовного Кодекса Р.С.Ф.С.Р. редакции 1926 года (вместе с Уголовным Кодексом Р.С.Ф.С.Р.) : Постановление ВЦИК от 22 ноября 1926 г. – Текст : непосредственный // Собрание узаконений РСФСР. – 1926. – № 80. – Ст. 600.

7. РСФСР. Законы. Кодекс о браке и семье РСФСР : Кодекс : [утв. ВС РСФСР 30.07.1969] : (ред. от 07.03.1995, с изм. от 29.12.1995). – Текст : непосредственный // Ведомости Верховного Совета РСФСР. – 1969. – № 32. – Ст. 1397.

8. Атагимова, Э. И. Правовое регулирование противодействия семейно-бытовому насилию в России и за рубежом: сравнительный анализ / Э. И. Атагимова. – Текст : непосредственный // 2018. – № 2 (27). – С. 52.

9. Верховный Суд РФ предложил защитить жертв домашнего насилия отменой частного обвинения в судах. – Текст : электронный // Пресс-центр Верховного Суда РФ. – [Б. м.], 2019. – URL: https://www.vsrfr.ru/press_center/mass_media/29837/ (дата обращения: 09.09.2026).

10. Домострой: нормы семейной жизни на Руси. – Текст : электронный // Культура.РФ. – URL: <https://www.culture.ru/materials/254777/domostroi-normy-semeinoi-zhizni-na-rusi> (дата обращения: 08.09.2026).

11. Магомедов, Г. Б. Уголовно-правовая характеристика обстоятельств, влияющих на объем меры наказания : монография / Г. Б. Магомедов. – Москва : Юрлитинформ, 2013. – С. 102. – Текст : непосредственный.

12. Русская Правда. – Текст : электронный // Библиотекарь.Ру. – URL: <http://www.bibliotekar.ru/rus/3-2.htm> (дата обращения: 08.09.2026).

13. Соборное Уложение 1649. – Текст : электронный. – URL: <http://www.hirst/whole.htm> (дата обращения: 08.09.2026).

14. Уложение о наказаниях уголовных и исправительных 1845 г. – Текст : электронный // НИУ ВШЭ. – URL: <https://nnov.hse.ru/ba/law/igpr/ulonakaz1845> (дата обращения: 09.09.2026).

15. Устав о наказаниях, налагаемых мировыми судьями. – Текст : непосредственный // Российское законодательство X–XX веков. Т. 8. Судебная реформа. – Москва : Юридическая литература, 1991. – С. 386–469.

Сведения об авторах

Маевский Сергей Сергеевич - кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовно-правовых дисциплин, теории и истории государства и права, Брянский государственный университет имени академика И.Г. Петровского. E-mail: stelgood@mail.ru. Рабочий телефон: +7 (4832) 58-05-16, доб. 1405.

Герасенков Вадим Михайлович - кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовно-правовых дисциплин, теории и истории государства и права, Брянский государственный университет имени академика И.Г. Петровского. E-mail: mr.va.ger@mail.ru. Рабочий телефон: +7 (4832) 58-05-16, доб. 1405.

UDC 343.615

**COUNTERACTION TO DOMESTIC VIOLENCE: ISSUES OF LEGISLATIVE
REGULATION**

Mayevsky S.S., Gerasenkov V.M.

Bryansk State Academician I.G. Petrovski University, Bryansk

The purpose of this article is to conduct a critical analysis of the historical prerequisites and the current state of legislative regulation of the prevention of family and domestic violence in the Russian Federation, as well as to substantiate the need for clearer normative regulation of the issues of prevention and counteraction to violence in the family, in order to improve the mechanism of legal protection of victims and the inevitability of punishment of the perpetrators.

Keywords: violence in the family, family and domestic violence, domestic violence, counteraction to domestic violence, legislative regulation, prevention of family and domestic violence, historical and legal analysis, comparative legal studies, criminal liability, legal protection of victims

References

1. Constitution of the Russian Federation (adopted by popular vote on 12.12.1993, with amendments approved in the nationwide vote on 01.07.2020). – Electronic text // Official Internet Portal of Legal Information: [website]. – 2026. – URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202007040001> (accessed 09.09.2026).
2. Russian Federation. Laws. Criminal Code of the Russian Federation: Federal Law No. 63-FZ: [adopted by the State Duma on 24 May 1996: approved by the Federation Council on 5 June 1996]: (as amended on 09.04.2026). – Text: direct // Collected Legislation of the Russian Federation. – 1996. – No. 25. – Art. 2954.
3. Russian Federation. Laws. On the Fundamentals of Social Services for Citizens in the Russian Federation: Federal Law No. 442-FZ: [adopted by the State Duma on 23 December 2013: approved by the Federation Council on 25 December 2013]: (as amended on 26.12.2024). – Text: direct // Collected Legislation of the Russian Federation. – 2013. – No. 52 (Part I). – Art. 7007.
4. Russian Federation. Laws. On the Fundamentals of the System for the Prevention of Offenses in the Russian Federation: Federal Law No. 182-FZ: [adopted by the State Duma on 10 June 2016: approved by the Federation Council on 15 June 2016]. – Text: direct // Collected Legislation of the Russian Federation. – 2016. – No. 26 (Part I). – Art. 3851.
5. RSFSR. Laws. On the Implementation of the Criminal Code of the R.S.F.S.R. (together with the "Criminal Code of the R.S.F.S.R."): Decree of the All-Russian Central Executive Committee (VTsIK) of 1 June 1922 (no longer in force). – Text: direct // Collection of Decrees of the RSFSR. – 1922. – No. 15. – Art. 153.
6. RSFSR. Laws. On the Implementation of the Criminal Code of the R.S.F.S.R., 1926 edition (together with the Criminal Code of the R.S.F.S.R.): Decree of the All-Russian Central Executive Committee (VTsIK) of 22 November 1926. – Text: direct // Collection of Decrees of the RSFSR. – 1926. – No. 80. – Art. 600.
7. RSFSR. Laws. Code on Marriage and Family of the RSFSR: Code: [approved by the Supreme Soviet of the RSFSR on 30.07.1969]: (as amended on 07.03.1995, with changes of 29.12.1995). – Text: direct // Gazette of the Supreme Soviet of the RSFSR. – 1969. – No. 32. – Art. 1397.
8. Atagimova, E. I. Legal Regulation of Counteracting Domestic and Family Violence in Russia and Abroad: A Comparative Analysis / E. I. Atagimova. – Text: direct // 2018. – No. 2 (27). – P. 52.
9. The Supreme Court of the Russian Federation proposed protecting victims of domestic violence by abolishing private prosecution in courts. – Electronic text // Press Center of the Supreme Court of the Russian Federation. – [S. l.], 2019. – URL: https://www.vsrfr.ru/press_center/mass_media/29837/ (accessed: 09.09.2026).
10. Domostroi: Norms of Family Life in Rus'. – Electronic text // Kultura.RF. – URL: <https://www.culture.ru/materials/254777/domostroi-normy-semeinoi-zhizni-na-rusi> (accessed:

08.09.2026).

11. Magomedov, G. B. Criminal-Law Characteristics of Circumstances Affecting the Scope of Punishment as the Content of Sanctions: monograph / G. B. Magomedov. – Moscow: Yurlitinform, 2013. – P. 102. – Text: direct.

12. Russkaya Pravda (Russian Justice). – Electronic text // Bibliotekar.Ru. – URL: <http://www.bibliotekar.ru/rus/3-2.htm> (accessed: 08.09.2026).

13. Sobornoye Ulozhenie (Council Code) of 1649. – Electronic text. – URL: <http://www.hirst/whole.htm> (accessed: 08.09.2026).

14. Ulozhenie on Criminal and Correctional Punishments of 1845. – Electronic text // HSE University. – URL: <https://nnov.hse.ru/ba/law/igpr/ulonakaz1845> (accessed: 09.09.2026).

15. Statute on Punishments Imposed by Magistrates. – Text: direct // Russian Legislation of the 10th–20th Centuries. Vol. 8. The Judicial Reform. – Moscow: Legal Literature, 1991. – P. 386–469.

Author`s information

Maevsky Sergey Sergeevich – Candidate of Legal Sciences, Associate Professor of the Department of Criminal Law Disciplines, Theory and History of State and Law, Bryansk State University named after Academician I.G. Petrovsky. E-mail: stelgood@mail.ru. Phone: +7 (4832) 58-05-16, ext. 1405.

Gerasenkov Vadim Mikhailovich – Candidate of Legal Sciences, Associate Professor of the Department of Criminal Law Disciplines, Theory and History of State and Law, Bryansk State University named after Academician I.G. Petrovsky. E-mail: mr.va.ger@mail.ru Phone: +7 (4832) 58-05-16, ext. 1405.

ЭКОНОМИКА. СОЦИОЛОГИЯ. ПРАВО.

**Свидетельство о регистрации средства массовой информации
выдано Федеральной службой по надзору
в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций
Эл. № ФС77-65142 от 28.03.2016 г.**

Главный редактор журнала:
доктор экономических наук, доцент
О.В. Бабич

Адрес учредителя:
ФГБОУ ВО «Брянский государственный университет
имени академика И.Г. Петровского»
241036, г. Брянск, Бежицкая, 14.

Адрес редакции и издателя:
РИО ФГБОУ ВО «Брянский государственный университет
имени академика И.Г. Петровского».
241036, г. Брянск, Бежицкая, 14.

Дата выхода журнала в свет 30.09.2026 г. **16+**